

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

15

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1955

Редколлегия:

С. Б. БЕРНШТЕЙН (отв. ред.), В. И. ЗЛЫДНЕВ, В. Д. КОРОЛЮК,
И. И. КОСТЮШКО, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ, Е. В. ЧЕШКО

ОТ РЕДАКЦИИ

В пятнадцатом номере «Кратких сообщений» публикуются доклады, прочитанные на втором совещании по вопросам болгарской грамматики, созванном Институтом славяноведения в декабре 1953 г. Тематика докладов связана с плановой темой института «Основные вопросы болгарской грамматики».

В данном выпуске публикуются также статья О. Н. Трубачева, хроника и авторефераты защищенных кандидатских диссертаций.

М. И. Матусевич

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОГЛАСНЫХ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА

Болгарский литературный язык создавался на основе восточного наречия, главным образом тырновского говора. Однако, в связи с растущим значением Софии как столицы, западное наречие, на территории которого находится София, оказывало и оказывает все большее воздействие на литературный язык. Это сказывается также и на произношении: наряду с некоторыми фонетическими особенностями восточного наречия (в частности, тырновского говора) появились сначала, очевидно, в качестве равноправных вариантов, а сейчас становятся уже господствующими характерные черты западного наречия.

Болгарские фонетисты, среди которых наиболее авторитетным является Стойко Стойков, считают основным вариантом софийское произношение и потому именно оно и является у них предметом более пристального изучения. В частности, в работах Стойко Стойкова софийское произношение и было в основном подвергнуто детальному экспериментальному исследованию¹.

Что касается остальных говоров, то они такому подробному и систематическому экспериментальному исследованию не подвергались. Правда, в первой работе Стойко Стойкова (1942 г.) было изучено произношение одного тырновца и некоторые данные по тырновскому говору у Стойкова имеются, но даются им только попутно, а в основном все его внимание сосредоточено на софийском произношении.

В связи с этим в данной работе по болгарскому литературному произношению и поставлена цель выяснить на основе экспериментальных данных фонетические особенности не только софийского говора, что уже в основном сделано, но также исследовать и некоторые другие говоры, в первую очередь тырновский. При этом применялись следующие методы экспериментального исследования.

Прежде всего фонетические особенности тырновского говора устанавливались на слух. Были прослушаны и определены все звуки в словах, причем встали уже некоторые вопросы, которые в дальнейшем и подверглись изучению. Согласные исследовались в трех основных положениях: в начале слова, в интервокальном положении и в конце слова, в абсолютном исходе. Помимо этих трех положений необходимо, конечно, исследовать согласные и в их различных сочетаниях как внутри слов, так и на стыке слов, но этот вопрос уже представляет особую тему и в настоящий доклад не входит.

¹ С. Стойков. Български книжовен изговор. София, 1942. С. Стойков. Палаталните съгласни в българския книжовен език. «Известия на Института за български език», книга първа. София, 1952.

В дальнейшем, после установления фонетической характеристики болгарских согласных на слух, было проведено экспериментальное исследование. Во-первых, с помощью рентгеноскопии были установлены положения артикулирующих органов, в основном положение языка при артикуляции согласных, т. е. получены рентгенограммы, с которых затем были сделаны рисунки. На этих рисунках устранено все то лишнее, что не относится к положению артикулирующих органов, т. е. различные детали анатомической структуры, которые видны на рентгенограмме, но не играют роли в звукообразовании. Таким образом, рентгенограммы при перерисовке даны более схематично, что было необходимо и для сравнения их с рентгенограммами Стойко Стойкова, где также устранены ненужные детали. Во-вторых, для уточнения некоторых положений языка, которые на рентгенограмме не могут быть показаны, была произведена съемка палатограмм. С помощью искусственного нёба производилась съемка положения артикулирующих органов, что затем перерисовывалось в проекции, т. е. были получены палатограммы согласных, которые затем сравнивались с палатограммами Стойко Стойкова.

Третий метод исследования согласных — это запись на кимографе, т. е. получение так называемых кимограмм. С помощью этих записей уточнялся ряд фонетических явлений, касающихся способа образования согласных. Кимограммы были важны при выяснении элементов аффрицированности и придыхательности согласных и выяснении их звонкости или глухости, что особенно важно в отношении конечных согласных.

В качестве основного диктора по тырновскому говору был привлечен студент экономического факультета Ленинградского университета Стефан Качаунов, двадцати четырех лет. Он родом из Тырнова и является типичным носителем тырновского говора.

Полученный от Качаунова экспериментальный материал по тырновскому говору сравнивался с экспериментальными данными Стойко Стойкова по софийскому произношению. Кроме того, систематически проводилось сравнение с данными русского языка. По русскому языку также были сняты некоторые рентгенограммы, которые были важны для сравнения, и палатограммы. Сравнение идет, таким образом, в двух направлениях: с одной стороны, сравнение тырновского говора с софийским, с другой стороны — сравнение тырновского с русским.

В настоящем докладе будут изложены только основные фонетические свойства тырновских согласных сравнительно с софийскими и русскими. Материал дается по группам согласных, классифицируемых прежде всего по основному артикулирующему органу.

ГУБНЫЕ СОГЛАСНЫЕ

Болгарские смычные **п**, **б**, **м** произносятся аналогично соответственным русским и не обладают какой-либо спецификой. Единственная разница, которую можно наблюдать, это степень напряженности. Русские **п**, **б**, **м** произносятся несколько менее напряженно, чем соответственные болгарские. В болгарском языке имеется некоторая разница в артикуляции губ между **п**, **б** (твердыми) и **пъ**, **бъ** (мягкими), как это отмечает и Стойко Стойков: мягкие произносятся более напряженно, т. е. губы несколько плотнее сжимаются и углы губ слегка раздвигаются в стороны, то, чего не наблюдается при твердых. Что касается русского языка, то разницы в губной артикуляции между твердыми и мягкими губными не наблюдается.

Губные щелевые согласные, т. е. **ф**, **в** твердые и соответственные мягкие, так же произносятся в болгарском языке, как и в русском. При артикуляции **ф** и **в** образуется так называемая внутренняя щель между верхними зубами и внутренней поверхностью нижней губы.

Таким образом, тырновское произношение в артикуляции губных согласных ничего специфического не представляет ни по сравнению с софийским, ни по сравнению с русским.

ЗАДНЕЯЗЫЧНЫЕ СОГЛАСНЫЕ

Болгарские смычные **к** и **г** также в общем аналогичны русским, но небольшая разница все же есть. Дело в том, что русские **к** и **г** произносятся более глубоко, а болгарские несколько продвинуты вперед.

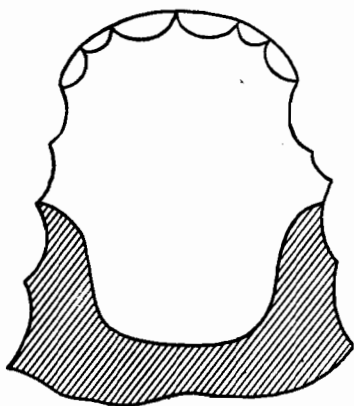

Рис. 1. к(а́ка) (С. Стойков)

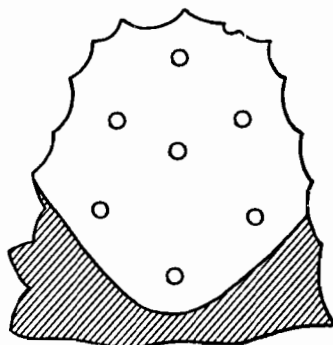

Рис. 2. к(ап) (Качаунов)

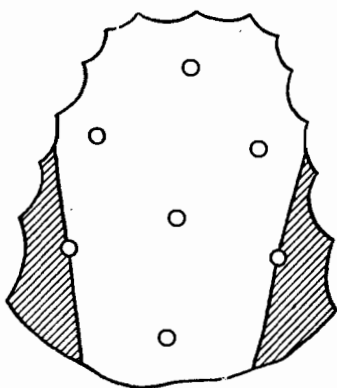

Рис. 3. к(ап) (русский язык)

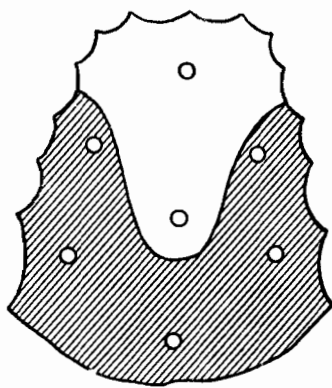

Рис. 4. к(яхта) (русский язык)

Это видно на палатограммах (ср. рис. 1, 2 с рис. 3), на которых показано место артикуляции при твердом **к**. На палатограмме русского **к** видно, что задняя часть языка производит смычку довольно глубоко на мягком нёбе, и поэтому она здесь не видна полностью.

Палатограммы болгарского **к** Качаунова, тырновца, и Стойко Стойкова, отражающие софийское произношение, примерно одинаковы: здесь смычка затрагивает более передние части нёба. Таким образом, различия

между тырновским и софийским **к** нет, а по сравнению с русским небольшая разница есть.

Что касается мягких заднеязычных смыхных, то здесь имеется довольно значительная разница между тырновским и софийским говорами.

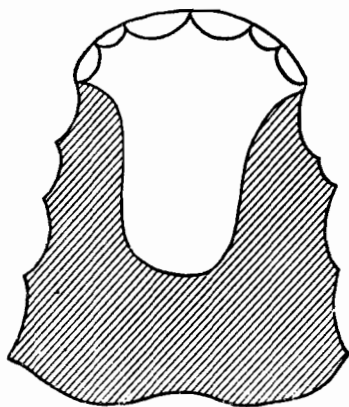

Рис. 5. к'(ар) (С. Стойков)

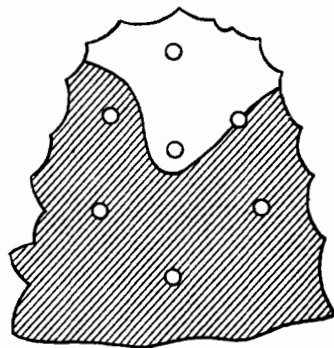

Рис. 6. к'(яр) (Качаунов)

Софийское произношение в данном случае довольно близко к русскому, а в тырновском произношении **к** носит гораздо более мягкий характер; это хорошо видно на палатограммах. Палатограмма русского мягкого **к** (например, в слове *клята*, рис. 4) очень близка по рисунку софийскому **к**

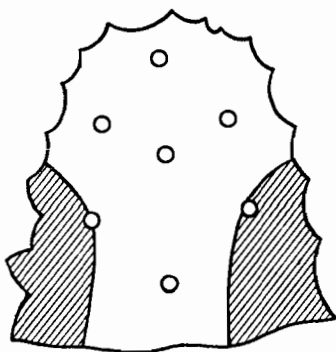

Рис. 7. х(ижа) (Качаунов)

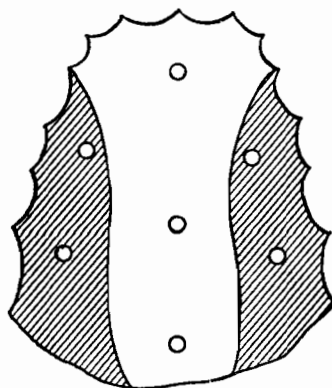

Рис. 8. х(ива) (русский язык)

(см. рис. 5). Некоторая разница есть только в форме смыхки, а по величине смыхка примерно одинакова. Тырновское произношение к мягкого, как это видно из сравнения палатограмм С. Стойкова и Качаунова, значительно отличается от софийского: оно гораздо мягче и даже несколько приближается к среднеязычному — на палатограмме видно, что средняя часть спинки языка приподнимается и касается твердого нёба (см. рис. 6).

Заднеязычный щелевой **х** в общем аналогичен русскому, разница очень небольшая. Твердый **х**, во всяком случае в тырновском произношении, особых отличий от русского не имеет. Что касается мягкого **х**, то, как известно, в болгарском (так же как и в русском) он встречается

только перед гласными и и е, сочетаний хя, хю, хё в болгарском языке не существует. Поэтому было произведено сравнение хь только в сочетании хи в болгарском языке и в русском. Здесь обнаружилось любопытное явление: болгарское хь оказалось менее мягким, чем русское. Это хорошо видно на палатограммах: при русском мягком х средняя часть спинки языка значительно больше поднимается к твердому нёбу, чем при болгарском (ср. рис. 7 и 8).

ПЕРЕДНЕЯЗЫЧНЫЕ СОГЛАСНЫЕ

Переднеязычные смычные

Болгарские смычные т и д отличаются от русских прежде всего одной деталью артикулирующего органа. Дело в том, что болгарские т и д

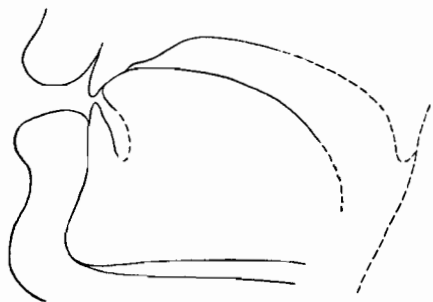

Рис. 9. т(а) (Жачаунов)

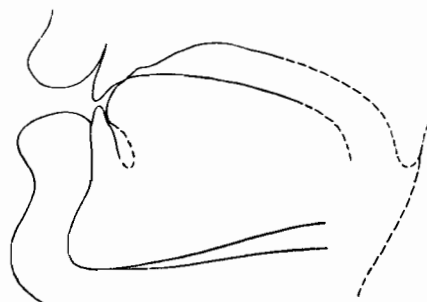

Рис. 10. т(ак) (русский язык)

относятся к категории так называемых апикальных согласных, т. е. смычка производится не передней частью спинки языка, а самым кончиком, который упирается в верхние зубы и начало альвеол. На рентгенограмме это место касания ясно видно (рис. 9). Мускульное ощущение диктора также подтверждает эту артикуляцию.

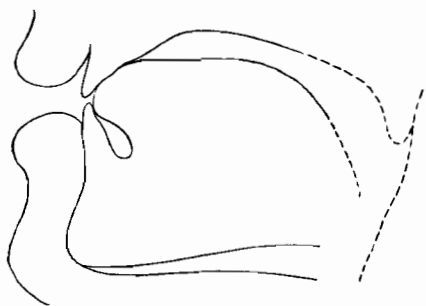

Рис. 11. т (С. Стойков)

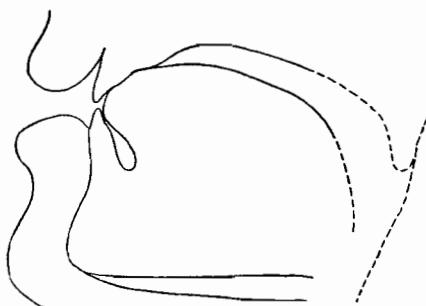

Рис. 12. т' (С. Стойков)

В русском языке т артикулируется несколько иначе: оно относится к категории так называемых дорсальных согласных, т. е. смычка производится не кончиком языка, а передней частью спинки.

Эта артикуляция видна на рентгенограмме русского т (рис. 10): кончик языка лежит внизу у нижних зубов, а смычка производится передней частью спинки языка.

Мягкое т в софийском произношении, как показывают экспериментальные данные Стойко Стойкова, *незначительно отличается от т

твердого. Это ясно видно при сравнении рентгенограмм Стойко Стойкова (рис. 11 и 12), где площадь касания языка при *ть* очень незначительно увеличивается и подъем средней части спинки языка небольшой. Палатограмма Стойко Стойкова также показывает очень небольшую разницу между *т* и *ть* (рис. 13).

В тырновском произношении разница между *т* твердым и *т* мягким

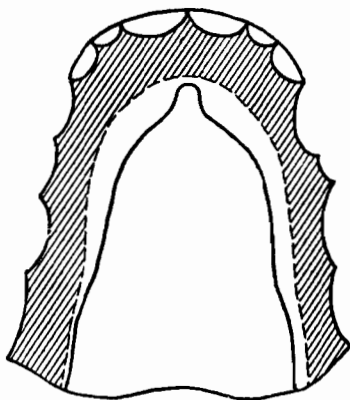

Рис. 13. *т'* в *т'а*, --- *т* в *тапа*
(С. Стойков)

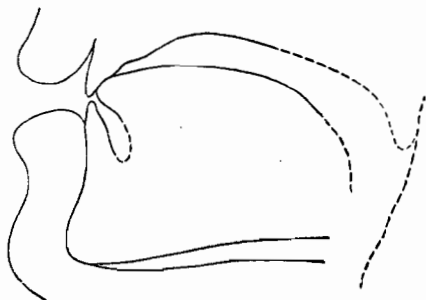

Рис. 14. *т (а)* (Качаунов)

очень большая, что указывается и в литературе, хотя в работе Стойко Стойкова даны палатограммы тырновского мягкого *т*, которые совершенно аналогичны софийским, что противоречит его высказыванию. В произношении нашего диктора Качаунова *ть* резко отличается от софийского. Данные рентгенограмм (рис. 14 и 15) и палатограмм (рис. 16 и 17) показы-

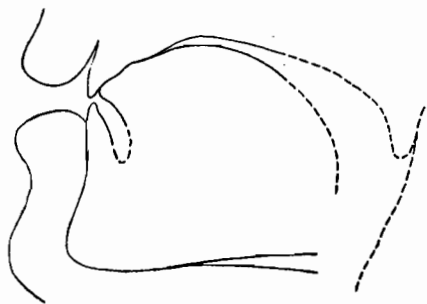

Рис. 15. *т' (я)* (Качаунов)

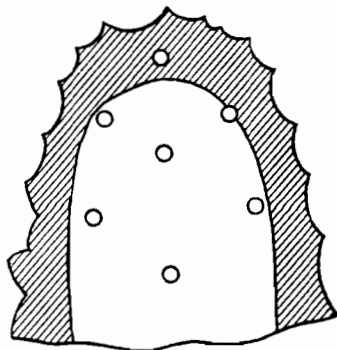

Рис. 16. *т(ам)* (Качаунов)

вают, что в тырновском произношении артикуляция *ть* очень отличается от *т* и, в сущности говоря, *ть* почти уже переходит в категорию среднеязычных.

По сравнению с русским тырновское *ть* звучит несколько тверже, хотя по рисунку палатограммы должно было бы быть обратное (ср. рис. 18 с рис. 17). Такое впечатление объясняется, по моему мнению, тем, что русское *ть* обладает всегда элементом аффрицированности, который в индивидуальном произношении может быть большим или меньшим, но всегда имеет место.

В произношении болгарского *ть* никакого элемента аффрицированности нет, даже в тырновском произношении, где *ть* очень мягкое. Видимо,

отсутствие этого элемента, к которому мы так привыкли в русском, и способствует тому, что мы воспринимаем мягкое болгарское **тъ** как более твердое, чем русское.

Отсутствие аффрицированности в болгарском языке в начальном положении ясно видно на кимографических записях, где виден характер

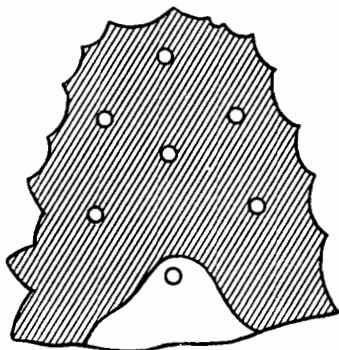

Рис. 17. т'(я) (Качаунов)

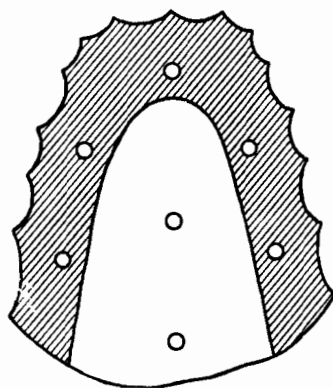

Рис. 18. т'(яп) (русский язык)

выхода воздушной струи: отсутствие аффрицированности показывает четкий угол подъема, наличие элемента аффрицированности — закругленный угол (см. рис. 19). В интервокальном положении **тъ** может быть аффрицированным, хотя и не обязательно.

Рис. 19.

Разница между софийским и тырновским произношением наблюдается также и в употреблении **т** твердого и **т** мягкого перед гласными. В софий-

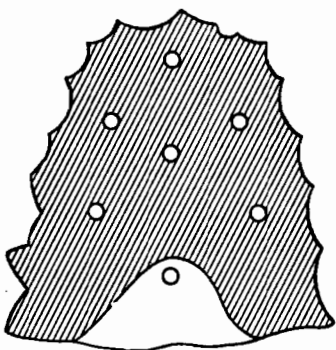

Рис. 20. т'(я) (Качаунов)

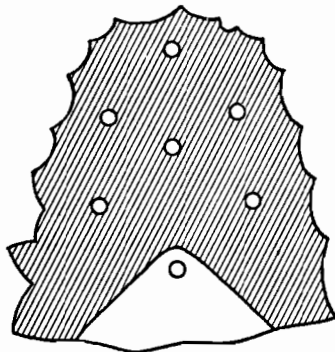

Рис. 21. т(и) (Качаунов)

ском произношении, как утверждает Стойко Стойков, **т** мягкое встречается только перед гласными заднего ряда, а перед гласными **и**, **е** произносится твердое **т**. В тырновском произношении, согласно моим наблюдениям и экспериментальным данным, **тъ** произносится совершенно

одинаково как перед гласными заднего ряда, т. е. **тя, тѣ, тю**, так и перед передними, т. е. **ти, те**. Слуховое впечатление от произношения Качаунова, а также и его собственное мускульное ощущение (он сам считает,

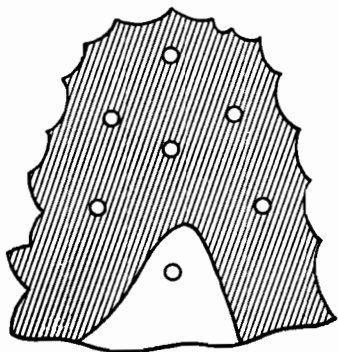

Рис. 22. т(ема) (Качаунов)

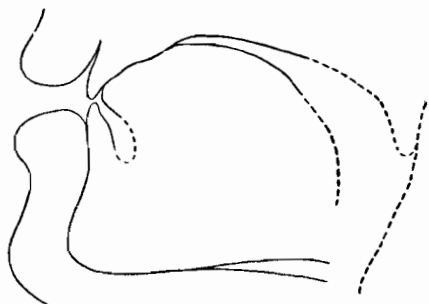

Рис. 23. т'(а) (Качаунов)

что мягкое **т** перед **а, о, у** и **и, е** одно и то же) показали это. Экспериментальные данные также подтверждают такое произношение (ср. палато-

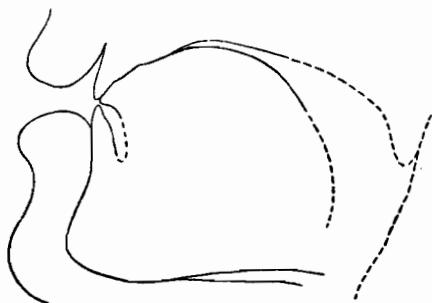

Рис. 24. т(п) (Качаунов)

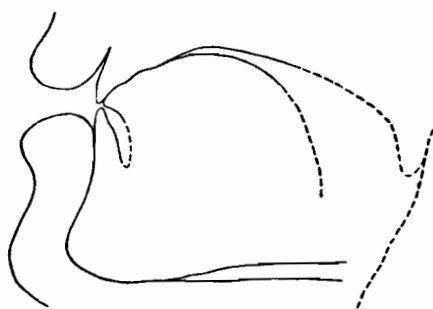

Рис. 25. т(е) (Качаунов)

граммы 20, 21, 22, а также рентгенограммы 23, 24, 25). Только в слове *тема*, т. е. перед **е**, смягчение чуть меньше.

Переднеязычные щелевые

а) Однофокусные щелевые¹

Однофокусные щелевые **с** и **сь** относятся также к типу апикальных: при их артикуляции кончик языка приподнимается к верхним зубам, образуя узкую щель (см. рис. 26).

¹ В понимании однофокусных и двуфокусных согласных я следую за акад. Л. В. Щербой: однофокусные согласные произносятся с одной шумообразующей преградой, а двуфокусные являются результатом прохождения воздушной струи через две шумообразующие преграды. Из двуфокусных в болгарском есть только два щелевых согласных — **ш, ж**, и две аффрикаты — **ч, дж**. Смягченные однофокусные согласные нельзя рассматривать как двуфокусные, так как дополнительный подъем средней части спинки языка не создает новой шумообразующей преграды, а только изменяет форму полости рта как резонатора, что придает этим согласным лишь мягкую, так называемую и-образную окраску.

С. Стойков вкладывает в эти термины иное содержание, с моей точки зрения неправильное.

Согласно данным Стойко Стойкова в его статье о мягких согласных ¹ болгарское **сь** произносится как дорсальное (кончик языка опущен); возможно, что это относится к отличиям тырновского произношения от софийского. Кроме того, он утверждает, что разница между твердыми и мягкими очень незначительна ². Согласно нашим наблюдениям над тыр-

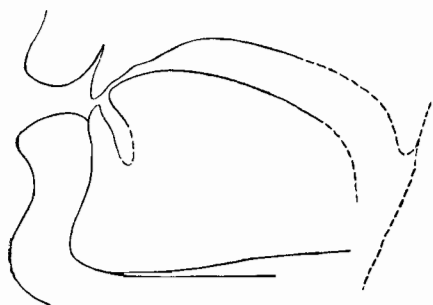

Рис. 26. с(а) (Качаунов)

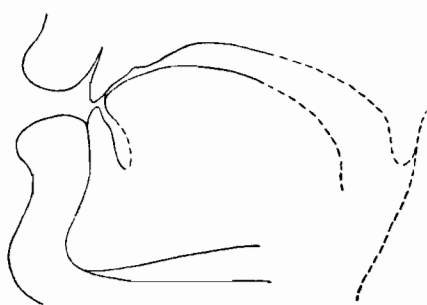

Рис. 27. с'(я) (Качаунов)

новским говором разница между твердым и мягким **с**, судя по рентгенограммам (ср. рис. 26 и 27), достаточно ясная, хотя смягчение **с** и меньше, чем **т** (ср. рис. 27 и 23).

Что касается произношения **с** мягкого перед гласными **и**, **е**, то в тырновском говоре, аналогично тому, как это указывалось и в отношении

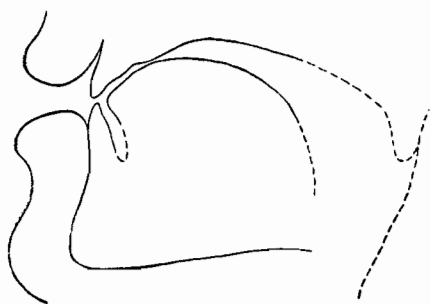

Рис. 28. с(ив) (Качаунов)

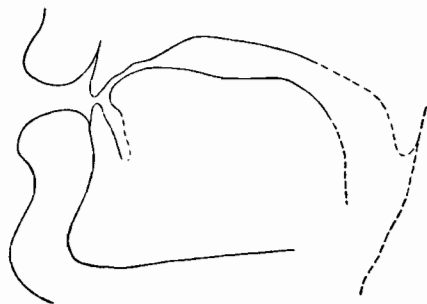

Рис. 29. ш(а) (Качаунов)

ть, **с** произносится так же мягко, как и в сочетаниях **ся**, **сё**, **сю** (ср. рис. 27 и 28).

Сравнительно с русскими болгарские щелевые **с** и **сь** звучат лишь более четко, они более напряженные ³.

б) Д в у ф о к у с н ы е щ е л е в ы е

В литературе по болгарской фонетике, как известно, существуют разные мнения относительно степени мягкости болгарского **ш**. Одни фонетисты утверждают, что болгарское **ш** звучит твердо, другие — что оно мягкое. Во всяком случае ясно одно, что в болгарском языке звук **ш** не имеет двух типов — твердого **ш** и мягкого **ш**, которые бы противопо-

¹ С. Стойков. Указ. ст., стр. 27.

² Там же, стр. 28.

³ В русском языке, в индивидуальном произношении, тоже может встретиться такое напряженное, сильно свистящее **с**, но оно не типично.

ставлялись. Значит, стоит вопрос только о его фонетической характеристике. Сравнительно с русским **ш** болгарское **ш** звучит несколько мягче. Это подтверждает также и рисунок рентгенограммы (рис. 29), на котором видно, что средняя часть спинки языка не очень сильно вогнута. Отчетливо виден более мягкий характер болгарского **ш** сравнительно с русским на палатограммах (ср. рис. 30 и 31). Как на рентгенограмме, так и на палатограмме ясно виден двуфокусный характер болгарского **ш**, т. е. два подъема: передний фокус с более узкой щелью и задний фокус с более широкой щелью.

Болгарское **ш**, как и прочие переднеязычные согласные, является апикальным: щель образуется кончиком языка.

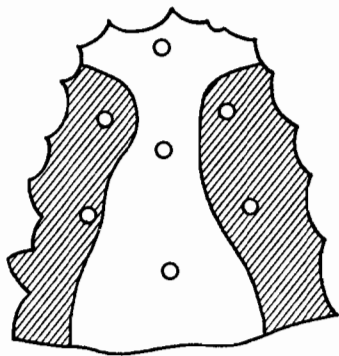

Рис. 30. шап(на) (Качаунов)

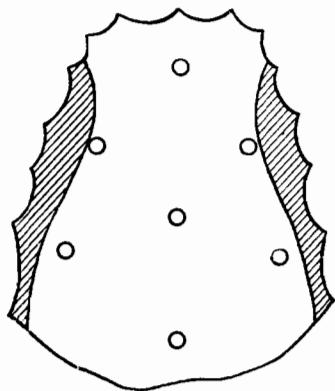

Рис. 31. ш(аг) (русский язык)

Русское **ш** относится к так называемым какуминальным согласным. При образовании какуминальных кончик языка поднят к альвеолам, а средняя часть спинки сильно вогнута и удалена от твердого нёба (язык принимает ложкообразную форму), вследствие чего русское **ш** звучит твердо.

Переднеязычные дрожащие

Болгарское **р** по артикуляции совпадает с русским: твердое **р** — переднеязычный какуминальный дрожащий сонант. Мягкое **р** утрачивает какуминальный характер вследствие подъема средней части спинки языка и становится апикальным. По количеству ударов болгарское начальное и интервокальное **р** несколько энергичнее русского, но на слух это не очень заметно.

Таким образом, болгарское **р** в общем совпадает с русским.

Переднеязычные аффрикаты

В болгарском имеются две пары аффрикат: **ц** твердое и **ц** мягкое, которые не имеют звонких соответствий, и **ч** и **дж**, которые различаются по отсутствию или наличию голоса, но не имеют противоположения по твердости и мягкости.

Болгарское **ц**, так же как и остальные переднеязычные, носит апикальный характер, т. е. при его артикуляции смычку производит кончик языка. Мягкое **ц** также апикальное, но артикулируется с несколько приподнятой к твердому нёбу спинкой языка.

Согласные *ц* и *ць* в софийском и тырновском произношении одинаковы. По сравнению с русским болгарское *ц* отличается своим апикальным характером (русское *ц* дорсальное), что на слух мало заметно.

Аффриката *ч* в болгарском также является апикальной, причем средняя часть спинки языка довольно сильно приподнята к твердому нёбу,

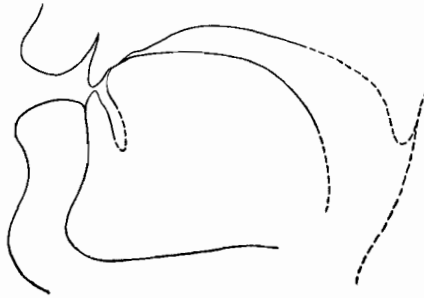

Рис. 32. ч(а) (Качаунов)

вследствие чего болгарское *ч* звучит несколько мягче, чем болгарское *ш* (ср. рис. 32 и 29).

Русское *ч* несколько мягче болгарского

Переднеязычные боковые щелевые сонанты

Твердое болгарское (тырновское) *л* на слух близко к русскому *л*, но по образованию носит несколько иной характер. Болгарское *л* по рентгенограмме (см. рис. 33) является апикальным согласным и, кроме того, слегка веляризовано.

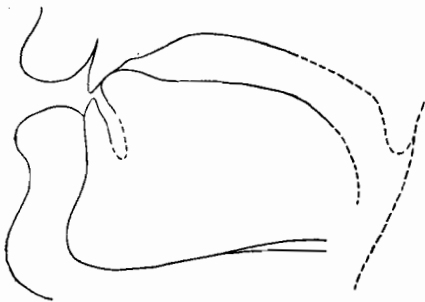

Рис. 33. л(ава) (Качаунов)

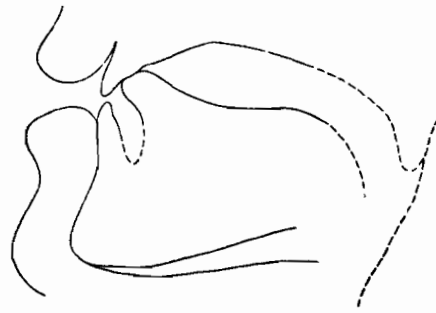

Рис. 34. л(ак) (русский язык)

Русское *л* по образованию какуминальное: средняя часть языка образует ложкообразную вдавленность, вследствие чего *л* звучит несколько тверже, чем болгарское (см. рис. 34).

Мягкое *ль* совпадает с русским как на слух, так и по образованию.

СРЕДНЕЯЗЫЧНЫЕ СОГЛАСНЫЕ

Из этой группы в болгарском имеется только щелевой согласный — йот.

Йот, как уже было отмечено Стойко Стойковым, произносится несколько по-разному в отношении напряженности, в зависимости от его

положения (в начале ударного или в начале безударного слога). В начале ударного слога оно произносится более напряженно, в начале безударного слога оно произносится слабее.

По сравнению с русским языком следует отметить большую сонантность болгарского йота в начале слова в безударном положении (например, ела́, едв́а).

* * *

При анализе болгарских согласных необходимо остановиться еще на двух общих вопросах. Во-первых, на явлении придыхательности

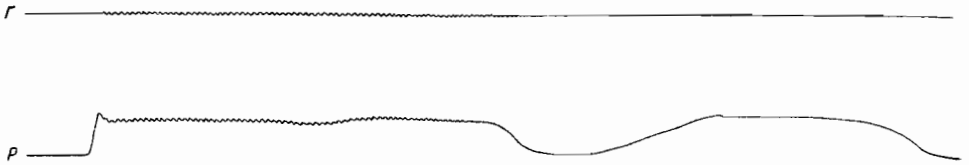

Рис. 35. пеевц

глухих согласных. По кинематографическим записям оказалось, что большинство болгарских глухих согласных обладает придыханием, которое

Рис. 36. тиня

хотя и может иметь разную степень, несколько большую или несколько меньшую, но почти всегда (за очень немногими исключениями) присутствует.

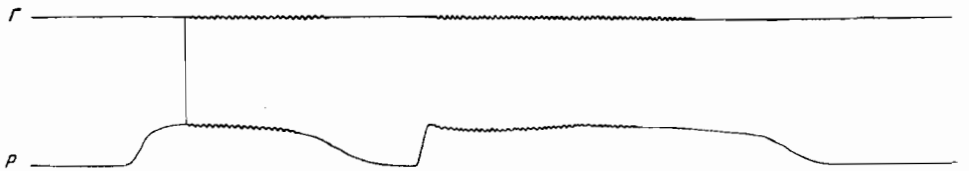

Рис. 37. четá

Без придыхания произносятся только твердое т и мягкое п как в начале, так и в интервокальном положении (см. рис. 35 и 37). Колебания

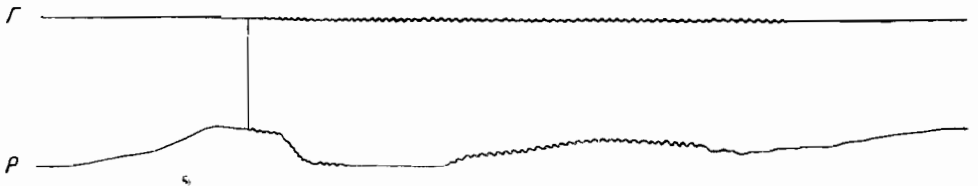

Рис. 38. фенёр

наблюдаются у твердых п, к, с: они произносятся то с придыханием, то без него. Все остальные глухие согласные всегда во всех фонетических положениях имеют придыхание; см. например: ть (рис. 36), ч (рис. 37), фь (рис. 38).

Придыхание видно из кривых: линия *P* (регистрирующая выход воздушной струи через полость рта) после подъема, отражающего взрыв, держится некоторое время на той же высоте без вибраций гласного, что показывает выход воздушной струи после взрыва, т. е. придыхание (как

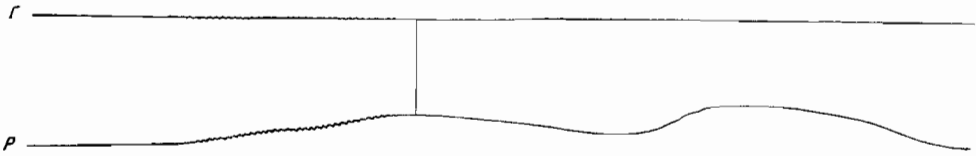

Рис. 39. воз

на рис. 36—38). При отсутствии придыхания (как у согласного *нь* на рис. 35) линия сразу несколько опускается и сразу же начинаются вибрации гласного.

Наблюдается ли придыхательность и в софийском произношении, пока еще не выяснено: у С. Стойкова этот вопрос не был поставлен.

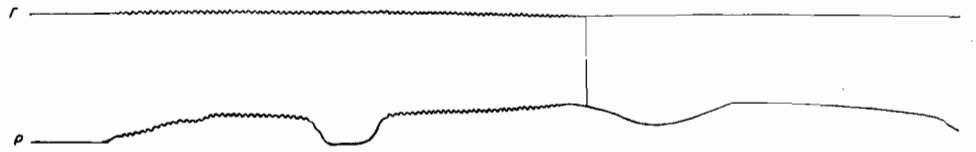

Рис. 40. любѣв

Сравнительно с русским в этом отношении наблюдается разница, так как русские глухие согласные не придыхательные.

Второй вопрос — оглушение конечных звонких согласных. Так же как и в русском, в болгарском языке в конце слова звонкий не произносится, он чередуется с глухим. Это факт известный, и он подтверждается

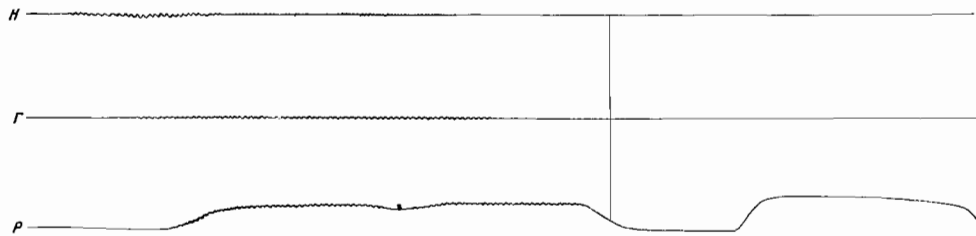

Рис. 41. невод

также и кимограммами. Здесь приведены в качестве образцов три слова с конечными *з*, *в*, *д* (см. рис. 39, 40, 41). Везде с момента начала падения линии *P* (что означает начало согласного) на линии *G* (регистрирующей наличие или отсутствие голоса) голосовые вибрации прекращаются, что показывает глухость согласного (начало согласного отмечено на кривой вертикальной чертой).

* * *

Подводя итог всему изложенному, можно наметить следующие общие закономерности тырновского произношения согласных сравнительно с софийским — с одной стороны, и с русским языком — с другой.

1. Прежде всего в отношении образования согласных нужно отметить апикальный характер переднеязычных согласных, что совпадает с софийским произношением, но отличается от русского, где соответственные переднеязычные носят дорсальный характер.

2. В степени мягкости согласных нужно отметить разницу между софийским и тырновским произношением. В софийском произношении степень мягкости меньше, чем в тырновском, как уже было показано. Русские мягкие ближе к софийским.

3. Наблюдается известная разница между софийским и тырновским произношением согласных перед *и*, *е*. В тырновском произношении перед *и*, *е*, как уже было указано, произносится такой же мягкий согласный, как и перед *а*, *о*, *у*, тогда как в софийском произношении перед *и*, *е* согласные произносятся лишь с очень небольшой палатализацией благодаря следующему *и*, *е*, значительно меньшей, чем перед гласными *а*, *о*, *у*.

4. В тырновском произношении отсутствует в основном аффрицированность у переднеязычных смычных мягких согласных, что наблюдается и в софийском произношении, но отличает болгарские согласные от русских, где переднеязычные смычные всегда в той или иной мере аффрицированы.

5. У большинства глухих согласных в тырновском говоре наблюдается придыхательность. Вопрос о придыхательности в софийском произношении еще не выяснен. Русские глухие согласные придыхательности не имеют.

6. В тырновском произношении отсутствуют звонкие согласные в исходе слов, где происходит фонетическое чередование с глухими. В этом отношении тырновское произношение совпадает и с софийским и с русским.

7. В тырновском произношении, как и в софийском, отсутствуют в исходе слова мягкие согласные, что отличает болгарский язык от русского.

Е. В. Чешко

СЛОВСОЧЕТАНИЯ С ПРЕДЛОГОМ С В БОЛГАРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Целью данного доклада является изложение принципов и приемов исследования словосочетаний с одним предлогом. Практическое применение этих принципов будет показано на примере анализа словосочетаний с предлогом *с*.

При изучении синтаксических отношений существительного, выражаемых словосочетаниями с одним предлогом, перед исследователями встают следующие задачи:

1. Дать классификацию типов смысловых отношений, выраженных сочетаниями существительных с данным предлогом, определив отношение этих типов друг к другу, т. е. показать, что объединяет и разграничивает отдельные типы отношений, выражаемых с помощью данного предлога.

2. Рассмотреть роль предлогов в выражении этих типов смысловых отношений, т. е. выделить те типы отношений, в которых предлог выступает во всей полноте своего лексического значения, называя, наименоывая данный тип связи предметов и явлений, и, с другой стороны, те смысловые отношения, в которых лексическое значение предлога ослабляется или вовсе утрачивается и он превращается в показатель определенной грамматической связи слов.

Подобный анализ будет означать оценку предлога как определенного грамматического средства выражения синтаксических отношений имени. Такая оценка необходима потому, что предлоги как грамматическое средство в разных своих функциях далеко не однородны.

Акад. В. В. Виноградов, характеризуя предлоги как слова, которые «лежат на грани словаря и грамматики и вместе с тем на грани слов и морфем»¹, отмечает большое разнообразие грамматических типов предлогов в русском языке. «Крайними полюсами их, — пишет он, — являются, с одной стороны, предложные наречия и предложные словосочетания, а с другой — формальные, пустые предлоги — префиксы имен и послелоги глаголов»².

Один и тот же предлог в разных своих функциях может быть в большей или меньшей степени грамматикализован, т. е. в одной функции он может выступать во всей полноте своего лексического значения, а в другой функции он выполняет роль формального показателя определенной синтаксической связи слов.

«На примере изучения функций предлога *на*, — пишет В. В. Виноградов, — легко убедиться, что в русском языке значение простых

¹ В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 30.

² Там же, стр. 679.

предлогов становится все отвлеченнее, аналитичнее; что наряду с конкретными реальными отношениями — пространственными и временными — один и тот же предлог обозначает множество переносных логико-синтаксических оттенков, обстоятельственных отношений и связей между словами»¹.

Эти положения в полной мере относятся и к болгарскому языку, в котором, в связи с утратой падежных флексий, процесс грамматикализации предлогов пошел еще дальше, чем в русском, так как болгарские предлоги в значительной степени приняли на себя выполнение функций утраченных падежных форм. Определение путей и условий грамматикализации предлогов — одна из важнейших задач болгарской грамматики. Наблюдения данных явлений в словосочетаниях с отдельными предлогами являются основным материалом для решения этого вопроса.

3. Исследовать конкретные условия образования тех или иных смысловых отношений, их зависимость от грамматических и лексических особенностей сочетающихся слов, от синтаксических условий, от условий контекста.

4. Рассмотреть предложные сочетания с точки зрения их роли в предложении.

В настоящей работе мы пытаемся представить систему смысловых отношений, выражаемых словосочетаниями с предлогом *с*, рассмотреть эти смысловые отношения с точки зрения значения всех элементов данного словосочетания — предлога и знаменательных слов, между которыми данный предлог устанавливает отношения.

Предлог *с* в болгарском языке не имеет пространственного значения. Он выступает только в социативном значении, выражая связь между предметами по совместному существованию или участию в действии, между действиями (явлениями, признаками) по совместному проявлению. Например: *Висок войник, с вдигната яка... каза сериозно* (В.); ... *а Цървенакина Добра камой цяло лято му работеше с дъщерите си* (К.); *По шосето мина с бучение тежък камион* (В.). (Высокий солдат, с поднятым воротником... сказал серьезно; ...а Цервенакова Добра почти все лето работала на него со своими дочерьми; По шоссе с грохотом проехал тяжелый грузовик)².

В первом случае предлог *с* выражает совместное существование данных двух предметов, один из которых выступает как признак другого; во втором случае представлено участие двух предметов в одном действии; в третьем случае речь идет о двух действиях («мина» и «бучение»), которые связаны совместным проявлением.

Во всех рассмотренных случаях существительное с предлогом *с* обозначает подчиненный, сопутствующий главному, член данного отношения.

Представляя семантическую классификацию, мы пытаемся определить тот существенный признак, который определяет различие между всеми типами смысловых отношений, выражаемых словосочетаниями с предлогом *с*. Таким признаком, определяющим различие семантических типов, является характер отношения подчиненного члена словосочетания, выраженного существительным с предлогом *с*, к действию.

¹ В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 695.

² Иллюстративные примеры в данном докладе берутся из сочинений П. Вежинова («Втора рота; разкази и нувели». София, 1951; условное сокращение — В.), Елива-Пелина («Разкази». М., 1950; условное сокращение — Е. П.), Й. Йовкова («Ако можеха да говорят». София, 1945; условное сокращение — Й.), Г. Караславова («Снаха», София, 1945; условное сокращение — К.).

В зависимости от различного отношения подчиненного члена к действию в приглагольных словосочетаниях с предлогом с различаются следующие типы смысловых отношений:

1. **Комитативные отношения** — существительное с предлогом с обозначает предмет (одушевленный или неодушевленный), сопровождающий действующее лицо во время совершения действия, совместно с ним участвующий в совершении действия или совместно с главным членом подвергающийся действию. Например: *В туй време вълчицата се изгуби в тъмнината с овцата* (И.); . . . *а Цървеначкина Добра камой цяло лято му работеше с дъщерите си* (К.). *Не, дай ми дървото с земята* (К.); (В это время волчица скрылась с овцой в темноте; . . . а Цервенакова Добра почти все лето работала на него со своими дочерьми; Нет, дай мне дерево с землей).

2. **Отношения взаимодействия** — существительное с предлогом с обозначает предмет (обычно одушевленный), являющийся одновременно прямым или косвенным объектом действия, совершаемого главным членом отношения и субъектом встречного действия, объектом которого в свою очередь является главный член. Например: *Работниците са добри момчета и се разбирам с тях* (В.); *А свекървата е говорила със свекъра* (К.); *Паню се водеше с разни нехранимайковци* . . . (К.) (Работники — хорошие ребята и мы понимаем друг друга; Свекровь говорила со свекром; Паня водил знакомство с разными проходимцами).

3. **Объектные отношения** — существительное с предлогом с обозначает предмет, являющийся косвенным объектом действия или отношения. Например: *Той беше един много особен вол и затуй чичо Митруш обичаше да се шегува с него* (И.); *Умееше да се занимава и с дребулии* (В.); *Струва ми се, че ти прекалено твърдо и остро се отнасяш с хората* (В.); (Он был особенным волем и поэтому дядя Митрий любил шутить с ним; Он умел заниматься и мелочами; Мне кажется, что ты слишком непреклонно и резко относишься к людям).

4. **Орудийные отношения** — существительное с предлогом с обозначает предмет, являющийся орудием или средством совершения действия. Например: *Командирът потропа с молива си по масата* (В.); *Войниците сновеха между тях, покриваха с чулове топливими влажни гърбове и ласково ги потупваха* (В.) (Командир постука карандашом по столу; Солдаты сновали между ними, покрывали попонами их теплые, влажные спины и ласково их похлопывали).

5. **Отношения образа и способа действия** — существительное с предлогом с обозначает признаки, действия и явления, характеризующие образ и способ совершения действия. Например: *Само двама — трима селяни . . . слушаха с отворени уста* (Е. П.); *По шосето мина с бучение тежък камион* (В.); *Той се сбогува любезно с ковчезника и пое с леки крачки по разкаляната улица* (В.) (Только два-три крестьянина . . . слушали с открытым ртом; По шоссе с грохотом проехал тяжелый грузовик; Он любезно простился с казначеем и медленными шагами пошел по грязной улице).

6. **Временные отношения** — существительное с предлогом с характеризует приблизительную продолжительность действия во времени посредством указания на меру времени, которой измеряется продолжительность данного действия. Например: *. . . някога ешалоните с дни чакат ред да минат през реката* (В.); *Още същото лято, Ивановата жена падна от колата, повреди се нещо и пролежса с месеци в болница* (К.) (Иногда эшелоны целыми днями ждут очереди переправиться через реку; Еще в то же лето жена Ивана упала с веза, что-то себе повредила и пролежала несколько месяцев в больнице).

В отличие от приглагольных словосочетаний в сочетаниях приименных, выражающих определительные отношения, связь главного и подчиненного компонентов словосочетания представлена существующей независимо от совершения действия. Например: . . . *войник с вдигната яка*. . . *каза сериозно* (В.) (. . . солдат с поднятым воротником. . . сказал серьезно). Здесь соединение признака и предмета не связано с проявлением действия, т. е. действие «каза» не имеет никакого отношения к признаку предмета.

Переходным звеном между определительными и комитативными словосочетаниями являются конструкции с предикативным определением, в которых определение выступает в качестве предикативного члена при полусвязочных глаголах или глаголах, имеющих в данном контексте ослабленное вещественное значение¹. Например: *Кога спеше този човек?* *Севда го оставяше буден, с хлтнали черни бузи* (К.); *Поручик Манев излезе от ротната канцелария изморен и с натезала глава* (В.) (Когда спал этот человек? Севда его оставяла бодрствующим, с осунувшимся потемневшим лицом; Поручик Манев вышел из ротной канцелярии уставший, с отяжелевшей головой).

В этих конструкциях, в отличие от приглагольных (комитативных, образа действия), сам факт соединения признака и предмета не обусловлен процессом действия. В этом и состоит отличие от комитативных отношений, где соединение двух предметов непосредственно связано с процессом действия.

Все типы смысловых отношений, выражаемых с помощью предлога с, можно расположить в порядке постепенного ослабления связи между подчиненным компонентом словосочетания и субъектом, и соответствующего возрастания связи между подчиненным компонентом словосочетания и действием.

На первое место нужно поставить определительные отношения, где связь между подчиненным компонентом словосочетания и действием минимальная. Она существует независимо от совершения действия или лишь приурочена ко времени совершения действия. Предмет и признак совместно существуют.

Далее следуют приглагольные словосочетания, выражающие комитативные отношения и отношения взаимодействия. В этих типах словосочетаний предлог с выражает социативную связь между двумя предметами, устанавливаемую в процессе совершения действия. Социативная связь — это связь по сообществу, соучастию, предполагающая параллельное, аналогичное друг другу участие главного и подчиненного компонентов отношения в совершении действия. Комитативные отношения предполагают, что предметы участвуют в действии параллельно друг другу, причем роль подчиненного компонента может быть и пассивна. Отношения взаимодействия характеризуются участием двух предметов во встречном действии, направленном друг на друга. В отличие от комитативных отношений, где предметы действуют параллельно друг другу, в одном направлении, в отношениях взаимодействия они действуют друг против друга, выступая одновременно и в качестве субъекта действия, направленного на своего партнера, и в качестве объекта встречного действия. Отношения обоих партнеров к действию тождественны друг другу.

В рассмотренных типах отношений (определительных, комитативных и взаимодействия) предлог с выражал социативную связь между двумя

¹ Это положение не относится к предикативным конструкциям с чистыми связками, так как в них нет действия, а есть лишь утверждение или отрицание связи признака и предмета в какое-то определенное время.

предметами, причем в комитативных отношениях и отношениях взаимодействия эта связь ставилась в зависимость от совершения действия, что находило свое формальное выражение в образовании приглагольных словосочетаний.

В словосочетаниях, выражающих объектные и орудийные отношения, мы находим нарушение социативной связи между предметами, участвующими в действии. Так, объектные отношения предполагают отсутствие двусторонности действия. По сравнению с предыдущим типом (отношениями взаимодействия), аналогия в отношении предметов к действию нарушается, тем самым нарушается социативная связь между ними. Предлог с выражает здесь отношение между действием и его объектом, отношение, не связанное с социативным значением предлога.

Другой тип нарушения социативной связи представляют собой орудийные отношения. Здесь также роль соединяемых в процессе действия предметов оказывается различной: подчиненный компонент выступает в качестве посредствующего звена между субъектом и действием и оказывается теснее связанным с действием, чем с субъектом. В качестве главного члена отношения здесь выступает действие, так как отношение устанавливается между действием и орудием действия. Собственное социативное значение предлога также не имеет никакого отношения к выражению данного типа связи.

Итак, объектные и орудийные отношения характеризуются нарушением социативной связи между подчиненным членом словосочетания и субъектом действия и установлением отношения между подчиненным членом словосочетания и действием, отношения, которое не является социативным.

Отношения времени, образа и способа действия характеризуются восстановлением социативной связи, но уже не между предметами; а между действием, с одной стороны, и действиями, явлениями и признаками, сопутствующими данному действию и характеризующими его протекание, с другой. В отличие от комитативных словосочетаний, где речь шла о двух предметах, параллельно участвующих в одном действии, в обстоятельственных словосочетаниях речь идет о параллельных действиях, явлениях, признаках, порождаемых одним источником.

Таким образом, социативное значение предлога с, проявляющееся в выражении связи между предметами или действиями по совместному, параллельному существованию и проявлению, ясно выступает во всех типах отношений, за исключением объектных и орудийных, где социативная связь оказывается нарушенной. Отношение между действием и объектом, действием и орудием не отражает социативного значения предлога. Предлог с здесь оказывается условным знаком данного отношения, но не называет его.

С этим обстоятельством связана другая особенность объектных и орудийных отношений. Мы имеем здесь дело со связанным употреблением предлога, т. е. с таким употреблением, которое обусловлено не соответствием смысла предлога смыслу передаваемого отношения, а какими-то внешними условиями, которые надо запомнить, чтобы правильно употребить предлог.

Сравнивая с болгарским материалом данные работы И. С. Ильинской «Управление как проблема лексики и грамматики»¹, в которой рассматриваются различные типы глагольного управления в русском языке,

¹ И. С. Ильинская. Управление как проблема лексики и грамматики. Ученые записки Московского городского педагогического института, т. V, М., 1941.

мы можем отметить наличие тех же типов связанного употребления предлогов в болгарском литературном языке (большинство случаев связанного употребления предлога имеет непосредственное отношение к грамматикализации).

Во-первых, употребление предлога может быть определено типом грамматической конструкции. Этот случай находим в болгарском языке в словосочетаниях с предлогом *от* в страдательных оборотах, где существительным с предлогом выражен логический субъект действия. Например: *В тяхната слаба светлина, която се поглъщаше от околния мрак, се мярнаха хора* (Е. П.) (В их слабом свете, который поглощался окружающим мраком, мелькали люди). При степенях сравнения, где существительным с предлогом *от* обозначается объект сравнения. Например: *Грябна да е по-млад от тебе с една, две години* (В.); *От всички практически трудности тя досега му се виждала най-тъмна и най-непроходима* (В.) (Должно быть, он моложе тебя на два-три года; Из всех практических трудностей эта до сих пор ему казалась самой темной и непродолимой); в безличных оборотах, где существительным с предлогом *на* выражен логический субъект действия. Например: *На командира се стори за миг, че някъде на дънато на очите му се мяркаше неуловимо скрита подигравка* (В.). (Командиру на мгновение показалось, что где-то в глубине его глаз временами мелькала неуловимая, скрытая насмешка).

Во-вторых, употребление предлога может быть связано с определенной семантической группой глаголов, например употребление предлога *на* для выражения адресата действия при глаголах, требующих косвенного объекта в дательном падеже, или употребление предлога *за* при глаголах мысли, речи и чувства для указания на его объект или содержание. Например: *И цели два дена след това Севда разправя на майка си* (адресат действия) *за това чудесен град* (содержание речи; К.) (И целых два дня Севда рассказывала своей матери об этом чудесном городе).

К этому типу следует отнести и употребление предлога *с* для выражения орудийных отношений, так как это употребление обусловлено наличием глагола, означающего действие, для выполнения которого необходимо орудие, и существительного, означающего предмет, могущий выполнить роль этого орудия.

Рассмотренные выше типы связанного употребления предлогов, как правильно отмечает И. С. Ильинская, относятся к компетенции грамматики, так как употребление предлогов обусловлено в них причинами, поддающимися определенному грамматическому обобщению.

Иной характер имеют индивидуальные случаи связанного глагольного управления, когда употребление того или иного предлога при глаголе обусловлено традицией и необъяснимо с точки зрения живых значений данного предлога. Изучение этих случаев не является непосредственной задачей грамматики. Это относится к лексике, к словарю.

Рассмотренные нами словосочетания с предлогом *с*, выражающие объектные отношения, следует, видимо, отнести к этой группе, так как глаголы, требующие объекта с предлогом *с*, не представляют единой семантической группы и требуют индивидуального запоминания. Окончательное решение вопроса о том, составляют ли эти глаголы определенную семантическую группу, будет возможно после рассмотрения вопросов предложной синонимии.

Связанное употребление предлога является одной из важнейших сторон грамматикализации. Другой ее стороной, как мы видели, является

отрыв данной функции от собственного значения предлога. Ослабление лексического значения предлога может не быть полным, как, например, в страдательных конструкциях. Однако говорящий и здесь не фиксирует своего внимания на значении предлога, поскольку употребление предлога определено страдательной формой глагола.

Следует обратить внимание на то, что основные случаи грамматикализации связаны с выражением наиболее отвлеченных, субъектно-объектных отношений.

Вопрос разграничения связанного и свободного употребления предлогов важен не только в теоретическом плане, он также важен для практического преподавания языка, так как формы работы над усвоением этих различных типов должны быть различные: одни случаи должны быть разобраны с грамматической стороны, другие должны быть просто заучены, третьи рассмотрены со стороны собственного значения предлога и значения сочетающихся слов.

Предлог не выражает отношений между словами самостоятельно. Общий смысл выражаемого отношения зависит не только от значения предлога, но в значительной степени также от значения сочетающихся слов, разумеется, в пределах того круга отношений, которые могут быть выражены с помощью данного предлога.

Выше мы определили, что существенным признаком, разграничивающим разные типы отношений, выражаемых словосочетаниями с предлогом с, является характер отношения подчиненного компонента словосочетания к действию. Это отношение подчиненного компонента к действию в свою очередь зависит от значения выражающего его существительного, с одной стороны, и значения глагола, которым обозначено действие, с другой. Так, например, отношение взаимодействия определяется двумя условиями: подчиненный компонент представлен предметом одушевленным, а глагол означает действие, происходящее между двумя действующими лицами.

В значении существительного важную роль играют такие категории, как одушевленность и неодушевленность, конкретность и отвлеченность и некоторые другие, более частные признаки. Так, отношения определительные, орудийные, образа действия и времени выражаются лишь сочетаниями с неодушевленными существительными, отношения взаимодействия — преимущественно одушевленными. Объектные отношения допускают сочетание с одушевленными существительными только при глаголах, не имеющих взаимно-возвратного значения. Например: *Той се остави да правят с него каквото искат* (И.) (Он позволил делать с ним, что хотят). При глаголах взаимно-возвратного действия объектные отношения создаются лишь при условии пассивности подчиненного члена, поэтому он выражен обычно неодушевленным существительным.

При выражении комитативных отношений возможно сочетание предлога с как с одушевленными, так и с неодушевленными существительными. Однако в зависимости от этого создаются разные типы комитативных отношений, поскольку неодушевленный предмет всегда будет пассивен в отношении к действию, а одушевленный может принимать в нем активное участие наряду с главным действующим лицом. В соответствии с этим мы различаем в комитативных отношениях подтипы сопроводительности и соучастия.

Итак, одушевленные существительные встречаются в сочетаниях, выражающих комитативные отношения, отношения взаимодействия и объектные отношения. Комитативные отношения соучастия и отношения взаимодействия объединяет признак активного участия подчиненного

компонента в действии, совершаемом главным («работаю с ним», «борюсь с ним» — в том и другом случае подчиненный компонент, выраженный существительным или местоимением с предлогом, будет активно участвовать в действии). В этом отличие их от объектных отношений, где роль подчиненного компонента всегда пассивна. Разграничение отношений взаимодействия и объектных отношений зависит исключительно от семантики глагола: отношения взаимодействия возникают при глаголах взаимного действия, объектные отношения — при глаголах, требующих косвенного объекта с предлогом с (например, *права, шегувам, отнася се, държа се, гордея се, става* и др.).

Сложнее обстоит дело с разграничением типов отношений, выражаемых сочетаниями с неодушевленными существительными. Здесь большую роль играет семантика существительного.

В словосочетаниях с временным значением возможны лишь существительные, означающие меру времени, которые ставятся во множественном числе (*с месеци, с години*).

Отношения образа и способа действия выражаются обычно сочетаниями с отвлеченными существительными и значительно реже с существительными конкретными, при которых, как правило, стоят определения, придающие эмоциональную окраску действию. Например: *Стрехите на старата черква плачеха с едри съзми* (Е. П.); *Дядо Йорго слушаше с отворена уста* (Е. П.) (Стрехи на старой церкви плакали крупными слезами; Дед Йорго слушал с открытым ртом).

Определительные словосочетания образуются и с конкретными и с отвлеченными существительными. В семантике конкретных существительных большое значение для определения типа отношений имеет вопрос о том, является ли предмет, выступающий в качестве подчиненного компонента, посторонним для субъекта или он составляет органическую часть последнего.

Так, комитативные отношения, предполагающие соединение предметов в процессе или во время совершения действия, возможны лишь при сочетании существительных, означающих предметы, органически друг с другом не связанные. В комитативных отношениях всегда находим соединение предметов, посторонних друг другу; если же речь идет о целом и его части, комитативных отношений возникнуть не может.

Определительные отношения, наоборот, возникают обычно там, где речь идет об органически связанных друг с другом предметах. Типичными являются, например, словосочетания, где подчиненный член представляет собой постоянный признак данного предмета, выраженный сочетанием существительного (со значением части тела, одежды и т. п.) с прилагательным. Например: *Говореше защита — нисък тунтурист адвокат с голямо шкембе, гола глава и износени дрехи* (Е. П.) (Говорил защитник, низкий толстый адвокат с большим животом, лысой головой и в поношенной одежде).

В обычных определительных словосочетаниях (не предикативных) возможны существительные, означающие посторонний субъекту предмет. Например: *Едва сега той забеляза между другите дребничкия библиотекар с вестник в ръцете* (В.) (Только сейчас он заметил среди других щупленького библиотекаря с газетой в руке). То-есть данный предмет (газета) тут выступает уже как определенный признак определяемого предмета.

Эти конструкции отличаются от комитативных порядком слов: подчиненный член словосочетания всегда следует непосредственно за главным, в то время как в комитативных их разделяет глагол. Например: *Тя дойде*

с голяма кожсена чанта, каквито носеха жените от града и учителките (К.) (Она пришла с большой кожаной сумкой, какие носили городские женщины и учительницы). Это комитативность. Если бы было сказано «женщина с большой сумкой пришла», «большая сумка» была бы признаком, отличающим ее от других.

Определение с предлогом с, входящее в состав предиката, может быть выражено лишь существительными, означающими части тела или название одежды, знаков отличия и других носимых субъектом предметов, которые в силу этого представляются как бы его органической частью. Например: *Тя беше с отрязана и накъдрена коса, с хубава рокля, с тънки копринени чорапи и обуца с високи токове* (К.) (Она была с подстриженными и завитыми волосами, в хорошем платье, тонких шелковых чулках и туфлях на высоких каблуках).

В случае, когда существительное с предлогом означает предмет, не воспринимающийся как органическая часть субъекта, мы будем иметь дело с комитативными отношениями, указывающими на соединение двух предметов в данном действии. Например: *. . . с менци бели на рамо отишла на проклетото кладенче* (Е. П.) (. . . с белыми ведрами на плече пошла на проклятый колодец).

При выражении орудийных отношений в значении средства действия могут выступать конкретные и отвлеченные существительные. Например: *Войниците сновеха между тях, покриваха с чулове топлите им влажни гърбове* (В.) (Солдаты сновали между ними и покрывали попонами их теплые, влажные спины).

Другой пример: *Телците. . . бяха го обидели с своите немирства* (Е. П.) (Телята обидели его своими шалостями).

Если в значении средства возможны отвлеченные существительные, то в значении орудия действия выступают только конкретные существительные, означающие либо часть тела действующего субъекта, либо посторонние для него предметы.

Выделение орудийных отношений из числа других (комитативных, определительных и образа действия) определяется взаимным соотношением глагола и существительного, выступающего в роли подчиненного компонента. При орудийных отношениях глагол должен означать такое действие, по отношению к которому предмет, обозначенный существительным с предлогом с, может являться орудием, с помощью и посредством которого данное действие совершается. Наличие такого соответствия исключает все остальные типы отношений, кроме отношения образа действия.

Отношение образа действия находим при условии, когда орудие действия является частью тела субъекта и наличествует определение, характеризующее ее положение или состояние в момент совершения действия. Например: *Седнете, поручик, — каза командирът и като го погледна с леко примижали очи, добави. . .* (В.) (Сядьте поручик, — сказал командир и, посмотрев на него слегка прищуренными глазами, добавил. . .). «Посмотреть глазами» — это отношение орудия, а «посмотреть прищуренными глазами» — это уже определение образа действия, слово «прищуренными» характеризует действие — «как посмотрел?»

В глагольных конструкциях неодушевленные существительные, обозначающие конкретный предмет, не являющийся органической частью субъекта, выражают комитативные отношения во всех случаях, за исключением тех, когда определяют образ действия. Например: *Той взе да пази ноця с пушка* (И.) (Он начал сторожить ночами с ружьем). Наличие предмета (ружья) как-то определяет действие: сторожить с ружьем —

это не то, что сторожить без ружья. Этот случай можно рассматривать и как отношение образа действия, и как комитативность.

Другой пример: *Подсъдимият Митре Мариин. . . стоеше с шапка в ръка* (Е. П.) (Подсудимый Митре Мариин стоял с шапкой в руке). Здесь аналогичная ситуация: «с шапкой в руке» характеризует его позу, т. е. как он стоял.

Итак, неодушевленные существительные, обозначающие конкретный предмет, являющийся частью субъекта, могут означать орудие и средство действия, образ действия и признак предмета. В двух последних случаях они обязательно употребляются с определениями, характеризующими положение или состояние данной части тела.

Отношения образа действия от определительных отношений отличаются значением глагола: в словосочетаниях, выражающих отношения образа действия, глагол является полноценным сказуемым, в определительных конструкциях он выступает в роли вещественной связки.

Решающее значение в разграничении определительных отношений и отношений образа действия имеет наличие однородных членов: если существительное с предлогом с стоит в ряду определений, оно выступает в роли определения; если оно попадает рядом с обстоятельством, то выражает отношение образа действия. Например, определительные отношения: *Играчите се сковаха сгорещени, бодри, с очите блеснали от радосно вълнение* (К.) (Танцующие остановились, разгоряченные, с глазами, блестящими от радостного волнения). Здесь «с очите блеснали от радосно вълнение» — составная часть сказуемого, так как глагол «се сковаха» выступает с ослабленным вещественным значением. Наличие определения, стоящего рядом с сочетанием существительного с предлогом с, способствует тому, что данное сочетание понимается как определение.

В следующем примере представлено отношение образа действия: *Другите насядоха около него с внимателни полуусмихнати лица* (В.) (Другие уселись вокруг него с внимательными слегка улыбающимися лицами). Наличие обстоятельства *около него* делает глагол *насядоха* (который в других условиях может выступить с ослабленным лексическим значением) полнозначным и ставит другие поясняющие члены в такое же отношение с ним (глаголом).

Таким образом, типы смысловых отношений, выражаемых с помощью предлога с, зависят:

1) от семантики существительного, выступающего в роли подчиненного компонента, а именно от того, является ли это существительное одушевленным или неодушевленным, конкретным или отвлеченным, а также от того, самостоятельным предметом или частью субъекта действия является предмет, обозначенный существительным с предлогом. В последнем случае важную роль играет характер определений, стоящих при существительном, означающем часть тела;

2) от значения глагола, а именно от того, означает ли глагол действие взаимное или нет, является ли полноценным глаголом или вещественной связкой, выражает ли глагол такое действие, в отношении которого предмет, обозначенный существительным с предлогом с, может служить орудием;

3) от синтаксических условий: порядка слов и характера однородных членов предложения, в ряду которых стоит подчиненный компонент, выраженный существительным с предлогом с. В случаях связанного употребления предлога (орудийные и объектные отношения) порядок слов не может повлиять на характер данного отношения.

По роли в составе предложения наибольшую сложность представляют сочетания, выражающие комитативные отношения. При выражении этих отношений существительное с предлогом с может входить как в приглагольные, так и в приименные словосочетания. В приглагольных словосочетаниях оно выступает в качестве дополнения, например: . . . *момчето тръгна с вино по масите* (Е. П.). *Юрталана вървеше с зетя си*. . . (К.) (. . . мальчик пошел с вином обносить столы; Юрталан шел со своим зятем. . .).

В приименных словосочетаниях существительное с предлогом с выступает в качестве составной части подлежащего. Например: *Чичо Митуш*. . . *наедно с Аго излязоха пред дама*. . . (И.). (Дядя Митуш. . . вместе с Аго вышли к дверям конюшни. . .). Форма глагола, которая согласуется с подлежащим во множественном числе, показывает, что существительное с предлогом с (*с Аго*) входит в состав подлежащего.

При выражении определительных отношений существительное с предлогом с выступает в роли определения или именной части составного сказуемого. Например: *В дълното на двора стои нова каручка с желязна обковка и изписани ритли* (Е. П.) (В глубине двора стоит новая повозка с железной обковкой и расписными боками). Или: *Тя беше с кръгло, лунавичко, съвсем бледо лице* (К.) (Она была с круглым, веснучатым, совсем бледным личиком).

При выражении отношений взаимодействия, объектных и орудийных отношений существительное с предлогом с выступает в роли дополнения. Например: *А свекървата е говорила със свекъра* (К.) (А свекровь говорила со свекром).

При выражении временных отношений и отношений образа действия существительное с предлогом с является обстоятельством. Например: *Тя броеше със страх дните* (К.) (Она со страхом считала дни).

Таким образом, существительные с предлогом с могут выступать в роли дополнения, определения, обстоятельства, составной части подлежащего и именной части сказуемого.

В результате подобного анализа, статья, посвященная описанию каждого типа смысловых отношений, должна включить в себя характеристику по следующим пунктам:

- 1) определение данного синтаксического отношения,
- 2) характеристику знаменательных слов, образующих данное словосочетание,
- 3) характеристику роли предлога,
- 4) указание на характер отношения данного типа к другим смежным по значению типам — по сходству и различию с ними,
- 5) рассмотрение конкретных условий контекста и порядка слов,
- 6) рассмотрение отношения к членам предложения,
- 7) могут быть, кроме того, отдельные специальные вопросы, не имеющие общего значения, но важные для какого-то определенного типа словосочетаний.

Ю. С. Маслов

О СВОЕОБРАЗИИ MORFOЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА В СОВРЕМЕННОМ БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Планом книги «Основные вопросы болгарской грамматики» предусмотрен раздел, посвященный подробному систематическому описанию морфологии глагольного вида. Предлагаемый доклад не является изложением этого раздела. Задача доклада — охарактеризовать лишь те черты морфологической системы вида в болгарском языке, которые определяют ее специфические отличия от системы вида некоторых других славянских языков и прежде всего русского языка. В связи с такой целевой установкой находится и метод изложения материала: факты болгарского языка излагаются здесь в сравнении с фактами русского.

Приступая к осуществлению поставленной задачи, прежде всего следует подчеркнуть, что в области основных принципов, на которых строится система глагольного вида, нет никакого расхождения между болгарским языком и всеми другими современными славянскими языками. Эти — общие для всех современных славянских языков — основные принципы могли бы быть сформулированы следующим образом: во-первых, система глагольного вида предусматривает наличие и противопоставление двух полярных видовых категорий — совершенного и несовершенного вида; во-вторых, материальным носителем видового значения «совершенности» и «несовершенности» является глагольная основа с ее суффиксами, приставками и чередованием звуков в корне; в-третьих, присоединение приставки почти всегда переводит основу несовершенного видового значения в разряд основ совершенного вида, а присоединение суффикса имперфективации всегда делает основу совершенного вида несовершенной; в-четвертых, наблюдается сильная тенденция к созданию чисто грамматических видовых пар глаголов, — пар, в которых оба члена равны друг другу по своему лексическому значению и различаются одним только видом.

Как известно, очень близкой, а в значительной мере и просто тождественной является во всех славянских языках, не исключая и болгарского, сама материальная система морфологических показателей одного и другого вида. Это относится к материальному составу глагольных приставок и суффиксов, к однотипным чередованиям звуков в корне глагола и, наконец, к случаям, так сказать, морфологической «нехарактеризованности» вида, т. е. к известному кругу глагольных корней, за которыми самими по себе, при отсутствии приставок и суффиксов, закрепилось значение совершенного вида (хотя в отношении ряда таких корней между отдельными славянскими языками отмечаются и некоторые расхождения).

Конечно, помимо черт, общих всем славянским языкам в области вида (мы, разумеется, не исчерпали их здесь, в частности и потому, что

совсем не коснулись вопросов синтаксиса и семантики вида), каждый славянский язык имеет и в этой, как и во всякой другой отрасли своего грамматического строя, нечто специфическое, индивидуальное, в той или иной мере свойственное именно ему. Есть свои индивидуальные особенности, и притом очень интересные особенности, и у видовой системы болгарского глагола. Об этих-то особенностях, поскольку они касаются морфологической системы вида, и будет идти речь в данном докладе.

При этом мы не имеем здесь в виду те морфологические особенности видовой системы болгарского языка, которые связаны со своеобразием состава форм болгарского глагола. Эти особенности достаточно известны. Так, если для русского языка общим морфологическим признаком всех глаголов несовершенного вида, в отличие от всех глаголов совершенного, является прежде всего особое образование форм будущего времени, то для болгарского (как и для сербохорватского) вообще не существует никакой разницы в образовании форм будущего времени между глаголами одного и другого вида. Зато в болгарском языке отглагольные существительные типа *писане*, *прибиране* и т. д., входящие в известной мере в систему глагола,¹ образуются исключительно от глаголов несовершенного вида, чему в русском имеются лишь приблизительные и неполные аналогии. Сегодня нас будут занимать не эти и подобные им особенности, а те морфологические особенности вида, которые касаются самой структуры видовой системы как таковой, независимо от ее связей с другими грамматическими категориями глагола. Эти особенности были лишь частично освещены, а частично и вовсе остались неосвещенными в грамматической литературе.

К числу таких особенностей относятся:

1) отсутствие хотя бы слабо развитой и «периферийной» категории «многократного вида», как и отсутствие различения моторно-кратных и моторно-некратных глаголов;

2) наличие среди нехарактеризованных глагольных основ (т. е. основ, не имеющих специальных примет совершенного вида в форме приставок или суффиксов *-н-/-на-* или *-са-*) довольно значительного (большого, чем, например, в русском) количества основ совершенного видового значения (*perfectiva simplicia*) и основ, колеблющихся в отношении вида (*communia*);

3) значительно более широкая, чем в русском и других славянских языках, способность реального образования производных основ несовершенного вида.

Из всех этих особенностей наиболее важной для системы вида в целом представляется нам последняя. Вместе с тем она, кажется, вовсе не отмечалась в грамматической литературе. Все это побуждает нас начать изложение именно с нее и именно ей посвятить основное внимание в данном докладе.

I

Как известно, в русском литературном языке есть определенные, довольно многочисленные случаи, в которых при наличии глагольной основы совершенного вида образование производной от нее основы несовершенного видового значения практически не имеет места.

¹ Ср., в частности, тождество управления: *прибиране реколтата* — без предлога, как *прибирам реколтата*. Правда, при таком отглагольном существительном возможна и конструкция с предлогом *на*; в этом случае прямое дополнение превращается в несогласованное определение, как это имеет место при отглагольных существительных других морфологических типов в болгарском и при всех типах отглагольных существительных в русском языке.

Так, в русском языке практически не существуют производные основы несовершенного вида, которые были бы образованы от таких глаголов совершенного вида, как *рухнуть*, *хлынуть* и т. п. (глаголы мгновенного, внезапного действия), *отшуметь* (так называемые финитивные глаголы), от многих совершенных глаголов начинательного значения, вроде *зареветь*, *зарыдать*, *засмеяться*, и совершенных глаголов со значением «охвата длительности», вроде *поработать*, *посидеть*. Формы **рухивать* или **рухать*, **отшумливать*, **заревывать* и т. п. в литературном русском языке практически не употребляются.

В противоположность этому в болгарском мы во всех подобных случаях свободно можем присоединить к основе совершенного вида тот или иной суффикс имперфективации, чаще всего *-ва-*, иногда *-áva-*, и образовывать основу с тем же самым лексическим значением, но несовершенного вида. Ср., например, образования несовершенного вида от глаголов мгновенного, внезапного действия: *Рухва, събаря се всичката красота на жеста и благородното му дело се самоунищожява* (Е. П., Смелост); *сълезите ѝ отново рухват* (С., Холера); от «финитивного» глагола *отшумя*: *Бурята бавно отшумява и дъждът затихва* (там же); от начинательных глаголов: *Графинята заревава по-силно и театърът ѝ отговаря с гръмогласен хохот* (ПИ); *Графът заривава пак* (там же); . . . *а той. . . засмива се до уши и с още по-висок и дрезгав глас продължава* (БГ); *Слугата пак задрямва* (Е. П., Самичка); *от очите ѝ закапват едри и топли съзми* (там же); от глаголов со значением «охвата длительности»: *От три дни той ореше на угарта при Широкия мост, и за да може да поработва по хладина, ноцуваше там* (К., Снаха); *Степан Петрович, като поседяваше на едно място тъкмо толкова, колкото да не се обидят стопаните, отиваше в друга къща* (А. Толстой, Навъсено утро; в русском оригинале *посидев*).

Переводя приведенные сейчас примеры на русский язык, мы вынуждены либо заменять глагол сочетанием глаголов («слезы снова начинают течь», «буря медленно перестает шуметь», «графиня начинает реветь сильнее» и т. д.), либо прибегать к прошедшему времени глагола совершенного вида («слезы хлынули снова», «буря медленно отшумела») вместо исторического настоящего, либо использовать какие-либо другие обороты, но не можем употребить форму несовершенного вида от соответствующего глагола.

Далее, в русском языке производные основы несовершенного вида обычно не образуются и в тех случаях, когда основа совершенного видового значения бывает образована с помощью приставки с более или менее «побледневшим» лексическим значением. В качестве таких приставок (так называемых «пустых» приставок) чаще всего встречаются, как известно, *о-* (*об-*), *с-*, иногда *на-*, *по-* и др., — например, в таких глаголах, как *онеметь*, *побелеть*, *потемнеть* (и *стемнеть*), *ограбить*, *позвать*, *поколебать*, *написать*, *присниться* и т. д. Ввиду незначительности, несущественности различия в лексическом значении между *онеметь* и *неметь*¹ (и, соответственно, *побелеть* и *белеть* и т. д.) первый и второй глагол составляют в русском языке видовую пару, и формы типа *онемевать*, *побелевать* и т. д. почти никогда не употребляются. Если у Вл. Маяковского мы встречаем: *И дети у матерей в животе онемевали и слепли* (из цикла стихов об Америке), то это — редкое, необычное употребление, не норма, а скорее отклонение от нормы, вызванное специальными условиями.

¹ В том, что некоторое, хотя и несущественное различие в лексическом значении здесь все же есть, мы убедимся ниже.

В болгарском языке, по отношению к которому в грамматиках тоже говорится о приставках «с побледневшим реальным значением», на деле мы свободно можем во всех подобных случаях присоединить к основе совершенного вида с приставкой тот или иной суффикс имперфективации и, таким образом, получить, как и в приведенных выше примерах, основу несовершенного вида с сохранением в ее составе данной глагольной приставки. Ср. например: *Уплаши го това онемяване на водениците* (Е. П., Ветрената мелница), где имеем отглагольное существительное от *онемям*, букв. «онемевать»; *Небето на изток все повече и повече побеляваше* (И., Земляци); *Изведнаж той сбръчва вежди, лицето му потъмнява* (И., Старопланински легенди); *Стъмняваше се* (И., Ако можеха да говорят); *Едновременно с това Партията проведе една масова борба за превръщането на общините от Оръдие на потисничество, ограбване и експлоатация в органи, служещи на интересите на трудещите се маси* (Г. Димитров, Доклад пред V Конгр. на БРП(к); *тя му отговаря презрително и повиква Драка* (ПИ); *Ония не могат да ни видят колко сме, поколебават се за момент, и когато един от тях извиква, — вероятно, ранен — те отстъпват* (В. Георгиев, В Лопянката гора); *За родоначалник на новата литература и възраждането ние считаме. . . Паисий Хилендарски. . . който написва в 1762 г. своята Славяно-българска история и я разпространява широко сред нашия народ* (Боян Пенев, Българска литература, 1946); *Той беше млад и енергичен човек, стоеше постоянно в кантората си, тичаше до съда. . . направляше веднага нужната справка на клиента си. . .* (Ст. Даскалов, Гнездо); *Присъзява му се едно поле, ама какво поле!* (Е. П., Печена тиква).

И в этих случаях, переводя на русский язык, мы не можем передать глагол буквально, но вынуждены заменять приставочный глагол бесприставочным («небо на востоке все более и более белело», «лицо его темнеет») или производить какие-то другие замены, как и в рассмотренных выше случаях.

Количество болгарских примеров, подобных приведенным сейчас и выше, было бы легко удесятерить. Ни один из них не является каким-либо редким или необычным. Обратных же случаев, т. е. таких, в которых в болгарском языке практически не могли бы быть образованы производные основы несовершенного вида при наличии таких основ в русском, повидимому, не найдется.

Есть, правда, и в болгарском языке редкие случаи, когда производная основа несовершенного вида все же не образуется, так как ее образование как бы наталкивается на фонетические препятствия, т. е. оказывается в фонетическом отношении неудобным или даже прямо невозможным. Фонетическое неудобство возникает тогда, когда исходная основа совершенного вида уже содержит суффикс, имеющий в своем составе звук **-в-**, фонетическая невозможность — когда этот звук **-в-** следует после согласного.

Рассмотрим эти случаи.

1. Наряду с суффиксами имперфективации, содержащими звук **-в-** (**-ва-**, **-áva-**, **-ува-**, например, в *купувам* рядом с *купя*), в болгарском языке имеются, как известно, омонимичные словообразовательные (глаголообразующие) суффиксы, служащие для образования глаголов от имен и, иногда, наречий (например, *милвам* от *мил*, *комквам* от *комка*, *вълнувам* от *вълна*, *сбогувам се* от наречия *сбогом* и т. д.). Если глаголы, образованные с этими суффиксами, соединяются с приставкой, то в большинстве случаев они по общему правилу приобретают значение совершенного вида (ср. *помилвам*, *замилвам*, *завълнувам се*, *развълнувам* и т. д.). Однако

производные несовершенные основы в этих случаях не образуются. При необходимости употребить ту или иную форму, имеющую несовершенное видовое значение, эта форма иногда образуется от той же основы, превращающейся, таким образом, в основу двойственного видового значения. Например, в сценической ремарке: *Рада запътяна иде откъм чучура, и като вижда зидарите стрели работата си още по-силно се развълнува*; (Тодоров, Зидари; буквально «еще больше разволновывается»).

В подобных случаях и в русском языке наблюдается практическая невозможность образования производных основ несовершенного вида (например, от глаголов *обрадовать*, *взволновать*, *помиловать* и т. п.).

2. Есть случаи, когда к производной основе несовершенного вида, образованной с суффиксами *-ва-*, *-áva-*, *-ува-* (например, *става-*, *решава-*, *купува-*, *полива-*, *извива-*), присоединяется приставка. Полученный таким путем новый глагол (нередко это будет глагол с двумя приставками) имеет, по общему правилу, совершенное видовое значение. Ср.: . . . *момчето се турнира стремглав в стаята и извика като уплашен: «Иде! Иде!» Всички наставаха. Вънните врата се отвориха. . .* и т. д. (БГ), т. е. «все повставали»; *ще изрешавам всички задачи* (Др. Матеев, Изв. на Инстит. за българ. език, I); *ще накупувам всичко, което ми е нужно* (там же); *Милка дрънна кратунката и му запольва над един котел* (Ст. Даскалов, Гостенка), т. е. «стала поливать». Производные основы несовершенного вида в этих случаях также почти никогда не образуются. Правда, рядом с глаголом *издавам* в значении «давам много, в разни времена, плащам, харча едно след друго», совершенного вида, БТР дает соответствующий несовершенный (по терминологии БТР «многократный») глагол *издавам*, но в текстах подобные формы не встретились ни разу¹.

То же самое наблюдаем и в русском, например в таких глаголах (с двумя приставками), как *повыталкивать*, *повставать* и т. д.²

За пределами очерченного круга фактов встречаются лишь единичные глаголы совершенного вида, рядом с которыми нет производной основы несовершенного видового значения, причем в этих случаях речь идет о глаголах, недостаточных не только в отношении вида. Так, Болье отмечает, что глагол *почин* (несовершенный вид *почивам*), в значении «умереть», употребляется только в формах совершенного вида, и притом только в прошедших временах (*той е починал, тя почина снощи*)³, а глагол *помина се*, также в значении «умереть», тоже не имеет форм несовершенного вида и употребляется только в 3 лице ед. и мн. ч.⁴. Отметим, что и в русском языке все эмоциональные синонимы глагола *умереть*, как торжественно-приподнятые — вроде *почить*, аналогичные в стилистическом плане приведенным сейчас болгарским глаголам, так и грубоирони-

¹ Заметим, кстати, что те глаголы совершенного вида, у которых звук *-в-* в конце основы после гласного принадлежит не суффиксу, а корню, без затруднений образуют производные основы несовершенного вида с суффиксами *-ва-* или *-áva-*. Ср., например, *той. . . есва ми се мерна, като скривваше нагоре, в селото* (М. Георгиев. С тебешир и въглен); . . . *те не бяха обидни, не я клъваха право в сърцето, не тровеха душата ѝ* (К., Татул; *клъвам* — несовершенный вид от совершенного *клъвна*); *изюваването на новия живот* (К., Проходът на младежта) и т. д. Также и при образовании форм «эвентуалиса»: *Да му теглим ли един калай? — Калай не, ами с земята барабар го направваме* (БГ).

² На фонетическую невозможность в этих случаях производных основ несовершенного вида указывал И. А. Калинин. (И. А. К а л и н и н. Категория вида в русских глаголах. «Труды Горьковского пед. института им. Горького», в. VIII, 1940, стр. 206.)

³ L. В е а u l i e u x. Grammaire de la langue bulgare. Париж, 1933, стр. 222.

⁴ Там же, стр. 323. Ср. также Ст. М л а д е н о в. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език, София, 1941, стр. 469.

ческие и просторечные — *окачуриться, дать дуба, сыграть в ящик, протянуть ноги, приказать долго жить* и т. д., повидимому, не могут быть имперфективированы или, во всяком случае, являются неупотребительными в несовершенном виде.

Если оставить в стороне эти единичные для болгарского языка факты, повидимому, связанные, как и в русском языке, с особой эмоциональной окраской данных глаголов, то окажется, что во всех остальных случаях образование производной основы несовершенного вида является невозможным только при наличии определенных, фонетических или, точнее, фонетико-морфологических¹ условий. Иными словами, в болгарском только внешняя фонетическая или фонетико-морфологическая причина ведет к отсутствию интересующих нас образований. К тому же процент подобных случаев в общей массе глаголов невелик. В русском языке причины практического отсутствия производных основ несовершенного вида гораздо разнообразнее, они в большей мере коренятся во внутренних, смысловых факторах, в значении соответствующих глаголов, и вообще само количество таких случаев значительно больше.

В целом рассмотрение положения в болгарском языке убеждает нас в том, что возможность реального образования производных глаголов несовершенного вида развита здесь не только в большей мере, чем в русском, но что возможность эта в болгарском языке почти безгранична.

Каково значение, каковы последствия отмеченной особенности болгарского языка для его видовой системы в целом?

Можно без преувеличения утверждать, что последствия эти весьма значительны.

1. Почти неограниченная возможность создания производных основ несовершенного вида приводит к тому, что в болгарском языке чрезвычайно суженной оказывается группа непарных глаголов совершенного вида (*perfectiva tantum*). В составе этой группы оказываются здесь только:

а) глаголы, образованные с приставкой, сохраняющей то или иное вполне четкое специальное значение (например, начинательное) от отыменных (и отнаречных) глагольных основ, оканчивающихся суффиксами *-ва-*, *-áva-*, *-ува-* (например, *замилвам* «начать ласкать», *засбогувам се* «начать прощаться» и т. п.);

б) глаголы, образованные с любой приставкой от «вторичных несовершенных основ», оканчивающихся суффиксами *-ва-*, *-áva-*, *-ува-* (например, приведенное выше *наставаха* «повставали», глаголы с двумя приставками вроде *поприказвам, наприказвам се, заполивам* и др.).

Всем прочим довольно многочисленным группам непарных глаголов совершенного вида других славянских языков в болгарском противостоят нормальные парные глаголы. Так, непарным глаголам *perfectiva tantum* русского языка вроде названных выше *рухнуть, отшуметь, зареветь, посидеть* и т. д. соответствуют видовые пары *рухна : рухам, отшумя : отшумявам, зарева : заревавам, поседя : поседявам* и т. д.

Производная основа несовершенного вида используется в болгарском языке в формах настоящего времени, имперфекта, отглагольного существительного, иногда и в других формах.

Особенно часто употребляют формы настоящего времени несовершенного члена пары в функции исторического настоящего; ср., кроме приведенных выше примеров, еще следующие: *Изтръблява рог и влизат пратеници от Карла Велики. . . Плачът размива всичките. . . Някой му*

¹ Учитывая сказанное в примечании 1 на стр. 34.

изсъхва да мълчи. . . Влазя Драко, и всички пак закусват на цилиндъра му. . . Залата замулява от критики и смехове. . . и т. д. (ПИ, описание представления «Многострадальной Геновевы»); *Тя прихва от смях, бай Ганю, възхитен, засуква си левия мустак и си заклатва главата* (БГ); *Ананий. . . разсърдва се и . . . си отива* (И. Земляци) и т. д. По-русски во всех этих случаях мы должны были бы либо отбросить приставку («Трубит рог и входят посланцы Карла Великого»; «Ананий сердится и уходит»), либо воспользоваться сочетанием слов («Плач этот заставляет всех рассмеяться», «бай Ганю начинает крутить левый ус и качать головой»).

Типично использование форм настоящего времени рассматриваемых болгарских глаголов в сценических ремарках (так называемый *praesens scenicum*), например: *Рада (безпомощно се озърта, въздиша, докато най-подир се просъзпява и заплаква)* (Тодоров, Зидари); *Светла мълчливо вдига ръката. Машината тежко запущява и спира* (А. Гуляшки, Обещание). В современном русском языке в соответствующих случаях при невозможности образования глагола несовершенного вида наблюдается переход в прошедшее время. Ср. у Блока: *Они расходятся. Третий вынырнул из-за камня. Сухими чертами лица. . . он похож на птицу* (Король на площади); *В тот же миг разъяренная толпа хлынула на ступени за Поэтом. Снизу расшатываются колонны* (там же). В более старом русском языке (в XVIII в.) в этих случаях было возможно и употребление настоящего-будущего совершенного вида, т. е., например, можно было бы сказать (ср. наш первый болгарский пример): «Рада беспомощно озирается, вздыхает, затем прослезится и заплачет»¹.

Нередко встречается также имперфект от рассматриваемых болгарских глаголов. Кроме приведенного выше примера, ср. еще: *Децата се размуляваха след него, кикотеха се ниско и шуинеха нещо помежду си* (К. Велков, Село Борово); *И той с ново усърдие заработваше в бакалницата* (там же); — *Не се плаши. . . — ми скръпяше с зъби той, щом не сигурно засричвах азбуката* (Г. Белев, Иглата се счупи) и т. д. По-русски во всех этих случаях мы, желая сохранить несовершенный вид, сказали бы «начинали шуметь», «начинал работать» или «принимался за работу» и т. п., т. е. использовали бы сочетания слов.

2. Наличие в болгарском языке регулярных видовых пар типа *рухна : рухам, отшумя : отшумявам, зарева : заревавам* и т. д. заставляет нас по-иному, чем применительно к русскому языку, ставить вопрос о соотношении собственно видовых значений (т. е. «совершенности» и «несовершенности») и таких более специальных и специфических значений, как мгновенное, начинательное, «финитивное», охвата длительности и нек. др. В русской грамматической литературе перечисленные специальные значения обычно квалифицируются как «подвиды», выделяемые в н у т р и более общей категории совершенного вида, как частные разновидности общего видового значения «совершенности» («перфективного значения»). Для русского языка это действительно как будто так². В болгарском языке картина иная: значение мгновенного действия, выполненного одним движением, «финитивное» значение, начинательное значение и даже значение охвата длительности оказываются систематически представленными, как мы сейчас могли убедиться, в обоих видах —

¹ Подобные примеры из русских драматических произведений XVIII в. см. у Л. А. Булаховского в «Курсе русского литературного языка», т. II. Киев, 1953 г., стр. 305—306.

² Правда, начинательное значение в русском языке иногда бывает представлено и в несовершенном виде, ср. *запеть, заговоривать*, но в общем подобные образования нетипичны для русского языка.

совершенном и несовершенном. По сути дела мгновенность, начинательность, «финитивность» и т. д. не могут рассматриваться здесь как «подвиды» внутри одного из видов. Это — «способы действия», лексико-грамматические разряды глаголов. Каждый такой разряд обладает определенным общим для всех входящих в него глаголов оттенком значения и определенной формальной характеристикой, осуществляемой с помощью тех или иных словообразовательных морфем. Но каждый такой разряд представлен соотносительными парными глаголами совершенного и несовершенного вида. Таким образом, вид глагола и способ глагольного действия выступают здесь как независимые друг от друга категории: способ действия не предопределяет вида.

Это относится, в частности, и к глаголам так называемого суммарного значения, также составляющим особый способ действия. Ср. суммарный глагол совершенного вида *изпочуния* «поломать все», «переломать» и т. д., например: *Крежките му сѣчки се изпочуниха* (Е. П., Нане Стоичковата върба), и соответствующий парный глагол несовершенного вида *изпочунвам*: *Нямаше нито канче, нито кратунка, всичко крадяха и изпочунваха проклетите му хора* (К., Снаха); Аналогично *изходя* (да *изходя* селата и градовете, Др. Матеев, ук. соч.): *изходвам* (там же) и т. д.

3. Как известно, в славянских языках существует несколько морфологических типов видовых пар. Основными типами являются следующие четыре: а) простой глагол несовершенного вида: глагол с приставкой, утратившей лексическое значение (русск. *нeмeть* : *oнeмeть*, *писать* : *нaписaть*); б) глагол совершенного вида (простой или, чаще, приставочный): производный от него с помощью суффикса имперфективации глагол несовершенного вида (русск. *дaть* : *дaвaть*, *вписaть* : *вписывaть*); в) нехарактеризованный глагол несовершенного вида (т. е. не имеющий суффикса *-а-* или иного суффикса, характеризующего «вторичные» несовершенные основы): глагол с суффиксом *-н-* (русск. *кoлoть* : *кoльнyть*); г) супплетивный тип (русск. *уйти* : *ухoдить*)¹.

В болгарском языке почти неограниченная возможность образования производных основ несовершенного вида ведет к тому, что здесь почти безраздельно господствующим становится один тип, а именно тип «б» (глагол совершенного вида: производный от него глагол несовершенного вида), например: *oнeмeя* : *oнeмeявaм*, *нaпишa* : *нaписивaм*, *бoднa* : *бoдвaм*, *oтидa* : *oтивaм*. Остальные типы пар оттесняются на задний план. Ср. еще:

в русском языке
тип «а»

темнеть : потемнеть
делать : сделать
звать : позвать

тип «в»

блестеть : блеснуть
скользить : скользнуть

тип «г»

найти : находить
класть : положить
брать : взять
стать : становиться

в болгарском языке
тип «б»

потъмнея : потъмнявам
направя : направям
повикам : повиквам

тип «б»

блясна : блясвам
плъзна : плъзвам

тип «б»

намеря : намирам
сложa : слагам
взема : вземам (взимам)
стана : ставам и т. д.

¹ Кроме того, имеются случаи омонимии совершенного и несовершенного члена пары (русск. *крестить*, *женить*, *ранить*). О соответствующих случаях в болгарском языке см. ниже.

Что касается глаголов «производящих» (исходных) по отношению к совершенному члену пары (так называемых первичных несовершенных), — *пиша, правя, тъмнея, немея* и т. д., то они, собственно, остаются в болгарском языке вне пар, изолируются и превращаются в непарные глаголы «imperfectiva tantum». И это естественно, так как из двух глаголов несовершенного вида — *пиша* и *написвам* — семантически более близким к *напиша* является второй, т. е. *написвам*. Они и составляют вместе чистую видовую пару, т. е. такую пару, члены которой не отличаются друг от друга ничем, кроме вида. Простой же глагол не может дать с приставочным абсолютно чистой пары, он всегда или почти всегда отличается от приставочного еще чем-нибудь кроме вида.

Так, во взятом нами примере различие между *пиша* и *напиша*, кроме вида, заключается еще и в некоторых оттенках лексического значения, и это проявляется в том, что *пиша* свободно может употребляться без объекта, «абсолютно» (*ние не знаем да пишем* — Е. П., Андрешко; *учителката взема перото и пише* — Е. П., Самичка), а *напиша* (как и *написвам*) обычно так не употребляется (в случае отсутствия объекта при *напиша* или *написвам* мы будем иметь уже «неполное», незаконченное предложение, предложение с невыраженным объектом, а не «абсолютное» употребление глагола). По существу так же обстоит дело и в русском языке, где тоже не все значения и типы употребления глагола *писать* находят себе соответствие в глаголе *написать*. Но в русском языке, где форма «написывать» практически не употребляется, эти различия между *писать* и *написать* не ведут к разрыву пары. Также и в других подобных случаях.

Еще пример: глаголы *белзя, тъмнея* могут обозначать не только процесс постепенного изменения цвета, постепенного нарастания признака («становиться белым», «становиться темным», ср. *белее ми косата*, БТР), но иногда (а в сочетании с возвратным местоимением — всегда) процесс проявления неизменяющегося, статического признака («быть, видеться белым, казаться белым на фоне других, более темных предметов»). Приставочные глаголы обоих видов — *побелея : побелявам* и *потъмнея : потъмнявам* — имеют только первое значение, т. е. обозначают только изменение, нарастание признака, его появление. И здесь факты русского языка представляют по существу полную аналогию (ср. значение глагола *белеть* в *белеет парус одинокий*, не находящее себе соответствия в значении глагола *побелеть*). Но в русском языке, при отсутствии или практической неупотребительности производного глагола несовершенного вида, подобного болгарским *побелявам, потъмнявам*, пары типа *белеть : побелеть* сохраняются, несмотря на частичное расхождение в значении между простым и приставочным глаголом.

Специального рассмотрения заслуживают те смысловые отношения, которые устанавливаются между глаголами типа *махам, бъркам* и т. д. и соответствующими парными *магна : махам, бръкна : бръквам*, а также между *бода* и *бодна : бодвам, гърмя* и *гръмна : гръмвам* и т. д. Традиционно отношения эти освещаются следующим образом: глагол типа *махам* рассматривается (например, в этимологическом словаре Ст. Младенова и в БТР) как «длительный» («траен»), глагол типа *махам* (или *махнувам*) как «многократный» от соответствующего «однократного» (*магна*)¹. На деле,

¹ В полученном у нас после того, как эта статья была уже набрана, новом толковом словаре, издаваемом Болгарской Академией наук, отношения между глаголами указанных типов освещаются иначе. Так, например, *ахам* объясняется как «многократно възклицавам ах», а *ахам* и *агна* даются в одной словарной статье и толкуются как «ахам веднаж или няколко пъти по веднаж». Ср. с этим сказанное ниже, на стр. 39—40.

однако, в болгарском языке вообще не существует, как уже упоминалось, особой категории «многократного вида» (подробнее см. ниже). Подлинные отношения между интересующими нас глаголами рисуются на основе фактических данных в следующем свете.

Глагол *махам* («махать») обычно обозначает сложное, комплексное, «мультипликативное» (Андрейчин)¹ движение, которое само по себе состоит из ряда отдельных актов, отдельных «мановений». Ср. например: *Старецът тича обезумял от отчаяние, маха с ръце каточе иска да разреди мрака* (Е. П., Гераците). «Старик бежит, обезумев от отчаяния, машет руками, как будто хочет рассеять мрак». *Махам* чаще всего обозначает одно отдельно взятое движение, одно «мановение» в процессе его осуществления. Ср. в историческом настоящем: *Спогледаха се кърджалиите един други. . . и се замислиха. . . Но някой махва с ръка и вика: «Индже знае какво прави. Нека!» И всеки разбира какво иска да каже* (И., Старопланински легенди) «Переглянулись кырджалии и задумались. Но кто-то машет рукой (=махнул один раз рукой) и кричит: — Индже знает, что делает» и т. д. Особенно рельефно противостоят друг другу значения форм *маха* и *махва* в следующем отрывке: *За миг аз видях: бойците се вдигат, сякаш изникват от земята. . . ; командирът махва с ръка — «Напред, другари!» — и се спуска срещу главното ядро на полицаите, а след него всички с боен, мощен вик. Изглежда, полицаите са смутени, защото някакво началство отчаяно крещи, като маха с пистолета си: «Атака, атака!» но никой не тръгва. . .* (В. Георгиев, В Лопянката гора).

Правда, не всегда значения двух рассматриваемых основ противопоставлены так четко. *Махам* — форма относительно молодая и потому иногда в отмеченном сейчас типичном для нее значении (одного «мановения» в процессе его осуществления) встречается и старое *махам* (как это типично и для русского *махать, машу*), например, в сценической ремарке: *Камен (само маха с ръка)* (А. Гуляшки, Обещание), где речь идет, по видимому, только об одном движении. Все же в современном языке более типичны в таких случаях формы с суффиксом *-ва-*. Как мы видим, *махам* не отличается от *махна* ничем кроме вида: значение действия, выполненного (в *махна*) или выполняемого (в *махам*) одним движением, в равной мере присуще обоим основам, т. е. лексический оттенок (способ действия) у обеих основ один и тот же. Этого нельзя сказать о *махам*, в котором соответствующий оттенок либо вовсе отсутствует, либо присутствует лишь, так сказать, в порядке сохранения прежних отношений, как в последнем примере. Иными словами, существовавшая в прошлом видовая пара *махам* : *махна* распалась, так как не была вполне «чистой». На ее место стала новая, совершенно «чистая» пара — *махна* : *махам*, глагол же *махам* в силу этого остается изолированным, стоящим вне парной корреляции, соотносительным с *махна* и *махам* лишь как член одной словообразовательной цепи.

То же самое можно наблюдать и в других аналогичных случаях. Так, глагол *бъркам* используется для обозначения сложного, «мультипликативного» действия, состоящего из ряда движений: *С пари ли е, без пари ли е? — попита човекът и почна да бърка в пазвата си* (Е. П., Под манастирската лоза) «начал ругаться»; *Бъркай гостбата с лъжицата, да не загори* (БТР) «мешай, чтоб не пригорело»; *Който бърка в меда, той си облизва пръстите* (поговорка, там же) и т. д. Глагол *бръкам* — для

¹ Ср. L. Andrejczin. Kategorie znaczeniowe koniugacji bułgarskiej. Крakov, 1938, стр. 20.

обозначения одного «одноактного» движения в процессе его осуществления: *Камен — Тогава — да запушим! Лешков — С удоволствие! (Бръква в джоба си). Ех, забравил съм си цигарите* (А. Гуляшки. Обещание): «С удовольствием! (сует руку в карман). Эх, забыл папирсы». Сюда же примыкает более старый пример, с устарелой в современном языке «полной» формой *бръкнувам*, приводимый словарями: *Когато се къпят в това светилище, поклонниците се бръкнுவат три пъти през глава* (Дювернуа). Определение точного количества крат указывает, что сама по себе форма *бръкнுவат* выражает здесь действие, мыслимое как отдельное движение; речь идет для каждого субъекта о трех обрядных движениях; выражение *бръкват се три пъти* не выразило бы, по видимому, того же содержания с такой определенностью.

Также и глагол *пипам* обозначает «щупать», «ощупывать», т. е. сложное, комплексное движение, *пипна* — один акт, одно действие, один «щупок», одно прикосновение, *пипвам* — также один акт, но не как готовый, совершившийся факт, не как целость, а в процессе его осуществления. Соответственно *мръдам* — «шевелиться», т. е. делать ряд мелких движений, *мръдна* — «шевельнуться» (действие, выполненное сразу, одним движением), *мръдвам* то же, одноактное действие, что и *мръдна*, но в процессе его осуществления.

Конечно, формы *махвам*, *бръквам*, *пипвам*, *мръдвам*, *писвам* [*Рада (писа и се хвърля към Христа)*] — Тодоров, Зидари] и другие подобные могут обозначать и действие, совершавшееся многократно, систематически (ведь выражать такое действие свободно могут и в болгарском и в русском языке любые глагольные основы несовершенного вида), но при этом их собственное значение не изменится: многократное действие будет состоять из отдельных раздельно воспринимаемых актов, это будет повторение отдельных актов, а не повторение комплексных «мультипликативных» действий, каждое из которых слагалось бы из ряда таких актов. Все же наиболее типичное и специфическое значение рассматриваемых основ — значение процессное, значение отдельного акта (пусть очень краткого во времени реального своего протекания), представленного как процесс. Отсюда — частое употребление этих основ в историческом настоящем и в настоящем сценических ремарок.

К сходным выводам приводит и рассмотрение основ на *-ва-*, производных от другой разновидности основ совершенного вида с назальным суффиксом — от основ начинательного значения (начинательного способа действия). Отношения, наблюдаемые здесь, могут быть проиллюстрированы на примере глаголов *мълча*, *млъкна* и *млъквам*. *Млъкна* — глагол, производный от *мълча* и в известном смысле соотносительный с ним, но, конечно, оба глагола не составляют чистой видовой пары. Различие лексических значений здесь настолько очевидно, что, например, словарь Младенова не дает этих двух глаголов в одной статье. *Млъквам* по оттенку лексического значения (по способу действия) ничем не отличается от *млъкна*; это тоже начинательный глагол «замолкать, начинать молчать», но этот глагол — несовершенного вида. Таким образом, *млъкна* и *млъквам* составляют чистую пару. В данном случае факты болгарского языка семантически вполне параллельны фактам русского языка, ср. *молчать* — *замолчать* — *замолкать* (хотя формальные средства используются другие).

Подобным же образом глагол *пламтя*, несовершенного вида, обозначает «пылать», «сверкать как пламя»; производный от него глагол совершенного вида *пламна* имеет другое лексическое значение — «вспыхнуть», «начать пылать»; производный от *пламна* «вторичный несовершенный глагол» *пламвам* составляет с ним чистую видовую пару, так как выражает

тоже начинательное (или моментальное) значение, т. е. не отличается от *пламна* по способу действия, а отличается от него только видом. В глаголе *пламвам* начало пылания, вспыхивание представлено как процесс. Ср. *след малко печката пламва* (В. Георгиев, В Лопянската гора — историческое настоящее). В следующем примере из Йовкова имеется в виду действие, повторявшееся много раз, но повторительность, многократность не является здесь собственным значением основы, она вносится контекстом: *Денем там се виждаше само дим, но вечер върху тъмните плещи на Балкана пламваше огнената линия на пожарите* (Й., Старопланински легенди) — «а по вечерам вспыхивала огненная линия».

Таковы же отношения между *лъщя* — *лъсна* (непереходный) — *лъсвам* [и между *лъскам* — *лъсна* (переходный) — *лъсвам*]. *Лъсна* и *лъсвам* составляют чистую пару, с лексическим значением «засверкать, начать сверкать». Интересен пример: *Куршуменото небе полека-лека лъсва като дълбоко бисерно огледало* (Е. П., Наслада), где особенно ясно видно «процессное» значение основы *лъсва-*, не имеющее ничего общего с обычно приписываемой таким формам «многократностью» (например, в словаре Младенова). Если *млъква* и *пламва* могут быть точно переведены на русский язык одним словом («замолкает», «вспыхивает»), то *лъсва* не имеет такого точного соответствия; приходится прибегнуть к сочетанию «начинает сиять»: «Свинцовое небо постепенно начинает сиять как глубокое жемчужное зеркало».

Таким образом, мы видим: чистыми видовыми парами, т. е. такими парами, члены которых отличаются друг от друга одним только видом при полном тождестве оттенка лексического значения, являются в болгарском языке пары, возникшие в процессе создания производных основ несовершенного вида. В результате развития этих пар соответствующие «первичные несовершенные глаголы», составляющие в русском языке не совсем чистые пары со своими производными совершенного вида, оказываются в болгарском изолированными, превращаются в непарные глаголы *imperfectiva tantum*.

Однако в болгарском языке в определенных случаях встречаются и другие морфологические типы пар, шире представленные в русском и в других славянских языках кроме болгарского. Посмотрим, каковы эти случаи.

Тип «а» (простой глагол несовершенного вида: глагол с приставкой, более или менее утратившей свое лексическое значение) естественно используется там, где образование производной основы несовершенного вида оказывается и в болгарском языке невозможным, т. е. при наличии в основе совершенного вида суффиксов, включающих звук *-в-*. Примеры таких пар: *критикувам* : *разкритикувам*, *псувам* : *изпсувам*, *рисувам* : *нарисувам*, *шегувам* : *пошегувам*, *действувам* : *подействувам*, *командувам* : *изкомандувам*, *любопитствувам* : *полюбопитствувам*, *чувствувам* : *почувствувам*, *препятствувам* : *възпрепятствувам*, *съвършенствувам* : *усъвършенствувам*, *вървам* : *повървам*, *милвам* : *помилвам*, *радвам се* : *порадвам се*, *трябва* : *потрябва* и т. д. Практически речь здесь идет всегда о глаголах, образованных с помощью словообразовательных суффиксов от других частей речи, так как при внутриглагольном словопроизводстве присоединение «пустых» приставок к вторичным основам несовершенного вида, повидимому, не имеет места и, таким образом, возникают не видовые пары интересующего нас сейчас типа, а непарные глаголы *perfectiva tantum*, о чем была речь выше.

Супплетивный тип также имеется в болгарском языке, но он представлен здесь буквально единичными примерами, что уже было отмечено

Л. Андрейчином¹, а именно следующими: *дойда : дохождам, зайда : захождам* (впрочем, БТР дает и *зайдвам, зайдуювам, зайдвам, зайдуювам*), *река : говоря* (но и *режвам*, например, *като рече царят, режва го и говедарят* — Геров, т. V). Во всех прочих случаях супплетивным парам других славянских языков противостоят регулярные пары господствующего типа.

Наконец, как и в других славянских языках, есть случаи омонимии совершенного и несовершенного члена пары, о чем речь будет ниже.

Вот, собственно, и все, что имеется за пределами регулярных пар типа «глагол совершенного вида : производный от него несовершенный». Что же касается типа «в» (нехарактеризованный глагол несовершенного вида : глагол с суффиксом *-н-*), то этот тип, слабо представленный и в русском языке, в болгарском и вовсе отсутствует. Более того, как видно из приведенных выше сопоставлений, даже образования типа *махам* (т. е. имеющие суффикс *-а-*) заменяются в составе пары образованиями с суффиксом *-ва-*, а глагол *махам* остается вне пары, как и глаголы *пиша, правя* и многочисленные другие «первичные» несовершенные глаголы.

4. Почти безраздельное господство в болгарском глаголе видовых пар одного морфологического типа, а именно типа «совершенный глагол : производный от него несовершенный», ведет к тому, что в современном болгарском языке система видовых пар является в общем наиболее «регулярной» в сравнении с системой видовых пар других славянских языков.

В самом деле, видовые пары типа русских *писать : написать, видеть : увидеть* и т. д. нельзя признать с формальной стороны вполне «регулярными», так как так называемые «пустые» приставки никак формально не ограничены от «непустых» (ср. *написать и набить, наклеить, навалить* и т. д., или *увидеть и усмотреть, убить, утрамбовать* и пр.), а самое количество и состав «пустых» приставок не определены. Вопрос о том, имеем ли мы дело с «пустой» или «непустой» приставкой, часто должен решаться индивидуально для данного глагола. Другое дело — пары, образованные путем суффиксации. Правда, в области суффиксов имеет место омонимия, в частности отмеченное выше совпадение в болгарском языке имперфективирующих суффиксов *-ва-*, *-áva-*, *-ува-* со словообразовательными суффиксами (подобные совпадения имеются и у других имперфективирующих суффиксов, как в болгарском, так и в других славянских языках). Но омонимические суффиксы довольно четко разграничиваются на основе некоторых общих положений, в зависимости от того, к чему именно (в нашем случае — к именным или глагольным корням) они присоединяются. Самое количество суффиксов имперфективации меньше, причем среди этих суффиксов обычно выделяется какой-то один, наиболее продуктивный и в той или иной мере отесняющий другие. В русском языке такую роль выполняет суффикс *-ива-* (*-ыва-*), в болгарском — суффикс *-ва-*. Этот суффикс не связан (как и русский суффикс *-ива-*, *-ыва-*) ни с каким чередованием звуков в корне глагола и вообще может рассматриваться как наиболее простая и удобная формальная примета производных несовершенных основ.

К тому же в болгарском языке все наличные суффиксы имперфективации имеют одну общую особенность: все они требуют спряжения глагола по одному типу, по типу стяженных основ на *-а-* (слабое или, в традиционной терминологии, III спряжение)². Все это придает видовым парам господствующего в болгарском языке типа чрезвычайно «правильный» ха-

¹ Kategorie znaczeniowe, стр. 15.

² Обоснование терминов «слабое» и «сильное» спряжение см. в «Кратких сообщениях» Института славяноведения АН СССР, 1953, № 10, стр. 80 сл.

рактер и делает соответствующие парные глаголы более похожими на формы одного слова, чем это имеет место в видовых парах всех других морфологических типов, встречающихся и не встречающихся в болгарском языке.

Но дело здесь не только в относительной простоте и единообразии формальных средств. Дело, прежде всего, в том, что и по своим значениям, по выраженному в них способу действия, производные глаголы несовершенного вида, составляющие пару со своими «производящими», ничем, как мы только что видели, от них не отличаются, тогда как в других типах пар (русск. *писать* : *написать*) различие лексических оттенков в той или иной степени имеет место. Вследствие всего сказанного я и полагаю, что точка зрения, рассматривающая парные глаголы совершенного и несовершенного вида как формы одного слова, будучи высказана акад. В. В. Виноградовым применительно к русскому языку, в еще гораздо большей мере справедлива для болгарского. В болгарском мы фактически имеем все основания для объединения форм совершенного и производного от него несовершенного глагола в одну парадигму, подобно тому, как объединяются в одну парадигму формы, производные от основы презента, от основы аориста и от основы перфекта в древнегреческом. Осуществив это практически, мы получили бы примерно следующую схему:

Глагол *стана* : *ставам*.

Формы несовершенного вида (спрягаются по слабому спряжению)

Формы совершенного вида (спрягаются — в данном случае — по I сильному спряжению)¹

Личные формы

Настоящее время	ставам, ставаш	стана, станеш.
Имперфект	ста́вах, ставаше	станех, станеше
Аорист	ста́вах, ста́ва	станах, стана.
Будущее	ще ставам . . .	ще стана . . .
и т. д.	няма да ставам	няма да стана.

Неличные формы

Причастие наст. вр.	ставащ	} не образуются
Деепричастие	ставайки	
Отглагольное существительное	ставане	
Причастие аориста	ставал	станал
Причастие имперфекта	ставал	станел

Традиционное рассмотрение парных глаголов болгарского языка как разных глаголов, каждый со своей особой парадигмой, вступает в противоречие с языковым сознанием рядовых носителей болгарского языка, о чем убедительно свидетельствуют сетования ряда грамматистов на «смешение глаголов» в представлении даже образованных болгар. Так, Н. Костов пишет: «Не следует смешивать формы глагола одного вида с формами глагола другого вида. А это делают и даже очень часто. Многие образованные болгары не понимают, что есть различие между глаголом *да дам* и глаголом *давам*. Для большинства форма *дадох* является формой глагола *давам*, в то время как в сущности это форма прошедшего совершенного от глагола *да дам*, потому что несовершенный *давам* в соответствующем случае имеет *давах*»². «Ошибочно утверждать, что *дожаждаха* и *дойдоха*

¹ В других случаях — по II сильному (например, у глагола *хвърля* : *хвърлям*) или по слабому спряжению (например, у глагола *огледам* : *оглеждам*).

² Н. Костов. Българска граматика. София, 1939, стр. 112.

это формы одного и того же глагола, потому что первая форма от несовершенного *дождам*, а вторая — от совершенного *да дойда*¹. Эти и другие подобные настойчивые предупреждения болгарских грамматистов против «смешения глаголов» как раз и говорят о том, что непредвзятый подход языкового сознания к рассматриваемым глаголам требует их объединения в качестве форм одного слова в единую сложную парадигму. Такое объединение производится на практике, «стихийно», в «наивном» языковом сознании говорящих, так как оно соответствует реальным фактам современного языка. Оно должно быть отражено и теоретической грамматикой, если она хочет дать подлинную картину отношений, установившихся в живом языке.

Возражения, которые можно сделать против подобного объединения форм обоих видов, вряд ли могут быть признаны убедительными. Н. Костов, например, отстаивая свое убеждение, что «по виду болгарский глагол не изменяется, как он изменяется по времени, лицу, числу и наклонению», ссылается на то, что «глагол одного вида со всеми своими формами не имеет ничего общего в своем спряжении (в менигбата си) с формами соответствующего глагола другого вида»². Это соображение несостоятельно. Можно сказать, что и в латинской парадигме формы инфекта (*amo, amabam, amabo*) «не имеют в своем спряжении ничего общего» с формами перфекта (*amavi, amaveram, amavero*), но это несколько не препятствует нам объединять их в одну парадигму.

Еще менее убедительно утверждение Н. Костова, будто формы *да купя—купих—ще купя* и т. д. и формы *купувам—купувах—ще купувам* и т. д. «не являются формами одного и того же слова, как не являются формами одного слова существительные *селянин* и *селяк*»³. Во-первых, *селянин* и *селяк* отличаются друг от друга не грамматически, а стилистически: *селянин* — нейтральное, а *селяк* — грубое обозначение крестьянина; во-вторых, их соотносительность есть факт частный, касающийся только этих двух слов, а соотносительность между *купя* и *купувам* есть проявление общей соотносительности форм несовершенного и совершенного вида, соотносительности, охватывающей сотни и тысячи глагольных форм и проявляющейся в языке на каждом шагу. Если уж сравнивать отношения в глаголе с отношениями в существительном, то гораздо правильнее была бы аналогия единственного и множественного числа, представляющего такие же полярные и соотносительные категории, как и славянские виды. Но формы единственного и множественного числа суть формы одного слова, несмотря на отдельные случаи несоотносительности (вроде *поехал на воды* = на курорт)⁴ и несмотря на существование в языке непарных по числу существительных *singularia* и *pluralia tantum* (ср. в глаголе *perfectiva* и *imperfectiva tantum*).

В заключение этого раздела доклада необходимо подчеркнуть, что отмеченная «регулярность» болгарской системы видовых пар с ее почти безраздельным господством пар, возникших путем имперфективации, не должна быть понимаема в том смысле, будто вся система видовых отношений болгарского глагола отличается чрезвычайной простотой и регулярностью. Этого о ней сказать нельзя.

¹ Н. Костов. Българска граматика. София, 1939, стр. 113.

² Там же, стр. 106.

³ Там же.

⁴ Аналогю этим отдельным случаям несоотносительности единственного и множественного числа представляют случаи несоотносительности между некоторыми значениями совершенного и несовершенного глагола в парах типа русск. *писать* : *написать* или болг. *рисувам* : *нарисувам*.

Во-первых, в болгарском языке все же существуют, как мы видели, хотя и в более ограниченных пределах, чем в русском, и другие типы видовых пар.

Во-вторых, нельзя забывать об омонимии суффиксов имперфективации, в том числе и суффикса *-ва-*, с иными, словообразовательными глагольными суффиксами, что создает известные практические трудности при определении видового значения той или иной основы по ее строению. Так, для основ типа «приставка+корень+суффикс *-ва-*» не может быть единого, всегда однозначного решения вопроса об их видовом значении, — сперва надо определить, с каким суффиксом *-ва-* мы имеем дело, а это можно определить исходя из характера корня (именной, как в *по-милва-* или глагольной, как в *по-молва-*) и из наличия в языке рядом с данным образованием других образований глагольных основ с тем же корнем и суффиксом, но без приставки (*милва-*), или с тем же корнем и с той же приставкой, но без данного суффикса (*помол'* — в *помоля*). Иными словами, речь здесь всегда идет о месте данной основы в ряду других основ, образованных от того же корня.

В-третьих, есть случаи, когда наличие в основе даже суффикса имперфективации еще не гарантирует несовершенного видового значения соответствующей формы (если глагол имеет приставку), так как подобный глагол мог возникнуть, вообще говоря, двояким путем, — либо путем присоединения суффикса имперфективации к основе, уже имевшей приставку (*настан-+ува=настанува->настава-*), — и в этом случае он окажется глаголом несовершенного вида, либо путем присоединения приставки к глаголу, уже имевшему суффикс (*на-+ставам*) — и в этом случае этот глагол будет совершенного вида. Конечно, разным будет и значение глаголов, возникших первым и вторым путем, они окажутся омонимии: *наставам* I (несовершенного вида) значит «наступать, настаивать, начинаться» (*Боят настава, тупат сърца ни* — Вазов), *наставам* II (совершенного вида) — «повставать со своих мест» (ср. *всички наставаха* в приведенном выше примере из «Бай Ганю»).

В-четвертых, в болгарском языке, как и в других славянских, есть глаголы с приставками без суффиксов имперфективации, не имеющие значения совершенного вида (*предстоя, завися, принадлежа*), и глаголы с суффиксом *-н-*, также не имеющие совершенного видового значения (*гасна, шепна*), а кроме того, как уже упомянуто, значительное количество «нехарактеризованных» глаголов совершенного либо колеблющегося видового значения. Все это еще больше усложняет общую картину видовых отношений болгарского глагола, требуя ряда индивидуальных оговорок для большого числа глагольных основ различных типов.

II

Итак, мы рассмотрели главную специфическую особенность системы глагольного вида в болгарском языке — почти неограниченную способность основ совершенного вида производить с помощью суффиксов имперфективации (или, иногда, соответствующих чередований) несовершенные основы тождественного лексического значения, составляющие с ними чистые видовые пары. Мы рассмотрели различные последствия, проистекающие отсюда для видовой системы болгарского глагола в целом. Теперь остановимся вкратце на другой важной особенности болгарского языка в области вида — на отсутствии в болгарском языке специальной категории многократных («повторительных») глаголов, так же как и на отсутствии в нем противополжения глаголов «определенного» и «неопределенного»

движения (моторно-некратных и моторно-кратных глаголов). Эта черта болгарского языка была уже отмечена в литературе, что позволит нам говорить о ней здесь меньше.

Известно, что даже в таких славянских языках, как русский и чешский, так называемый «многократный вид» не может быть поставлен рядом с совершенным и несовершенным видом. «Многократные» глаголы типа русских *хаживать*, *едать*, *видывать*, *слыхивать*, *говаривать* и т. д. или типа чешских *frequentativa* имеют ограниченное применение в языке, не идущее ни в какое сравнение с регулярным употреблением форм совершенного и несовершенного вида подавляющего большинства глаголов. Болгарский язык идет еще дальше. Он вообще не знает образований, которые по морфологическому строению и по оттенку значения были бы подобны русским *хаживать*, *едать* и т. п. Формальную параллель можно было бы усмотреть в образованиях типа *ядвам*, но они имеют совсем другое значение, представляя собой особое наклонение глагола, так называемый «эвентуалис» или простое условное наклонение (*ядвам* = я поел бы, я непрочь был бы поесть). Л. Андрейчин совершенно прав, подчеркивая, что «нет оснований говорить об особой категории многократных или повторительных глаголов в болгарском языке» и что в современном болгарском языке «могут употребляться как специально повторительные глаголы только глаголы *бивам* и *идвам* наряду с обычными несовершенными *съм* и *ида*, которые также не лишены способности обозначать повторительность»¹.

К этому можно было бы только добавить, что, с другой стороны, даже и глаголы *бивам* и *идвам* могут не иметь в современном языке значения повторительности. Так, *бивам* в сочетании со страдательным причастием употребляется для обозначения «разового», однократного действия в историческом настоящем: *Три години след Търновското царство пада Видинското — с него заедно цяла България бива покорена от турците* (Б. Пенев, Българ. литер.) — «вместе с ним вся Болгария оказывается покоренной турками»; . . . *този го напечатва с променен правопис и доста небрежно в Периодическо списание. Оригиналът след това бива загубен — и неговите следи се откриват едва напоследък* (М. Арнаудов, Непознатият Бозвели) — «оригинал после этого теряется (=был потерян)» и т. д. Во всех таких примерах перевод на русский язык с помощью многократного «бывать» невозможен. Еще шире распространилось в последние десятилетия употребление в однократном, неповторительном значении глагола *идвам*, например у Йовкова, в историческом настоящем: *Дългата служба се свършва. Но сега идва ред на речите* (Й., Земляци) «Долгая служба заканчивается. Но теперь приходит очередь речей (слушать речи)»; часто у Л. Стоянова: — *А! Ето го! — каза първият глас. — Там ли е? — обади се другият. Идвам* (С., Холера) — «Иду»; *Той излезе набързо и след малко идват двама санитаря с носилка и ме изнасят горе в тясна стая с кревати* (там же); так же у Г. Белева, Кр. Велкова, Ст. Даскалова, Г. Караславова, П. Вежинова, Вес. Георгиева и др. и в языке научной литературы в историческом настоящем (у М. Арнаудова). Отглагольное существительное *идване* и в более старом языке может обозначать однократный приход: *той с истинска радост посрещна идването на дядя Мина* (ПИ)².

¹ Л. А н д р е й ч и н. Основна българска граматика. 1944, § 233 София.

² Отметим, что употребление глагола *идвам* в значении однократного действия вызывает возражения со стороны некоторых болгарских языковедов. В этом отношении показательны следующие замечания БТР о глаголе *идвам*: «Идвам . . . гл. повторит . . . Трамваят и два всеки половин час: редовно иде или дохожда всеки 1/2 ч. (повторит!), но: Трамваят иде! (сега, ето види се, че иде; зададе се и след малко

Глаголы *валям* и *тичам*, возникшие как многократные рядом с *валя* и *тека*, обособились от них по значению и утратили специфический оттенок многократности¹. В других случаях присоединение суффиксов *-а-*, *-ва-* и других подобных к основам несовершенного видового значения ведет не к образованию многократных основ, а к образованию уже упомянутой модальной категории — так называемого «эвентуалиса». Если же глагольная форма внешне такой же структуры, например *калявам*, *строявам*, функционирует не в специфическом значении «эвентуалиса», а в обычном значении формы изъявительного наклонения (ср. «*Как се каляваше стоманата*» — перевод заглавия романа Н. Островского — «Как закалялась сталь»; *Редиците се строят* — К., Проходът на младежта — «Шеренги строятся», историческое настоящее), то это может служить верным признаком того, что соответствующей «производящей» основе [*кал(')*-/*калѝ-*, *стро(ј)*-/*строѝ-*] присуще значение совершенного вида или, по крайней мере, свойственно колебание видового значения, в результате чего основа с суффиксом и возникает как обычная производная основа несовершенного вида.

Что касается противопоставления моторно-некратных и моторно-кратных основ (основ «определенного» и «неопределенного» движения), вроде русск. *бежать* : *бегать*, *вести* : *водить*, *нести* : *носить* и т. д., то это противопоставление, как известно, вовсе утрачено в болгарском, и бывшие моторно-кратные глаголы *бягам*, *водя*, *нося* теперь обозначают как неопределенное, так и определенное движение. Таким образом, и эта специфическая разновидность многократности, хорошо сохранившаяся, например, в русском, отсутствует в современном болгарском.

Словом, если сюда присоединить еще то, что сказано выше о значении форм типа *махвам*, *бръквам* и других подобных, мы должны будем прийти к выводу, что одной из довольно существенных особенностей видовой системы болгарского глагола является отсутствие в этой системе какой бы то ни было, хотя бы лексически ограниченной и, так сказать, «периферийной» категории многократного (итеративного) вида. Отсюда, конечно, не следует, будто значение многократного, повторяющегося действия не может быть выражено в болгарском языке. Это значение выражается, помимо лексических средств, также различными грамматическими способами, как в формах несовершенного, так и в формах совершенного вида (в частности, например, в формах настоящего и имперфекта совершенных глаголов); оно получает, таким образом, определенные формальные, синтактико-морфологические возможности для своего четкого выражения, но оно не выражается строением основы, т. е. не образует особого вида.

III

Довольно подробного рассмотрения заслуживала бы, далее, и такая специфическая черта болгарского языка в области глагольного вида, как наличие в этом языке большого количества «нехарактеризованных» глагольных основ совершенного или колеблющегося видового значения. Основы такие — *perfectiva simplicia* и *communia simplicia* — есть во всех славянских языках; в русск. ср. глаголы *дать*, *сесть*, *лечь*, *купить*, *бросить*, *хватить*, *ступить* и т. д. (*perfectiva simplicia*) и глаголы *казнить*, *женить*, *ранить*, *использовать*, *арестовать*, *телеграфировать*

стига. В тоя последен случай съвсем неуместно и погрешно е да се каже: «Трамваят идва!» (*неповторит!!*). Повидимому, в данном случае БТР отстаивает старую норму, уже отходящую в прошлое.

¹ См. Л. А н д р е й ч и н. Основна българска граматика, § 233.

(*communia*)¹. В болгарском таких глаголов, особенно глаголов колеблющегося видового значения, больше, и в книге «Основные вопросы болгарской грамматики» будет дан их полный перечень, который будет сопровождаться литературными примерами их употребления. Здесь, в докладе, нам придется ограничиться только отдельными иллюстрациями.

Так, к числу глаголов *perfectiva simplicia* относятся, например, глаголы *дам, река, харижа, кача се, купя, простя, реша, сетя се, скопя, стъпя, туря, търколя, хвърля, явя (се), платя, родя, ударя*, диалектное *гудя, хватя* (при литературном *хвана*), устарелое *свободя* (рядом с современным приставочным *освободя*) и т. д., несколько глаголов, исторически сложных с приставками, но в современном языке подвергшихся опрощению или обнаруживающих неполную морфологическую членимость, например *създам, обадя, обиколя, сторя*.

Среди «нехарактеризованных» *communia* имеются глаголы-омонимы, у которых различие видового значения сочетается с различием лексического значения, например *пазаря се* «торговаться, спорить о цене», несовершенного вида, и *пазаря се* «договориться, заключить сделку, наняться на работу» совершенного вида; *строя* «строить» (дом и т. п.), обычно несовершенного вида, и *строя* «построить» (людей в колонну, в шеренгу и т. п.), обычно совершенного вида. Ср. примеры несовершенного видового значения: *Той се пазареше дълго с него, караше се, сърдеше се* (Е. П., Гераците); . . . *на другия ден още почнаха да си строят землянки* (И., Земляци) — и примеры совершенного видового значения: *Може я на занаят да е останало, я чираче някъде да се е пазарило* (К., Снаха); *Ротите се строиха и тръгнаха към селото* (И., Земляци). Таковы же два омонимичных глагола *ида* «приходить», несовершенного вида, и «уйти», совершенного вида, что было уже отмечено в литературе. Есть еще и другие сходные случаи.

Имеются, далее, такие глагольные основы, которые способны выступать в двойственном видовом значении, не изменяя при этом своего лексического значения. Это относится, например, к основам глаголов *сияя, плюя*. Ср., с одной стороны, несовершенное видовое значение: *Слънцето, сипеше огън и жар от висините* (Е. П., Летен ден); *Тия дни почнах да плюя кръв* (БГ), с другой — совершенное: *Вечерта Тошка се промъкна в кухнята, дигна една тенекия с марна вода, сипа шепя сол в нея, разбърка я и си потопа краката* (К., Татул); *Позор и престъпление ще бъде, ако скръстим вече ръце. . . ако плюем на идеала си, ако забравим кръвта и пожарите, в които днес плува България* (ПИ); *Козината му настръхна, но той плю в страни и само изфъгли през зъби* (С., Зазоряване).

Наконец, для некоторых глагольных основ характерен своеобразный тип размежевания видовых значений совершенного и несовершенного вида, связанный с закреплением этих значений за известными формами времени. Так, глагол *мога* в подавляющем большинстве случаев выступает в несовершенном видовом значении (=русск. *мочь*), но в аористе и, реже, в будущем времени, может иметь значение совершенного вида (=русск. *смочь*). Ср. *Значението на Витошката конференция се състои в това, че в един от най-трудните моменти от живота на Партията тя можа да слотим здравите партийни сили около септемврийското ядро в ЦК* (Г. Димитров, Доклад пред V конгрес на БРП(к), т. е. «значение Витошской конференции состоит в том, что. . . она смогла сплотить здоровые партийные силы. . .», т. е. действительно сплотила их. Перевод

¹ В трех последних глаголах суффикс не является видовым, и потому они представляют собою такие же «нехарактеризованные глаголы», как и остальные глаголы этой группы.

«могла сплотить» здесь исказит смысл. Ср. еще: *Медара разбра, че загази, събра всичките си сили — а як беше, можа да се превърти и да залови възето с другата си ръка* (Й., Ако можеха да говорят) «Медара. . . с м о г перевернуться и ухватить веревку другой рукой», т. е. сумел, успел это сделать, а не просто «мог перевернуться».

Есть глагольные основы преимущественно совершенного вида (например, основы глаголов *видя, чуя, кажа*), способные в некоторых случаях выступать и как несовершенные (*видиш ли* вм. *виждаш ли* и т. д.), и, наоборот, основы преимущественно несовершенного вида (*пиша, пия, тегля*), обнаруживающие в отдельных случаях способность иметь совершенное видовое значение (например, *Бае Гавриил се обърна към мене, па ме запита: — Що кажеш, господине, нали чини да се опише моята беля, ха?! — Чини, чини, отговорих на бае Гавриила и му се обещах още тогава, че ще я пиша*; М. Георгиев, Разкумил кума си).

Наличие в болгарском языке всех этих и многих других не рассмотренных здесь случаев двойственности видового значения глагольных основ и видовой омонимии не говорит ни о «недоразвитости» системы вида болгарского глагола по сравнению с системой вида других славянских языков, ни о «вырождении» или «перерождении» глагольного вида в этом языке. Хотя речь почти во всех подобных случаях идет о чрезвычайно употребительных глаголах, несомненно принадлежащих к основному словарному фонду и притом, так сказать, к его наиболее глубинным, внутренним слоям, к его ядру, все же мне представляется, что для системы в целом значительно большую роль играет та ее особенность, которая была подробно рассмотрена на протяжении основной части сегодняшнего доклада, т. е. почти неограниченная способность образования в болгарском языке производных основ несовершенного вида. А эта особенность скорее всего может служить признаком высокого развития вида, признаком чрезвычайно последовательного осуществления в болгарском языке основной тенденции, наблюдаемой в развитии видовой системы во всех славянских языках.

Условные сокращения цитируемых источников

- БГ — А. Константинов, Бай Ганю.
 БТР — Български тълковен речник.
 Е.П. — Елин Пелин.
 Й. — Й. Йовков.
 К. — Г. Караславов.
 ПИ — И. Вазов, Под игото.
 С. — Л. Стоянов

Фамилии других использованных авторов и названия цитируемых произведений приводятся полностью.

О. Н. Трубачев

К ЭТИМОЛОГИИ СЛОВА СОБАКА

Слово *собака* известно лишь части современных славянских языков: русск., украинск. — *собака*, белорусск. — *сабака*, польск. — *sobaka*¹; на наличие слова *sobaka* у прибалтийских славян (словинцев, кашубов) указывают Фр. Миклошич², Фр. Лоренц³. В словаре Ст. Рамулта⁴ это слово, против ожидания, отсутствует.

Так как слово *собака* распространено широко только у восточных славян, его наличие в некоторых из западнославянских языков объясняют обычно заимствованием из восточнославянских⁵. Именно это ограниченное распространение слова в славянских языках привело к тому, что заимствованием стали считать и восточнославянское слово *собака*, причем источник последнего находили в существовавшем, по свидетельству древних, в языке иранцев-мидийцев названии для собаки — *spara*. Этому взгляду благоприятствовало и то, что, по данным истории, восточные славяне в древности близко соприкасались с иранскими племенами скифов. Иным образом не могли объяснить присутствие в языках восточных славян этого слова, столь отличного от индоевропейского **kuon*.

Так, от мидийск. *spara* производит слово *собака* Пикте⁶, мидийское происхождение признает А. Маценауэр⁷, Миклошич⁸ указывает на зендское *spara* (*hundsartig*), иранским склонны считать это слово также О. Шрадер⁹ и Остгоф¹⁰. Преображенский¹¹ повторяет мнение Миклошича. Впрочем, этот вопрос продолжал все время оставаться не решенным окончательно. Так, Остгоф¹² указывает на возможность происхождения

¹ J. Karłowicz. Słownik gwar polskich, т. 5. Краков, 1910, стр. 185; S. B. Lindé. Słownik języka polskiego, т. III. Варшава, 1809.

² F. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slawischen Sprachen. Вена, 1886, стр. 312 (с оговоркой, что польск., кашубск. — из русского).

³ F. Lorenz. Slowinisches Wörterbuch, ч. 2, СПб., 1912, стр. 1073; *sobačka* — gemeines, unzüchtiges Weib, *sobaka* — gemeiner, unzüchtiger Mensch, bzw. Weib (оба слова — с измененным, эмоционально окрашенным значением).

⁴ St. Ramułt. Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego. Краков, 1893, стр. 198.

⁵ F. Miklosich. Указ. соч., стр. 312.

⁶ A. Pictet. Les origines indo-européennes, т. I. Париж, 1859, стр. 377. На Пикте ссылается А. Будилович. Первобытные славяне в их языке, быте и поветиях по данным лексикальным. «Известия Института кн. Безбородко», 1878.

⁷ A. Matzenauer. Cizi slova ve slovanských řečech. Брно, 1870, стр. 309.

⁸ F. Miklosich. Указ. соч., стр. 312.

⁹ O. Schrader. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde. Страсбург, 1901, стр. 382.

¹⁰ H. Osthoff. Etymologische Parerga. 1901, вып. I, стр. 256.

¹¹ А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1914, т. II, стр. 347.

¹² Там же, стр. 255—256.

слова *собака* (и *сука*) из форм, родственных древнеиндийск. *śvā*, древнегреческ. *κύων*.

Итак, большинство исследователей считает слово *собака* иранизмом, ставя его при этом в зависимость от мидийского *spaka*. К последней форме следует, однако, подойти внимательнее.

Говоря о мидийском *spaka*, ссылаются обычно на Геродота, часто цитируя целую фразу: «τὴν γὰρ κύνα καλέουσι σπάκα Μῆδοι». . . — Бартоломэ¹; «σπάκα τὴν κύνα καλέουσι οἱ Μῆδοι». . . — З. Фейст². Упомянутое *σπάκα* обычно берется исследователями из контекста и в неизменном виде предлагается читателю как прототип слова *собака*. Но ведь *σπάκα* — форма вин. ед., и если Геродот не сообщает другой формы, это еще не дает права приводить в качестве иранского слова чисто греческую падежную форму. На это в сущности еще указывал А. Маценауэр: «Собака. . . из мидийского σπάξ, приводится вин. ед. σπάκα у Геродота»³. Если бы Геродот знал название *σπάκα* (им. ед.), он употребил бы вин. ед. *σπάκαυ*. Предполагать, что Геродот ради единичного иностранного слова попустился требованиям греческой конструкции, употребив его в форме именительного падежа, у нас нет оснований. Следовательно, сближение *собака* — *σπάκα* надо расценивать как произвольное. Больше того, в существовании мидийского *spaka* «собака» (именно в этой форме) можно усомниться. Хр. Бартоломэ сообщает такие данные из древне- и новоиранских языков: «*spaka* — прилагательное „собакообразный, собачий“. . ., производное от *span-*. . .; *spa-šīdra* — прилагательное „принадлежащий к собачьему роду. . .“; *span-*: *sūn* — мужск. „собака“. . . Начало сложений (*spā*, *spā*, *spō*); производное (см. также *spānā*). Ср. *sūnī*. древнеиндийские *śvā*, *śūnah*; афганское *spai*, сравни новоперсидское *sag* — перевод пехлеви: *sak*»⁴. То есть как раз в качестве существительного со значением «собака» приводится авестийск. существительное мужск. рода *span-*: *sūn-*, а не *spaka-*. Миклошич для сравнения с *собака* приводит тоже не существительное, а прилагательное «*zend. spaka hundsartig*»⁵. З. Фейст, ссылаясь на Бартоломэ, указывает, что авестийск. *spaka* известно лишь в связанном виде⁶. Современные иранские формы, как видно из перечня Бартоломэ (см. выше), еще более далеки от славянского слова. Наконец, мидийск. *spaka-* с кратким *a* в корне (< **kuṇ-ko-*, Остроф, Указ. соч.) дало бы в славянском **soboka*, а не *sobākā*. Увязывать же наше слово с иранск. *sabah*⁷ нельзя, так как самые поздние соприкосновения славян с иранцами относятся к скифскому времени.

Когда говорят об иранском происхождении слова *собака*, указывают обычно на скифов, с которыми славяне долго соприкасались. Но если вспомнить, что о скифском языке имеются самые общие сведения (в частности, неизвестно, как называлась у них собака) и что надежный древнеиранский прототип для нашего слова фактически отсутствует, предположение об иранском источнике слав. *собака* представляется слабо аргументированным.

Особая точка зрения на судьбу интересующего нас слова имеется

¹ С. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch. Страсбург, 1904, стб. 1610—1612.

² S. Feist. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. Лейден, 1939, изд. 3, стр. 276—277.

³ А. Маценауэр. Указ. соч., стр. 309.

⁴ Ch. Bartholomae. Указ. соч., стб. 1610—12.

⁵ F. Miklosich. Указ. соч., стр. 312.

⁶ S. Feist. Указ. соч., стр. 276—277.

⁷ C. C. Uhlenbeck. Archiv für slavische Philologie, т. 17, стр. 629.

у Н. Я. Марра. Он «тоже против» заимствования *собака* из иранского *spraka*¹, но к этому его побуждало не пристальное изучение материала славянских языков, их исторических взаимоотношений с иранскими и свидетельств истории материальной культуры, о которой он любил поговорить. К этому его побуждала последовательная реакция против всего «индоевропейского», против самой идеи заимствования. Взамен он предлагает невероятнейшие и беспочвенные фантастические сопоставления далеких слов, подводя под эти эксперименты социологическую базу. Так, Марр приходит к мысли, что «... собака носит название человеческой общности на всех языках, она тезка человека, а не природного сознания. . .»². Элементы омонимии *соб* — в *собака* с местоименным корнем *соб* — (*особа*) получают совершенно неожиданное толкование: *о-соба* < *soba* «животный тотем эпохи матриархального права»; *soba* увязывается с *собакой*³, *о-соба* же, оказывается, значит «один [из коллектива] Собы». В другом месте *sobaka* препарируется так: *·soba+ka*, где *soba* — усеченное **so-bal*, которое ставится в один ряд с *ka-bal* «лошадь», у которой оказывается двойник **so-bal* «соболь» и т. д.⁴ Сумбурно, наконец, утверждение Н. Я. Марра о переходе названий «собаки», гесп. «олень» — на «лошадь»⁵. История материальной культуры не дает основания сблизить по роли *олень* и *собаку* в древний период. Напротив, есть данные о самом конкретном их противопоставлении: олень — промысловое животное (если даже имелись случаи его приручения в древности)⁶ и собака — охотничье животное, между прочим для ловли того же оленя. О переходе *собака* > *лошадь*⁷ говорить не приходится. Никакой преемственности между ними не было. Собака — животное охотничье и пастушье, это ее действительно древние функции, никогда не свойственные лошади. Собака в упряжке — это местное явление, арктическое, хотя именно эта аналогия внушила, повидимому, Марру мысль о собаке — древнем средстве транспорта. Там же⁸ Марр пытается еще объяснить *spraka-sobaka* общностью происхождения. В целом, при всем обилии суждений Н. Я. Марра о слове *собака*, в них нельзя найти ничего рационального.

Вернемся к предположению об иранском источнике слова *собака*. Скифы, на которых обычно в этом вопросе указывают, действительно долго соседствовали со славянами, что известно примерно с VIII в. до н. э. Ряд исследователей на основании археологических данных считает древними славянами именно земледельческо-скотоводческую часть населения Скифии, совпадающую отчасти со скифами-пахарями Геродота. Так полагает Л. Нидерле⁹, подобные мысли находим в труде П. Н. Третьякова¹⁰,

¹ Н. Я. Марр. Бретонская нацменовская речь в увязке языков Афревозии. «Изв. ГАИМК», т. VI, 1930; Н. Я. Марр. Родная речь — могучий рычаг культурного подъема, Л., 1930, стр. 35.

² Н. Я. Марр. Одомашнение собаки. «Труды лаборатории генетики АН СССР», стр. 63 и сл.

³ Н. Я. Марр. В тупике ли история материальной культуры? «Изв. ГАИМК», вып. 67, 1933, стр. 100.

⁴ Н. Я. Марр. Родная речь — могучий рычаг культурного подъема, стр. 35.

⁵ Н. Я. Марр. Яфетидология в Ленинградском университете. «Избранные работы», т. I, 1933.

⁶ См. П. П. Ефименко. Первобытное общество, 3 изд., Киев, стр. 15, 519, 520.

⁷ Н. Я. Марр. Карфаген и Рим, *fas* и *ius*. «Сообщения ГАИМК», т. II, Л., 1929, стр. 392.

⁸ Там же, стр. 392.

⁹ L. Niederle. Manuel de l'antiquité slave, т. I. Париж, 1923, стр. 173.

¹⁰ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, М.—Л., 1953, стр. 61—63.

в статье Б. Н. Гракова и А. И. Мелюковой¹, которые приходят к выводу об автохтонности местной славянской культуры Скифии.

Известно, что особая роль собаки сохраняется лишь в условиях охоты, как это типично для более северной лесной полосы Восточной Европы древнего периода (см. ниже). Племена славян, непосредственно соседствовавшие со скифами, жили земледелием и скотоводством. В этих условиях охота приобретает подчиненное значение, роль собаки также незначительна. Неясно, почему в таких условиях славяне должны были заимствовать термин *собака* у скифов. К тому же знакомство славян с собакой весьма древнее, так как в области своего древнего обитания на среднем Днепре, в лесах, они (как охотники) имели собаку и долгое время одну лишь ее. Уже с древнейших времен населению различных областей Восточной Европы было хорошо известно несколько типов собак, что, между прочим, отличает Восточную Европу от иных частей Европы (см. ниже).

Тем меньше поводов предполагать, как это делает Е. А. Богданов² на основании одной лишь мысли Шрадера и Остгофа о *собака* < мидийск. *spraka*, что «в Россию проникли когда-то из Мидии особенно хорошие собаки, превосходившие по красоте ли, по росту ли оттесненных ими „псов“». Никакими дополнительными данными Богданов это предположение не подкрепляет. Признание известных связей Скифии с Востоком³ еще ничего не может решить.

Зоолог проф. А. Браунер⁴ указывает на большую близость к южно-русской овчарке черепа греко-скифской собаки из Неаполиса, близ Симферополя, но, учитывая широкое распространение волкообразных пород собак по всей русской равнине⁵, вовсе не обязательно видеть здесь возможность заимствования у скифов собаки подобного типа.

Нидерле⁶ говорит о том, что славяне-язычники древности при погребениях вместе с умершим убивали и погребали часто его коней, собак, других животных, как и жен и невольников. Подобный обычай был не только у скифов и других восточных соседей славян, но и у скандинавских германцев. При этом нет достаточных оснований для того, чтобы указывать на заимствование. Не обязательно также искать скифское влияние в захоронении собаки с хозяином в ряде восточнославянских могильников, ибо для скифов особо типичным было захоронение коня, что отвечало характеру их культуры, как отмечает Нидерле (там же).

Для лесной полосы Восточной Европы более древнего периода исследователи восстанавливают следующую картину: «... в то время, как в Западной Европе население неолита эпохи робенгаузена (3000—2000 л. до н. э. — *О. Т.*) пользовалось в своем обиходе мелким торфяным домашним быком, в то же время в лесной полосе восточной Европы жители, повидимому, не знали еще никаких домашних животных, кроме собаки, и были типичными охотниками и рыболовами. Общеизвестные стоянки этого возраста — Ладожская (южный берег Ладожского озера), Волосовская (Муромский у., Владимирская губ.), Бологовская, Коломцовская (Новгородская губ., близ оз. Ильменя), Льяловская (Московская губ.) — изобилуют остатками рыб и диких зверей, из которых чис-

¹ Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова. Две археологические культуры в Скифии Геродота. «Советская археология», т. XVIII, 1953, стр. 120—127.

² Е. А. Богданов. Происхождение домашних животных, 1937, стр. 54.

³ П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 50.

⁴ А. Браунер. Домашние собаки Палеарктики. «Записки Одесского общества естествоиспытателей», т. 44, 1928, стр. 327.

⁵ Ср. костромская гончая. См. там же.

⁶ L. Niederle. Slovanské starožitnosti, т. I. Прага, 1912, стр. 257.

ленно преобладают: лось, кабан и бобр; из домашних же животных в стоянках этого типа попадает одна собака (Ладога, Волосово)»¹. Об охотничьем быте при наличии собаки у населения в древнюю эпоху говорят В. А. Городцов², С. Н. Боголюбский³ и другие. К палеолиту, повидимому, восходит появление собаки на востоке древнейшей области обитания славян⁴. Специалисты-зоологи давно пришли к выводу об автохтонности русских собак, среди них — наиболее древних охотничьих пород⁵. Для многих собак устанавливается близость к местному русскому волку⁶. Авторы в основном согласны относительно преимущественно охотничьего использования собак в этих районах в неолите. Предположение о собаке как ездовом животном высказывалось только для окраинных северных районов⁶.

Археологи говорят о большом типовом разнообразии собак, свойственном именно для Восточной Европы, где насчитывалось четыре типа собак эпохи неолита. Западная Европа к этому времени имеет лишь один основной тип⁷. В. А. Городцов прямо указывает на то, что один крупный тип собаки (*Canis f. matris optimaе*), прослеживаемый в русском неолите (Бологовская стоянка) и затем в Швейцарии в бронзовую эпоху, появился там «с русского Востока»⁸.

С древнейших времен среди животных, бывших предметом охоты населения равнин Центральной и Восточной Европы, видное место занимают олени (Cervidae). В палеолите и на грани неолита из них всюду преобладает северный олень⁹. Сюда относится стоянка в Пржедмости (Чехословакия) с северным оленем и дикой собакой¹⁰. Но уже к седьмому тысячелетию до н. э. северный олень исчезает в южной Балтике¹¹. На протяжении неолита охотились и на других оленьих, в частности на благородного оленя. О его остатках в позднем неолите Польши (наряду с остатками других зверей, собаки и прочих домашних животных) говорит Костшевский¹². Но уже ко второму тысячелетию до н. э. население территории Польши приобретает преимущественно земледельческо-скотоводческий характер при подчиненном значении охоты¹³. Восточная часть славянства к этому времени знает, повидимому, лесную охоту (преиму-

¹ В. И. Громова. Тур и древнейшая история домашнего быка в СССР. «Природа», 1930, № 7—8, стр. 767—768.

² В. А. Городцов. Панфиловская палеометаллическая стоянка. «Труды Владимирского Гос. обл. музея», вып. II, 1926, стр. 14, 15, 19.

³ С. Н. Боголюбский. О путях к овладению эволюцией домашних животных. В сб. «Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных». Изд-во АН СССР, 1940, стр. 14, 22.

⁴ В. Громоу. Фауна Бердыскай палеолітичної стоянки. «Праці археологічної комісії». Минск, 1930, стр. 26.

⁵ Th. Noack. Über die Abstammung der nordrussischen Haushunde. «Zoologischer Anzeiger», т. XXXIII, 1908, стр. 254.

⁶ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 133.

⁷ В. А. Городцов. К истории приручения собаки в пределах СССР, по данным археологии. Сб. «Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных», Изд-во АН СССР, 1940, стр. 152, 153. L. Rüttimeyer. Die Fauna der Pfahlbauten der Schweiz, стр. 117.

⁸ В. А. Городцов. Указ. соч., стр. 153.

⁹ П. П. Ефименко. Указ. соч., стр. 226, 490.

¹⁰ Аналогичные свидетельства о палеолитических стоянках Польши — см. Кривошский. Paleolit. Сб. «Prehistoria Ziemi Polskiej». Краков, 1939—1948, стр. 29, 34, 36.

¹¹ П. П. Ефименко. Указ. соч., стр. 24, 25.

¹² Kostzewski. Od mezolitu do okresu wędrówek ludów. Сб. «Prehistoria Ziemi Polskiej», Краков, 1939—1948, стр. 127—128, 131—133.

¹³ Там же, стр. 131—133.

шественно), а из домашних животных — только собаку (см. выше — у В. И. Громовой). Иначе здесь обстоит дело и с промысловыми животными. Успешный к северо-востоку северный олень во время сезонных переходов регулярно возвращался, проникая вглубь восточноевропейской равнины. Подобные явления отмечались и для недавнего исторического времени¹. В древности они были еще чаще. Так, О. Шрадер² приводит сообщение Псевдо-Аристотеля о появившемся в скифских землях к северу от Черного моря северном олене (*τάρανδος* — *Rangifer tarandus*). Это говорит о том, что древние охотники Восточной Европы должны были хорошо знать северного оленя. Об этом говорят и данные археологии³.

При осваивании восточной частью славян редко населенных районов на востоке Европы охота продолжает сохранять известное, местами даже большое значение вплоть до раннеисторического времени. Так, для городищ VIII—X вв. в верховьях Дона П. Н. Третьяков отмечает даже превышение числа костей диких животных (среди них лось, олень) над костями домашних⁴. Помимо северного оленя, исследователи отмечают присутствие среди промысловых животных Восточной Европы других оленьих — благородного оленя, лося⁵.

Охота на крупных промысловых животных (северный олень, благородный олень, лось) с древнейших времен связана с использованием домашней, охотничьей собаки⁶, что отмечается археологией и историей материальной культуры для разных мест; ср. рисунок резной печати среднеминойского периода с Крита (2100—1580 гг. до н. э.) — собака в прыжке на несущегося оленя⁷. В той же книге⁸ сообщается о керамическом изображении собаки рядом с оленем, козой и козлом времен трипольской культуры (Винницкая обл.), а также о ряде изображений типично охотничьей, несущейся собаки на трипольской керамике. Зоологи говорят о существовании до последнего времени в различных областях Европы специальных оленьих собак, собак для охоты на лося⁹.

После всего сказанного выше вернемся к слову *собака*. Близким к нему в пределах славянской семьи языков является, вероятно, чешское

¹ П. П. Ефименко. Указ. соч., стр. 226, 490.

² O. Schraeder. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde. Страсбург, 1901, стр. 373.

³ О. Н. Бадер. Фатьяновские могильники Северного Поволжья. «Материалы и исследования по археологии СССР», 1950, № 13, стр. 87; П. Н. Третьяков. К истории племен верхнего Поволжья в 1 тысячелетии н. э. Некоторые данные об истории верхнего Поволжья до 1 тысячелетия н. э. «Материалы и исследования по археологии СССР», 1941, № 5, стр. 22, 48—49. Отмечается наличие земледелия и скотоводства, оттесняющих охоту.

⁴ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, 1953, стр. 271.

⁵ См. статьи М. Н. Серебrenниковой и Е. Г. Андреевой в сб. «Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных», Изд-во АН СССР, 1940.

⁶ Интересно коснуться в связи с этим судьбы глаголов «охотиться» в ряде индоевропейских языков. Они обнаруживают большое разнообразие, которое (насколько явствует из этимологической прозрачности большинства их) — позднего происхождения: русск. *охотиться*, укр. — *полювати*, польск. *polować*, нем. — *jagen*, в сущности «гнать», то же франц. *chasser*. Общего индоевропейского термина для древнейшего промысла как будто нет. Какое же из имеющихся названий охоты можно признать наиболее древним? Таким представляется английское (to) *hunt*, близкое к *hound*, *Hund* (и-е. *kuon*). Если это справедливо, перед нами древний термин, отражающий применение охотничьей собаки: герм. **hunda* > *hinþan* (*hunt*). З. (Фейст. Указ. соч., стр. 276—277), отвергая *hinþan* > *hunda*, не говорит о возможности обратного.

⁷ Б. Л. Богоевский. Орудия производства и домашние животные Триполья, Л., 1937, стр. 184.

⁸ Там же, стр. 189.

⁹ В терминологии Л. Рейнга рд та. *Kulturgesch. d. Nutztiere*, 21—22 и Т. Ноака, *Zool. Anz.* XXXIII—*Hirschhund*, *Elchhund*.

sob «северный олень». В свете приводившихся выше данных связь между ними с различных точек зрения представляется возможной. Смысловое отношение в принципе то же, что в *Hirsch—Hirschhund*, *Elch—Elchhund*, ср. русское *волк — волкодав*, т. е. *собака*, таким образом, приобретает значение «собака для охоты на (северного) оленя» (*соб-ака*)¹. Конечно, слово *собака* стоит у исторических славян несколько изолированно, но ведь еще более изолировано чешск. *sob*, которое, однако, как будто не заподозрили в заимствовании. Этимология последнего, которую находим у И. Голуба и Фр. Копечного, очень немногосложна: «только чешское, древнее, неясное»². Очевидно, перед нами действительно древнее, непроемное слово, чем и объясняется его этимологическая неделимость.

Важно отметить, что в ряде европейских языков имеются названия северного оленя, повидимому, позднейшего происхождения, ср. отчетливо сознаваемые сложения нем. *Renn-tier*, англ. *rein-deer* и тем более поздние названия описательного характера вроде русск. *северный олень*. Перечисленные названия вряд ли можно считать древними.

После ухода северного оленя из Центральной Европы местные жители-охотники попрежнему хорошо знакомы с оленями (благородный олень, лось), что было особенно характерно для равнин Восточной Европы вплоть до исторического времени (см. выше). Может быть, именно это обстоятельство явилось условием сохранения древнего местного названия первоначально охотничьей собаки у восточных славян. Отступление северного оленя, почти полное забвение древнего **sobъ*, кроме единичного в чешском языке, привели к обобщению слав. **jelenъ* в роли общего названия для оленя. Эти факты, а также резкое сокращение числа оленей на территории славян могли послужить для ряда славянских племен условием забвения древнего **sobaka*. Восточные славяне, сохранившие это слово, со временем также перестали сознавать его связь с **sobъ*.

Вполне очевидно, что ближайше родственно слову *собака* и слав. *соболь*. Обозначение северного промыслового зверька по названию собаки — явление возможное, тем более что при этом существенную роль могло сыграть внешнее сходство соболя с собакой. Прекрасную аналогию отношениям *собака — соболь* находим в паре: *пес — песец*. Вторичность названий *соб-оль*, *пес-ец*, образованных по названиям известных ранее животных, иллюстрирует продвижение славян к северу и знакомство с его фауной. Морфологический характер сближаемых слов (*соб-ака*, *соб-оль*) объясняется, очевидно, реальной некогда членимостью слова *соб-ака*, утраченной впоследствии. Ср. также немногочисленные примеры сочетания *соб* — с иными суффиксами: русск. диал. *соб-арник*, *соб-арничать*, «буян — буйнить»³; *собарно (сабарно)* — свора собак, собаки. . . *Собарня (сабарня)* — то же⁴; топонимические названия типа *Сабанеевка* < *Соб-анеевка*.

Словинцы и кашубы также сохранили слово *sobaka*, как указывалось выше, причем у них (как, впрочем, очевидно и у поляков) это не русизм, а одно из последних длительной культурно-исторической замкнутости кашубской группы лужицкой культуры. Польский археолог Костневский

¹ По образованию ср. рязанск. *ражѧка* «уроженка»: Мать ражѧка из Киду-сова». Цит. по А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров, 1953, стр. 162.

² I. H o l u b, F. K o p e ч н ѳ . Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952, стр. 344.

³ В. И. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка, 4-е изд., т. IV, 332.

⁴ А. В. М и р т о в. Донской словарь, 1929, стр. 302.

рассказывает об этой изоляции местной археологической культуры¹, видя в ее носителях автохтонов-славян. Это обособление, которое он датирует 900—700 гг. до н. э., говорит о том, что местные славяне были слишком далеки от какого-либо соприкосновения с иранцами-скифами, с VIII в. до н. э. обосновавшимися в юго-восточной Европе. Вполне возможно, что сохраненное приморскими славянами слово *sobaka* — древний реликт, отсутствующий у большинства западных славян². Вряд ли это заимствование из польского, не говоря уже о русском.

Перечисленные наблюдения сводятся к такому итогу: происхождение слова *собака* < **sobъ* представляется более вероятным, чем принимавшееся ранее: *собака* < иранск. *spraka*.

В общем получаем довольно сложную картину соотношений славянских названий для собаки.

Индоевропейское **kuon* в общем значении забыто. На его остатки указывают либо в *suka*, либо в *štenę*. Наличие нескольких пород или разновидностей собак с первоначально узкими названиями привело, повидимому, к известной борьбе названий за роль общего термина для собаки. Из узких терминов развились в общие названия для собаки такие слова, как *ръсъ* (ср. в западославянских языках), *собака* (в восточнославянских языках). О *ръсъ* — см. Г. А. Ильинский³. О слове *собака* — см. выше⁴.

Кстати, в статье В. М. Жирмунского («Вопросы языкознания», 1954, № 4, стр. 19) упоминается немецкое диалектное название *суки*, засвидетельствованное в вариантах — нижненем. *tēf* и верхненем. *zaub* (со ссылкой: «Kulturströmungen. . .», карты 65, 55 — Th. Frings. Sprache, Бонн, 1926).

Эти диалектные *tēf* и *zaub* очень любопытны. Фонетически они могут быть с точностью возведены к *sob-(ака)*, заимствованному немецкими диалектами у ближайших славянских племен, возможно — у вымерших полабян, в достаточной отдаленном прошлом. Непосредственно к слав. *sob* примыкает в фонетическом отношении верхненем. *zaub* (ср. передачу слав. *s* в *Zobel*, *Zauck*, а также в упомянутой в примечании 2 старонемецкой кличке охотничьей собаки *Zoba*. Среди прочих германских названий собаки эти слова стоят как будто обособленно, что также говорит об их заимствовании.

Таким образом, в этих фактах немецкой диалектологии находит новое подтверждение мысль об исконно славянском характере слова *собака*, имевшем, повидимому, в древности гораздо большее распространение в славянских языках.

¹ I. Kostrzewski. Prehistoria Ziemi Polskich. Краков, 1939—1948, стр. 276—278.

² Любопытную деталь находим у Л. Рейнгардта. L. Reinhardt. Kulturgeschichte der Nutztiere. Мюнхен, 1912, стр. 547. Автор говорит об охотничьих собаках в Германии при Карле Великом: «Die Hunde hatten schon damals eigene Namen, mit denen man sie rief. So spricht Hrabanus Maurus von einem Hunde Fax, und anderswo ist von einer Hündin Zoba die Rede». Последнее очень интересно. *Zoba* вполне может передавать *soba-(ka)* при устном заимствовании, ср. нем. *Zobel*, общепризнано < слав. *sobol*. При тесных связях полабян с германцами это было возможно. Ср. также местные нем. *Zauck*, *Zauck* < слав. *suka*.

³ РФВ, т. LXIX, Варшава, 1913, и др.

⁴ Аналогию, при учете крупных различий, видим в английском, где местное *dog* (первоначально, вероятно, узкое, специальное название) вытеснило с течением времени в функции общего названия для собаки слово *hound* (< и.-е. *kuon*), которое теперь значит «охотничья собака, гончая».

**ДОКЛАД АКАДЕМИКА В. И. ГЕОРГИЕВА НА ТЕМУ
«БОЛГАРСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ НА НОВОМ ПУТИ»**

29 сентября 1954 г. в Институте славяноведения АН СССР состоялось заседание сектора языкознания, на котором выступил с докладом академик В. И. Георгиев, приехавший с делегацией болгарских ученых в Советский Союз по приглашению Президиума Академии наук СССР.

Заседание открыл заведующий сектором проф. С. Б. Бернштейн. Представляя академика В. И. Георгиева собравшимся, он сказал: «В. И. Георгиев является крупным специалистом в Болгарии в области древних языков Балканского полуострова. Его работы, посвященные изучению этих языков, получили международное признание и широко известны в Советском Союзе. В. И. Георгиев возглавляет всю работу в области языкознания в Болгарии. С 1950 г. В. И. Георгиев является директором Института болгарского языка Болгарской Академии наук. Профессор В. И. Георгиев также — ректор Софийского университета, в котором он вместе с тем заведует кафедрой общего и сравнительного языкознания. Он приехал в Советский Союз, чтобы познакомиться с постановкой научно-исследовательской работы в области языкознания в Советском Союзе». В заключение проф. С. Б. Бернштейн от имени сотрудников Института славяноведения АН СССР приветствовал академика В. И. Георгиева и пожелал ему успехов в его работе.

Затем слово для доклада было предоставлено проф. В. И. Георгиеву. Доклад В. И. Георгиева состоял из пяти разделов. В первых четырех он характеризовал развитие болгарского языкознания за последние 30 лет.

Он указал, что некогда болгарское языкознание развивалось под благотворным влиянием русского языкознания. Но немецкая кобургская династия с помощью верной ей монархо-фашистской клики в течение многих лет прилагала все усилия для полного отграничения Болгарии от страны социализма. Этот период отрицательно отразился на болгарском языкознании: некоторые молодые языковеды подпали под влияние различных западноевропейских буржуазных школ. Исследования представителей старшего поколения языковедов ограничивались в это время почти исключительно накоплением и систематизацией фактов.

Девятое сентября 1944 года — дата освобождения болгарского народа от фашистского ига — расчистило для Болгарии пути к советской науке.

Первой неотложной задачей, вставшей перед болгарскими языковедами непосредственно после девятого сентября 1944 года, была реформа орфографии. В сравнительно короткий срок комиссия из языковедов, писателей и представителей Министерства народного просвещения, созданная в конце 1944 г. для разработки новой орфографии, успешно справилась со своей задачей. Уже в начале 1945 г. новая орфография была узаконена и утверждена. Первоначально она была изложена в кратком

руководстве «Упътване за правописа на българския книжовен език». В конце 1945 г. вышло и официальное издание «Правописен речник на българския книжовен език». Позднее появилось еще несколько орфографических словарей: «Правописен и правоговорен нарѣчник», составленный группой болгарских языковедов (1945 г.), «Правописен речник» акад. Ст. Романского (1951 г.). В ближайшее время выйдет из печати большой орфографический словарь, составленный в Институте болгарского языка Болгарской Академии наук.

Перед болгарскими учеными возникла и другая сложная задача — овладение марксистско-ленинской теорией. Большинство передовых языковедов Болгарии отождествило ее в области языкознания с «учением» Марра. Впервые вопрос об этом «учении» встал перед болгарскими учеными в 1945 г. в связи с опубликованием первого тома «Истории Болгарии» акад. Н. С. Державина, значительная часть которого посвящена проблемам генезиса болгарского народа и болгарского языка.

В 1946 г. начал издаваться научно-популярный журнал «Език и литература», который стал главным органом популяризации марксизма.

Однако попытки внедрить «учение» Марра в работу оставались бесплодными. За период с 1944 по 1950 г. вышел ряд работ, посвященных болгарскому языку. Это «Основна българска граматика» Л. Андрейчина (1944 г.) и его же исследование «Език и стил на Л. Каравелова»¹, работа проф. К. Мирчева «Употреба на възвратното притежателно местоимение *свои* в старобългарски и новобългарски»², труд акад. А. Т. Балана «Състояние на българската граматика» (1947 г.), исследование проф. Ст. Стойкова «Ятовият въпрос в новобългарския книжовен език»³.

Эти исследования представляют собой несомненный вклад в дело изучения болгарского языка, но они написаны в традиционном духе накопления и систематизации фактов.

Однако старые методы работы уже не могли удовлетворить и вполне обоснованно подвергались критике. Вместе с тем идеологическая подготовка болгарских языковедов была еще недостаточной, чтобы вывести болгарское языкознание из тупика. Переломным моментом для болгарского языкознания, так же как и для советского, явилась знаменитая языковедческая дискуссия в СССР, в которой принял участие И. В. Сталин.

Особо важное значение для переустройства болгарского языковедения имели две научные сессии: филологического факультета Софийского университета и Болгарской Академии наук, состоявшиеся в конце 1950 г., в которых участвовали философы, языковеды, историки, литераторы, археологи и этнографы. На этих сессиях были вскрыты методологические недостатки болгарского языкознания и расчищены пути для внедрения марксизма в языкознание.

Сессия Академии наук определила круг проблем болгарского языкознания и наметила программу будущей работы болгарских языковедов.

Развернувшаяся дискуссия нашла широкое отражение в печати: в газетах, журналах и специально выпущенных сборниках⁴.

¹ См. «Годишник на Софийския университет», ист.-фил. факултет, т. XLVI, кн. 4, 1949—1950, стр. 1—140.

² Там же, т. XLVII, 1945—1946, стр. 1—59.

³ Там же, т. XLIV, кн. 4, 1948, стр. 1—145.

⁴ См. сборник филологического фак-та Софийского ун-та «Проблемите на българското езикознание в светлината на сталинското учение за езика», 1951; сборник Института болгарского языка АН «Въпроси на езикознанието в сталинско осветление», 1951—1952.

Большую роль в идеологической перестройке работы болгарских языковедов сыграли советский языковедческий журнал «Вопросы языкознания» и такие труды советских ученых, как «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», «Вопросы синтаксиса современного русского языка», «Вопросы теории и истории языка», «Современный русский язык», которые дали новый толчок тематике болгарского языкознания.

Идеологическая перестройка болгарского языкознания сопровождалась организационной перестройкой языковедческих учреждений Болгарии: Института болгарского языка Болгарской Академии наук и филологического факультета Софийского университета.

Коренной переработке подверглись учебные планы по языковедческим дисциплинам, пересмотрено содержание преподавания этих дисциплин. Научные сессии последних двух лет показали, что преподаватели языковедческих дисциплин с успехом стремятся внедрить марксистскую идеологию как в свое преподавание, так и в свои научные труды. Среди опубликованных трудов филологического факультета проф. В. И. Георгиев отметил работы Л. Ванкова «Характер и развитие на високия стил във френската литература от XVII—XVIII вв.»¹ и Л. Илиевой «Методика преподавания иностранных языков»².

Образцом для переустройства Института болгарского языка Академии наук послужила проведенная Академией наук СССР в 1950—1951 гг. реорганизация языковедческого Института в Москве.

В Институте болгарского языка были организованы следующие 7 секций: секция современного болгарского языка, секция истории болгарского языка, секция болгарского словаря, секция диалектологии и лингвистического атласа, секция славянского языкознания, секция балканского языкознания и секция общего языкознания.

Новая структура Института отвечает задачам, стоящим перед болгарскими языковедами. На первом месте стоят проблемы современного болгарского языка и его истории.

Коллектив языковедов под руководством члена-корреспондента Л. Андрейчина готовит к печати в 1955 г. нормативную грамматику болгарского языка. Одновременно Л. Андрейчин работает над новым изданием своей грамматики болгарского языка, которая будет напечатана в этом же году. Недавно вышел первый выпуск труда акад. А. Т. Балана «Нова българска граматика», печатается «Фонетика на българския език» проф. Ст. Стойкова.

В настоящее время руководство «Съвременен български език» Л. Андрейчина, К. Попова и М. Иванова, представляющее собой сжатое и наглядное изложение проблем болгарского языка, в значительной мере восполняет пробел, имеющийся в языковедческой литературе Болгарии. Пока еще болгарские языковеды не обладают достаточным материалом для составления марксистской истории болгарского языка. Поэтому в настоящее время Институт ограничился опубликованием сборника статей под общим заглавием «История языка в связи с историей народа»³. Кроме того, член-корреспондент К. Мирчев недавно выпустил свое руководство «Историческа граматика на българския език» (1953 г.), в котором кратко и наглядно изложены проблемы исторической грамматики болгарского языка. Другой, не менее важной задачей Института, имеющей огромное значение для разворачивающегося в стране культурного строи-

¹ См. «Годишник на Софийския университет», филологически фак-т, т. XLIX, кн. 1, 1954, стр. 205—238.

² Изд. «Народна просвета», 1954.

³ См. «Известия Института за български език», т. II, 1952.

тельства, является исследование словарного состава нашего языка, составление «Полного словаря болгарского языка», «Словаря болгарского литературного языка» и ряда других словарей. В данный момент наибольшее внимание уделяется составлению двухтомного словаря болгарского языка (65 000 слов), первый выпуск которого уже вышел из печати. Другой, краткий, «Български тълковен речник» (50 печ. л.) в ближайшие месяцы выходит в свет. Исследуются диалекты в связи с предстоящей работой над лингвистическим атласом. Краткое пособие Ст. Стойкова «Българска диалектология», вышедшее недавно из печати, дает сжатый обзор вопросов болгарской диалектологии. Под его же руководством сотрудниками Института готовится сборник статей по вопросам болгарской диалектологии.

Исследование болгарской топонимии началось с издания краткого руководства для собирания топонимических и антропонимических материалов и исчерпывающей монографии Ив. Дуриданова «Местните имена от Ломско». Подобные исследования проводятся в отношении Белослатинской, Ботевградской, Софийской и Первомайской околий.

Институт приступил также к подготовке этимологического словаря болгарского языка, первый выпуск которого выйдет из печати к концу 1955 г.

Большое внимание уделяет Институт вопросу взаимодействия болгарского и русского языков. Подготавливается сборник статей, озаглавленный «Сравнительное изучение болгарского и русского языков».

Вопросом сравнительного изучения славянских языков посвящена обширная работа чл.-корр. Ив. Лекова «Из славянската лексикология»¹. В монографии акад. Д. Дечева «Характеристика на тракийския език» рассмотрены проблемы фракийского языка. Институт не остается в стороне и при разрешении различных практических задач.

Институт предпринял основательное изучение языка ведущих болгарских газет и созвал в июне 1954 г., совместно с журналистами, конференцию по вопросам языка и стиля болгарской прессы. В настоящее время готовится сборник, озаглавленный «Язык и стиль болгарских писателей». Актуальной книгой является недавно вышедший из печати труд Ст. П. Василева «Строители на родната реч».

Перед Институтом болгарского языка стоит также задача исследовать развитие и состояние болгарской орфографии и орфоэпии.

Институт консультирует по вопросам орфографии и стиля различные учреждения, редакции и издательства, для чего организован специальный сектор.

Институт поддерживает тесную связь с Министерством народного просвещения, оказывая ему помощь при составлении учебников по языкам и по методике их преподавания.

В Институте подготавливается несколько иноязычных словарей, которые будут содействовать культурному сближению с соседними народами. Был подготовлен и отпечатан первый в Болгарии большой турецко-болгарский словарь. Недавно был закончен и вскоре будет сдан в печать самый большой в настоящее время русско-болгарский словарь. В течение 1955 г. будут печататься следующие словари: румынско-болгарский, болгарско-албанский, болгарско-венгерский, венгерско-болгарский, болгарско-чешский. Сейчас идет подготовка чешско-болгарского, польско-болгарского и других словарей. Печатается греческо-болгарский словарь, а в 1955 г. будет сдан в печать и болгарско-греческий словарь.

¹ «Известия Института за български език», т. III, 1954, стр. 8—56.

В настоящее время Институт имеет два периодических издания: научный орган «Известия на Института за български език» и научно-популярный орган — журнал «Български език».

Переходя к пятому разделу своего доклада, В. И. Георгиев отметил, что, несмотря на несомненные достижения болгарских языковедов, в их работе имеется еще немало существенных недостатков. К ним он отнес отсутствие синтетических трудов и слабую работу по подготовке научных кадров.

В этом разделе акад. В. И. Георгиев изложил свои суждения и суждения других языковедов Болгарии по важнейшим вопросам болгарского языкознания.

Прежде всего он коснулся результатов дискуссии о категории падежа в современном болгарском языке, проходившей в Болгарии в 1952—1954 гг. Он указал, что болгарские языковеды раскололись на две группы: в одной находится акад. А. Т. Балан, который отстаивает законность применения термина «падежные отношения» к современному болгарскому языку, в другой — все остальные языковеды Болгарии (Л. Андрейчин, В. И. Георгиев, Д. Дечев, Ст. Стойков, Ив. Дуриданов и др.), которые отрицают наличие категории падежа в современном болгарском языке.

Далее акад. В. И. Георгиев подробно изложил основную проблему болгарского языкознания, связанную с выявлением сущности исторического развития болгарского языка, — проблему периодизации. В. И. Георгиев сказал:

«Мы можем разграничить, по крайней мере, три этапа в развитии каждого языка: племенные диалекты, язык народности и национальный язык. Несомненно, становление народности и государства и, в особенности, образование нации оказывают значительное влияние на язык. Однако тот, кто считает эти этапы основными периодами развития данного конкретного языка, впадает в ту же ошибку, которую делали Марр и его ученики при определении развития языка. При таком делении игнорируется специфика языка в его качестве особого общественного явления, игнорируются внутренние законы развития языка. Подобное деление можно провести почти во всех языках, потому что оно не принимает во внимание особенностей развития данного конкретного языка, а зиждется на развитии народности и нации. Основные периоды развития данного языка нужно определять на основании особых изменений, происходящих в данном конкретном языке. . .

Правильная периодизация истории данного конкретного языка должна исходить из следующих основных положений:

переход языка от старого качества к новому происходит путем постепенного отмирания элементов старого качества;

раскрытие специфики развития данного конкретного языка есть раскрытие основных внутренних законов, обуславливающих его развитие; язык и законы его развития находятся в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит данный язык».

«Разграничить периоды в развитии языка, — сказал далее В. И. Георгиев, — значит указать на самые характерные признаки нового периода, отличающие его от старого. . . Основная периодизация болгарского языка должна исходить из наиболее характерных особенностей, присущих болгарскому языку. . . Она не может быть построена только на одном или даже на нескольких фонетических явлениях, а должна охватить все стороны языка, самые характерные внутренние законы его развития».

«Переход от синтетизма к аналитизму, — продолжал он, — это глубокое, значительное изменение в грамматическом строе болгарского языка,

определяет ясно его периодизацию: в историческом развитии болгарского языка резко разграничиваются два качества, то есть два основных периода — древнеболгарский и новоболгарский, синтетический язык и аналитический язык. Язык XIII и XIV веков, то есть в период, определяемый как среднеболгарский, не имеет собственного особого облика, не представляет третьего качества, равноценного по значению двум другим. В XIII и XIV веках в нашем языке сохраняются характерные черты древнеболгарского языка, но наряду с ними появляются и известные элементы, присущие новоболгарскому языку. Это типичный пример процесса постепенного накопления нового качества».

«Следовательно, — заключил проф. В. И. Георгиев, — основной внутренней закон, характеризующий развитие болгарского языка, это движение от синтетического строя к аналитическому. Этот закон является самым важным внутренним законом развития нашего языка, так как он вызывает большие, существенные изменения во всем его грамматическом строе. Он затрагивает как имена, так и глаголы и даже другие грамматические категории. Вот почему результаты действия этого закона должны представлять основной критерий периодизации истории болгарского языка, а раскрытие причин действия этого закона, как и исследование хода изменений, происходящих под его воздействием, является основной проблемой болгарского языкознания».

В заключение академик В. И. Георгиев выразил благодарность Институту славяноведения за оказанное ему внимание и предоставленную возможность прочитать данный доклад.

ВТОРОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСАМ БОЛГАРСКОЙ ГРАММАТИКИ

В декабре 1953 г. в Институте славяноведения АН СССР состоялось второе совещание по вопросам болгарской грамматики. В совещании приняли участие научные сотрудники институтов славяноведения и языкознания АН СССР и преподаватели болгарского языка Московского и Ленинградского университетов и других высших учебных заведений столицы. На обсуждение были представлены четыре доклада: канд. филол. наук М. И. Матусевич «О результатах экспериментального фонетического изучения согласных в современном болгарском литературном языке»; канд. филол. наук В. В. Бородич «Простые и сложные времена в болгарском языке»; канд. филол. наук Ю. С. Маслова «Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке»; канд. филол. наук Е. В. Чешко «Словосочетания с предлогом *e* в болгарском литературном языке».

Доклад М. И. Матусевич был посвящен изложению части экспериментально-фонетического исследования болгарского литературного произношения¹. Это исследование должно явиться значительным дополнением к работам болгарских фонетистов, которые подробно изучили только софийское произношение. Между тем нельзя не считать с фактом, что в болгарском языке существуют различные типы литературного произношения, которые в некоторых случаях значительно расходятся. В работе М. И. Матусевич будет экспериментально изучено произношение дикторов, представляющих разные типы литературного болгарского произношения, в первую очередь восточноболгарские варианты (произношение представителей Търнова, Старой Загоры и других мест восточной Болгарии). Вторая задача работы — дать исследование болгарского произношения сравнительно с русским. Выступавшие отметили, что проведение такой работы с применением новейших методов экспериментальной фонетики имеет большое практическое значение, так как дает ясное представление о различии артикуляций в русском и болгарском языках, что послужит научной базой для правильной постановки произношения при преподавании болгарского языка русским и русского языка болгарам.

Выступавшие в прениях московские фонетисты — доктор филол. наук В. А. Артемов, кандидаты филол. наук А. А. Реформатский и С. С. Высотский дали высокую оценку проделанной М. И. Матусевич работы, отметив ее большое научное значение. Особенно важно, по мнению выступавших, то, что исследование носит всесторонний характер, что одни и те же явления исследуются разными методами (сочетание рентгеноскопии с палатографией, кимограммами и слуховым наблюдением). Такой комплексный подход с точки зрения разных методик представляет большой интерес и для каждой методики в отдельности и для обследования данного объекта, потому что они дополняют друг друга.

Участники совещания обменялись опытом проведения экспериментально-фонетического исследования, обсудив ряд организационных и технических вопросов (о количестве необходимых испытуемых, о технике съемки согласных и др.).

Как особая заслуга М. И. Матусевич было отмечено проведенное ею наблюдение наличия явлений апикальности и какуминальности в болгарском языке. Многие выступавшие обратили внимание на то, что недостаточно исследован звук *j*.

Было внесено предложение расширить методику наблюдений за счет электроакустики.

На совещании была обсуждена работа В. В. Бородич «Значение простых и сложных времен в болгарском языке».

В прениях по докладу В. В. Бородич выступили ст. научный сотрудник Института языкознания Н. С. Поспелов, сотрудники Института славяноведения кандидаты филол. наук И. К. Бунина, Е. В. Чешко, Э. А. Якубинская, преподаватели болгарского языка тт. Н. В. Котова, Т. П. Рыбальченко, Е. А. Захаревич, Г. В. Казачкова, И. Е. Шейн и другие.

¹ См. стр. 5—18 настоящего выпуска.

Выступавшие отметили, что в работе В. В. Бородич собран большой и интересный материал, показано многообразие случаев употребления различных глагольных времен. Автор наметил такое понимание структуры форм времени в болгарском языке, какое вообще не предлагалось кем-либо ранее.

Однако выводы автора и метод интерпретации материала встретили серьезные возражения со стороны участников совещания.

Центральной проблемой работы является вопрос о разграничении значений простых (аорист, имперфект) и сложных (перфект, плюсквамперфект) времен в современном болгарском литературном языке, а также вопрос о разграничении значений перфекта и плюсквамперфекта. Менее обстоятельно в работе рассматривается вопрос о соотношении сложных времен с формами пересказывания.

В начале работы дается критика традиционного деления болгарских глагольных времен на определенные и неопределенные, полемика с Ю. Трифоновым¹ и Б. Цоневым², которые считают, что сложные времена, в частности перфект, выражают неопределенность во времени совершения действия. Автор соглашается с Л. Андрейчиным, возражающим против такого понимания перфекта³, и считает более правильным определение перфекта, данное самим Андрейчиным: «Прошедшее неопределенное время выражает действие как готовый факт, совершенный в прошедшем, но актуальный и в момент высказывания, в отличие от прошедшего совершенного времени, выражающего действие как процесс в прошедшем, без связи его с настоящим»⁴.

Вслед за Л. Андрейчиным В. В. Бородич предостерегает против отождествления понятий актуальности и результативности. Значение результативности — это видовое значение основы, а не значение формы времени, поэтому оно может проявляться не только в формах перфекта, но и в формах аориста, образованных от соответствующих глагольных основ, например: *Гроздан дойде до прозореца и погледна навън: отначало нищо не се виждаше. След туй отляво и отдясно се белна снегът, а по средата се чернееше върбите* (Иовков, Жетвари) (Гроздан подошел к окну и посмотрел на двор. Сначала ничего не было видно. Потом слева и справа забелел снег, а по середине чернели вербы). Аорист «белна» означает здесь состояние в результате действия. *Покрай пътеката и нататък са се зелнале зимниците, като едно море* (Трифонов, стр. 174), т. е. зазеленели озимые и продолжают зеленеть.

Под «актуальностью действия, выраженного перфектом, — говорится в докладе, — нужно понимать логическую связь действия с настоящим говорящего лица»⁵.

Выступавшие в прениях согласились с пониманием «актуальности, выражаемой перфектом, как логической связи с настоящим. Однако в интерпретации понятия «логическая связь с настоящим» между докладчиком и выступавшими обнаружили разногласия.

В. В. Бородич следующим образом раскрывает содержание понятия «логической связи с настоящим»: «Говорящее лицо каким-то образом заинтересовано в этом действии, для него не важно, как совершалось данное действие, важен только самый факт его совершения, поэтому формой перфекта всегда вносится некоторый субъективный момент, всегда ощущается личное отношение говорящего к данному действию». Далее автор делает следующее заключение: «Таким образом, основное противопоставление аориста перфекту выражается не в том, что при аористе действие совершается в определенный момент времени, а при перфекте в неопределенный, а в том, что при аористе действие как бы проходит перед глазами говорящего, т. е. предполагается, что данное действие наблюдается говорящим лицом, а при перфекте — действие дается как факт, т. е. оно не может быть наблюдаемым (хотя это действие и могло быть совершено на глазах у говорящего или даже совершено им самим, но это для него не имеет значения, для него важен только факт совершения действия, факт, в котором он заинтересован, он как бы не наблюдает данного действия»⁶.

Итак, актуальность — это заинтересованность говорящего в самом факте совершения действия (в этом субъективность перфекта). Важно, что действие совершилось, но не важно, как и когда оно совершалось, — в этом суть противопоставления перфекта и аориста как факта и процесса. Действие, представленное как процесс, может

¹ Ю. Т р и ф о н о в. Синтактични бележки за съединението на минало действително причастие с глагола съм в новобългарския език. Периодично списание, т. 66, София, 1905.

² Б. Ц о н е в. История на български език, т. 3, София, 1937, стр. 94.

³ Л. А н д р е й ч и н. Основна българска граматика. София, 1944, стр. 240.

⁴ Там же, стр. 238. Русский перевод В. В. Б о р о д и ч. Грамматика болгарского языка. М., 1949, стр. 174.

⁵ Стенограмма доклада В. В. Б о р о д и ч «Значение простых и сложных времен в болгарском литературном языке», прочитанного на совещании по болгарской грамматике 7/XII—54 г. (вечернее заседание).

⁶ Там же.

проходить перед глазами говорящего, т. е. может быть наблюдаемым; представленное как факт, наблюдаемым быть не может. Это не имеет никакого отношения к тому, было ли данное действие наблюдаемым в действительности. Так понимается автором наблюдаемость и ненаблюдаемость.

С точки зрения такого понимания наблюдаемости и ненаблюдаемости В. В. Бородич критикует непосредственность Л. Андрейчина, который к ненаблюдаемым относит только «времена пересказывания», а перфект и плюсквамперфект относит к категории наблюдаемых, что, по мнению В. В. Бородич, противоречит положению самого Андрейчина, считающего, что перфектом обозначается действие как факт, а не как процесс. «Это противоречие легко можно устранить, если отнести перфект к группе времен, выражающих ненаблюдаемое действие, понимая под наблюдаемостью изображение действия, которое как бы протекает на наших глазах, а под ненаблюдаемостью — констатацию действия, как факта»¹.

Анализируя значение форм плюсквамперфекта, В. В. Бородич критикует широко распространенное в болгарской грамматике мнение о том, что плюсквамперфект является временем предшества, означает предпрошедшее действие.

Возражая против такого определения, В. В. Бородич показывает: 1) действие, предшествующее другому действию, может быть выражено не только формой плюсквамперфекта, но и формами аориста и имперфекта. Следовательно, значение предпрошедшего действия не может рассматриваться как специфическое значение плюсквамперфекта; 2) плюсквамперфект, действительно, довольно часто означает действие, бывшее ранее другого действия, но значение предшества — это не единственное значение плюсквамперфекта. Нередко плюсквамперфект употребляется для действий, бывших после других действий, выраженных аористом или имперфектом. Например: *Преди младият учител да беше се изпречил на пътя ѝ, преди нейното чисто сърце да беше се смутило, Станка винаги си тананикаше песнички и се смееше високо и къртино.* (Караславов, Обикновени хора) (До того, как молодой учитель встал на ее пути и ее чисто сердце было смущено, Станка всегда напевала песенки и громко и звучно смеялась) — имперфект выражает действие, совершившееся ранее действия, выраженного плюсквамперфектом.

А откак почина да го избират за кмет беше се и пропила (Елин Пелин, Летен ден) (а с тех пор, как начали его выбирать старостой, он спился). Аористом здесь выражается действие, бывшее ранее действия, выраженных плюсквамперфектом; 3) плюсквамперфект может выражать действия, одновременные с другими действиями. Например: *Дружбата с Минча го измени, пък беше прочел и една книжка за жената* (Караславов, Татул) (Дружба с Минчо его изменила, да он прочел еще книжку о женщине). Отсюда В. В. Бородич делает заключение: «Дело не в том, какое действие выражает плюсквамперфект, предшествующее, последующее или одновременное с другим, а в том, что это действие представляется как факт, а не как процесс. В этом отношении плюсквамперфект полностью совпадает по значению с перфектом. Перфект и плюсквамперфект противопоставляются аористу и имперфекту, представляющим действие, как процесс»².

Формы плюсквамперфекта могут употребляться для передачи ненаблюдаемого действия, о котором мы узнаем с чужих слов.

«Такое употребление плюсквамперфекта было бы необъяснимо, если считать плюсквамперфект «определенным» временем по Цоневу или временем предшества по Андрейчину. Но вполне объясняется тем, что плюсквамперфект, как и перфект, может употребляться для передачи ненаблюдаемых действий. . . Плюсквамперфект передает чужие слова более объективно, как бы в интерпретации автора, при передаче перфектом чужая речь передается близко к прямой»³.

В отличие от перфекта плюсквамперфект не имеет связи с настоящим. А так как «связь с настоящим следует понимать, как личную заинтересованность говорящего лица данным действием»⁴, отсутствие связи с настоящим у плюсквамперфекта обуславливает большую объективность данной формы времени по сравнению с перфектом.

Итак, основное противопоставление сложных и простых времен — это противопоставление факта процессу, следовательно ненаблюдаемости и наблюдаемости. В этом перфект и плюсквамперфект едины. Значение актуальности для настоящего свойственно только перфекту, в связи с чем плюсквамперфект является действием более объективным, чем перфект.

Результаты своих наблюдений В. В. Бородич проверяет путем анализа употребления сложных и простых времен в двух переводах одного и того же русского текста на болгарский язык. Показав, что разные переводчики употребляют разные формы

¹ Стенограмма доклада В. В. Бородич «Значение простых и сложных времен. . .».

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

для перевода одного и того же русского текста, что нет таких случаев употребления перфекта и плюсквамперфекта, в которых невозможна была бы форма аориста или имперфекта, что те и другие формы возможны при передаче: единичного конкретного действия, многократного действия, состояния в результате бывшего действия, в отрицательных, вопросительных, восклицательных предложениях, в условном предложении и даже для выражения ненаблюдаемых и предполагаемых действий, действий, полузабытых говорящим, автор делает вывод, что «простые и сложные прошедшие времена различаются между собой не по употреблению и значению, а только по отношению говорящего лица к данному действию, по тому, как говорящее лицо представляет действие, как процесс или как факт, в котором оно заинтересовано», а следовательно: «нельзя установить твердых правил употребления той или другой формы, можно лишь говорить о предпочтительном употреблении в том или ином случае перфекта или аориста (плюсквамперфекта или имперфекта). Все зависит от точки зрения автора на глагольное действие и от стиля повествования»¹.

Поскольку основным значением форм перфекта и плюсквамперфекта является обозначение действия как факта, а следовательно представление его в качестве ненаблюдаемого действия, постольку и времена пересказывания являются, по мнению автора, «только частным случаем употребления сложных прошедших времен. Это дальнейшее их развитие — использование для передачи ненаблюдаемого действия, о котором узнают с чужих слов»².

Уточняя свою позицию в определении различия в значении простых и сложных времен, В. В. Бородич сформулировала следующее положение: «Аорист и имперфект — это времена объективные, повествовательные, которые никак не отражают отношения говорящего к ним, а перфект и плюсквамперфект можно назвать, пожалуй, субъективными временами, поскольку они отражают то, как относится говорящее лицо к этим действиям»³.

Таким образом, перфект и плюсквамперфект и пересказывательные времена имеют как будто две общие черты: 1) выражают ненаблюдаемые действия и 2) являются так называемыми субъективными временами, так как отражают отношение говорящего к данным действиям, т. е. имеют известный модальный оттенок. На основании этого В. В. Бородич возражает против разрыва этих форм, отнесения одних (сложных прошедших) к изъявительному, а других (времен пересказывания) к сослагательному наклонению и приводит материал, показывающий, что и по морфологическим признакам эти формы четко не различаются.

Основные положения доклада В. В. Бородич вызвали серьезную критику со стороны выступавших в прениях участников совещания.

Многие выступавшие справедливо отмечали, что в многообразии значений перфекта, открываемых автором, недостаточно четко выделено главное. По мнению Н. С. Поспелова, которое было поддержано и развито другими выступавшими, центральным для перфекта является логическая связь с настоящим, а характеристику «констатации факта», которую докладчик склонен рассматривать как основное значение, отличающее простые времена от сложных, следует отвести, так как в перфекте представлена не просто констатация факта, но данный факт всегда берется в логической связи с настоящим.

Характеристика плюсквамперфекта недостаточно полная: он противопоставлен перфекту только негативно — тем, что он не имеет связи с настоящим. Между тем и в плюсквамперфекте не просто констатируется факт, а берется в логической связи с последующим моментом, хотя и моментом прошлого. Общее в значении форм перфекта и плюсквамперфекта состоит не просто в констатации факта, а в актуальности для какого-то последующего момента времени, сопряженности, связи с последующим моментом времени.

Докладчик в своем ответном выступлении согласился с тем, что актуальность следует считать основным значением форм сложных прошедших времен и что плюсквамперфект всегда имеет связь с каким-то последующим моментом прошлого.

Не получило поддержки со стороны выступавших слишком расширенное толкование докладчиком понятия актуальности как личной заинтересованности говорящего в факте совершения данного действия⁴. В силу такого толкования понятие актуальности (личной заинтересованности) оказывалось неприменимым к характеристике форм плюсквамперфекта, поскольку действия, выраженные этими формами, оказывались не связанными с настоящим моментом. Отсюда положение об объектив-

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ отождествление понятия актуальности с понятием личной заинтересованности позволяет докладчику под значение актуальности подвести и употребление форм перфекта для передачи чужой речи, когда говорящий подчеркивает, что это не его слова.

ности форм перфекта. Таким образом, понятие актуальности оказывалось у докладчика понятием разграничивающим, а не объединяющим формы перфекта и плюсквамперфекта.

Была подвергнута критике трактовка в докладе термина ненаблюдаемости (Э. А. Якубинская, Н. С. Поспелов, Н. В. Котова и др.), так как это понимание приводит к смешению совершенно разнородных явлений. У В. В. Бородич имеется два типа ненаблюдаемости: реальная, когда говорящий повествует о действиях, которые он на самом деле не видел, и примысливаемая, когда речь идет о действиях, которые говорящий сам совершал, но они представлены как бы ненаблюдаемыми, причем эта «мнимая ненаблюдаемость» доказывается чисто умозрительно: если действие представлено как факт, а не как процесс, значит оно не может быть наблюдаемым.

Принятие этого положения разрешает, по мнению докладчика, все противоречия, так как позволяет отнести перфект и плюсквамперфект вместе с формами пересказывания к группе времен, выражающих ненаблюдаемые действия.

В действительности такое объединение неправомерно, так как различие ненаблюдаемых и как бы ненаблюдаемых действий есть различие, отражающее существо вопроса. Формы пересказывания употребляются в случаях, когда о действии говорится с чужих слов и, употребляя эту форму, говорящий как бы отстраняется от ответственности за истинность того, о чем он говорит. В этом суть пересказывания. С помощью употребления той или иной формы пересказа говорящий может выразить разную степень своего доверия к передаваемому. Форма перфекта, употребленная для передачи действия, совершенного самим говорящим, ни в коей степени не выражает сомнения, неуверенности в истинности излагаемого. И то, что мы назовем это действие как бы ненаблюдаемым, не изменит сути дела, не сделает излагаемый факт менее достоверным.

Выступавшие в прениях И. К. Бунина, Н. В. Котова, Г. Казачкова и др. не согласились с положением В. В. Бородич о том, что плюсквамперфект нельзя считать временен предшествия. Было отмечено, что контексты, приводимые В. В. Бородич, недостаточны, что если формами плюсквамперфекта и могут обозначаться действия, которые происходили позднее каких-то других прошедших действий, то суть дела в том, что поскольку форма плюсквамперфекта употреблена, обязательно должно быть какое-то другое (или другие) прошедшее действие, в отношении которого данное действие, выраженное плюсквамперфектом, будет предпрошедшим, так как основное значение этой формы — выражать действия, сопряженные с какими-то последующими действиями, относящимися к прошлому. По мнению И. К. Буниной, основная ошибка В. В. Бородич в рассмотрении форм плюсквамперфекта заключается в том, что, рассматривая значение отдельных времен, она игнорирует систему времен в целом, игнорирует, в частности, систему отсчета времени, существующую в болгарском языке.

В отличие от В. В. Бородич, И. К. Бунина, вслед за Андрейчиным, считает, что болгарская система времен строится на двойной системе отсчета — абсолютной и относительной. Относительная система отсчета определяет момент совершения действия не по отношению к моменту речи, а по отношению к моменту, о котором идет речь. Плюсквамперфект обозначает предпрошедшие действия, актуальные для того момента прошлого, о котором идет речь. Предпрошедшие, не актуальные для момента, о котором идет речь, выражаются формами имперфекта или аориста.

Таким образом, хотя определение плюсквамперфекта как времени предпрошедшего и является недостаточным, так как это значение не является специфическим значением данной формы и может быть выражено также другими временами, то плюсквамперфект все же всегда обозначает предпрошедшее действие и нужно только уточнить, что это будет предпрошедшее по отношению к моменту в прошлом, о котором говорится.

Не согласившись с мнением докладчика о том, что основным значением сложных прошедших времен является выражение действия как факта и, следовательно, значение ненаблюдаемости, выступавшие товарищи (Захаревич, Якубинская и др.) не могли принять также положения доклада об отсутствии принципиальной грани в значении перфекта и форм пересказывания. Суть возражений заключалась в следующем: формы пересказа — это живая категория болгарского языка, служащая для повествования о событиях, свидетелем которых говорящий не был. Эти формы не имеют специфического для перфекта значения связи с настоящим моментом. Не случаен поэтому и пропуск глагольной связи в 3-м лице пересказывательных форм. В отличие от перфекта эти формы могут выражать ряд прошедших, следующих друг за другом действий.

Таким образом, нет оснований для того, чтобы рассматривать пересказывание как одну из функций перфекта, хотя этимологически формы пересказа могут быть связаны с перфектом.

В своем заключительном слове В. В. Бородич не согласилась со сторонниками мнения Л. Андрейчина, признающего наличие в болгарском языке системы относитель-

ных времен в том виде, как понимаются эти времена латинской грамматикой. Однако докладчик признал допустимым толкование болгарского плюсквамперфекта как относительного времени в том смысле, что он всегда выражает действие, предшествующее по отношению к тому действию, для которого оно является актуальным. В. В. Бородич признает, что плюсквамперфект всегда выражает связь с каким-то прошедшим моментом, т. е. всегда является актуальным для какого-то последующего момента в прошлом. Эта мысль, по признанию В. В. Бородич, была недостаточно подчеркнута в докладе.

В понимании «связи с настоящим» В. В. Бородич осталась на старых позициях, отождествляя актуальность с личной заинтересованностью. Она предложила только изменить термин, назвав это явление «субъективной оценкой действия», и распространила это определение на все сложные прошедшие времена в противоположность простым, выражающим объективное действие.

В действительности здесь дело не в субъективной оценке, так как говорящий не по собственному произволу выделяет те или иные действия. Актуальность каких-то предшествующих действий для последующих отражает действительную связь явлений, и субъективность здесь может проявиться лишь в правильности оценки этой связи.

Вторым противопоставлением является, по мнению докладчика, противопоставление простых и сложных времен, как наблюдаемых, так и ненаблюдаемых.

Признав необходимость выделения обоих этих противопоставлений по той причине, что ненаблюдаемость не охватывает всех случаев актуальности, докладчик тем самым отказался от подведения под понятие ненаблюдаемости явлений так называемой мнимой ненаблюдаемости. Чтобы объединить оба эти противопоставления, нужен, по мнению В. В. Бородич, термин более широкий. Таким термином может быть условно принято понятие определенности и неопределенности.

Канд. филол. наук Ю. С. Маслов в своем докладе остановился на основных, принципиально важных особенностях морфологии болгарского глагольного вида, отличающих болгарский язык от других славянских языков, прежде всего от русского¹.

В прениях по докладу выступили ст. научн. сотрудник Института языкознания АН СССР доктор филол. наук П. С. Кузнецов, кандидаты филол. наук В. В. Бородич, Э. А. Якубинская, преподаватели болгарского языка Е. А. Захаревич, Т. П. Рыбальченко, И. Е. Шейн.

Работа Ю. С. Маслова была встречена с большим одобрением, положения доклада признаны в основном интересными и убедительными. Однако по отдельным вопросам обнаружилось принципиальное расхождение между некоторыми выступавшими и докладчиком. Так, П. С. Кузнецов считает неправильным объединение в одну лексему форм совершенного и несовершенного вида, так же как, например, единственного и множественного числа существительного, на том основании, что между ними нет синтаксического различия.

Ю. С. Маслов в заключительном слове отметил противоречивость позиций такого понимания формы слова. С этой точки зрения и времена нельзя рассматривать как формы одного слова, поскольку синтаксические отношения между словами при изменении форм времени не изменяются. Тем не менее П. С. Кузнецов признает *писал* и *пишу* формами одного слова.

В. В. Бородич отметила, что в характеристике морфологии болгарского глагольного вида, представленной докладчиком, не освещен вопрос об отсутствии в болгарском языке парных глаголов несовершенного вида, в том числе и моторно-кратных глаголов (пары типа *нести* — *носить*) и глаголов на *-ывать* (пары *читать* — *читывать*). Раньше эти формы в языке были, но они изменяются на наших глазах. Отношение между такими парами, как *видя* и *виждам*, *чуя* и *чувам* и т. п., изменились в болгарском языке в отношении совершенного и несовершенного вида. В связи с этим вопрос о глаголах с колеблющимся видовым значением типа *писа*, *пия*, в которых Ю. С. Маслов видит пережиток старых видовых отношений, может быть следует рассматривать иначе. В. В. Бородич считает, что в болгарском языке существует тенденция к тому, что несовершенный вид начинает выражаться почти исключительно производными глаголами третьего спряжения. В связи с этим В. В. Бородич выражает сомнение в том, что глаголы типа *зачитам*, *заслизам* можно считать глаголами совершенного вида. Под влиянием того, что в парах *видя* — *виждам*, *чуя* — *чувам* простой глагол выражает совершенный вид, начинает колебаться видовое значение и единичных глаголов типа *писа*, *пия*, они начинают склоняться к переходу в совершенный вид.

Возражая против выводов Ю. С. Маслова о том, что в болгарском языке вид развит не слабее, чем в русском, и что в связи с этим нуждается в пересмотре положение науки, связывающее все изменения временной системы славянских языков с развитием совершенного и несовершенного видов, В. В. Бородич высказывает мысль о том,

¹ См. стр. 30—49 настоящего выпуска.

что глагольный вид в болгарском языке, где грамматикализация этой категории доведена до предела, представляет собой совершенно иную категорию, чем вид в других славянских языках. Грамматикализация, доведенная до предела, ведет к своеобразному вырождению категории вида. Этот вопрос можно будет разрешить окончательно после исследования синтаксиса болгарского глагольного вида.

В. В. Бородич согласен с положением Ю. С. Маслова о том, что в болгарском языке формы совершенного и несовершенного видов всегда составляют одну лексему, что для русского языка может быть принято лишь с некоторыми оговорками.

Не вступая в полемику по генетическим вопросам, поскольку эти вопросы в докладе не ставились, Ю. С. Маслов привел факты, показывающие, что употребление глаголов с колеблющимся видовым значением (*пиша, видя*) у писателей XIX и XX вв. свидетельствуют о том, что черта эта не новая, а старая. Однако он отметил, что решить этот вопрос окончательно можно лишь на основе изучения конкретного материала. Ю. С. Маслов внес уточнение в замечание В. В. Бородич о том, что в болгарском языке намечается тенденция выражения несовершенного вида глаголами третьего спряжения, а первые два спряжения монополизируют совершенный вид; данное положение относится только к глаголам с приставками, но этого никак нельзя утверждать в общей форме применительно к простым глаголам. И даже среди глаголов с приставками есть ряд исключений из общего правила.

Докладчик не согласен с мнением В. В. Бородич о том, что интенсивное морфологическое развитие вида в болгарском языке может быть проявлением вырождения вида.

Выступление И. Е. Шейн касалось главным образом вопросов употребления видов. И. Е. Шейн считает, что, хотя в болгарском языке и существует только два вида — совершенный и несовершенный, и особая категория многократного вида отсутствует, необходимо обратить внимание на очень частое употребление форм вторичных несовершенных глаголов для передачи многократности как одну из специфических черт именно болгарского языка. Она отметила, кроме того, что в болгарском языке имеется группа производных глаголов, образованных от таких приставочных форм, в которых приставки вносят только значение совершенного вида, не вызывая никаких изменений в лексике основного глагола. Такие формы несовершенного вида, как показало ее исследование, употребляются только в многократном значении.

Выступавшие сделали, кроме того, ряд замечаний более частного характера.

Доклад Е. В. Чешко был посвящен изложению принципов изучения предложных словосочетаний¹.

Направление работы Е. В. Чешко было в основном одобрено. Была отмечена, однако, недостаточная ясность в освещении вопроса о критериях грамматикализации предлогов. Ю. С. Маслов считает, что, может быть, вообще не нужно говорить о грамматикализации предлогов, за исключением предлога *на*. В остальных же случаях, возможно, следует говорить о различных значениях предлога, о значении, более близком к этимологическому, и о значениях переносных, отвлеченных.

Докладчик в заключительном слове согласился с тем, что вопрос о грамматикализации предлогов очень сложный и еще нуждается в изучении, что о грамматикализации как процессе абстрагирования значений предлогов и приближения их функций к функциям падежных флексий можно говорить как об определенной тенденции, но в ряде конкретных случаев действительно трудно определить, грамматикализировался здесь предлог или нет. С большей определенностью можно говорить о связанном и свободном употреблении предлогов, что имеет большое практическое значение.

Подводя итоги совещания, проф. С. Б. Бернштейн отметил, что обсуждение представленных работ прошло очень плодотворно и принесет большую пользу в дальнейшей работе. Характеризуя задачи, стоящие перед авторским коллективом, С. Б. Бернштейн отметил, в частности, необходимость возможно большего расширения привлекаемых текстологических материалов, особенно за счет текстов, близких к живой речи.

С. Б. Бернштейн подчеркнул, что перед авторским коллективом стоят две задачи: во-первых, дать разработку на основе принципов советского языкознания ряда основных проблем болгарской грамматики и тем внести нашу лепту в исследование грамматического строя болгарского языка; во-вторых, создать пособие для преподавателей, которое помогло бы поднять преподавание болгарского языка на более высокую ступень.

Е. В. Чешко.

¹ См. стр. 19—29 настоящего выпуска.

ДИПЛОМНЫЕ РАБОТЫ ПО СЛАВЯНСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ В МГУ (1954 г.)

На Славянском отделении МГУ в 1954 г. состоялся седьмой выпуск славистов-языковедов. Первые дипломные работы по славянскому языкознанию были защищены в 1947 г. За семь лет значительно улучшилась подготовка специалистов, повысился уровень дипломных работ.

В дипломных работах этого года разрабатывались различные вопросы славянского языкознания. Значительная часть работ посвящена изучению мало разработанных вопросов синтаксиса славянских языков: страдательные конструкции, безличные предложения, значение отдельных падежей. В двух работах подняты вопросы формирования славянских литературных языков. Отдельные работы посвящены славянской диалектологии, вопросам адвербиализации творительного падежа, глагольного словообразования, изучению роли чередования гласных, влияния русского языка на словарный состав славянских языков, исследованию языка славянских писателей. Изучались отдельные проблемы сербского, польского, чешского и словацкого языков, широко привлекался материал украинского, русского и старославянского языков, а также и данные сравнительной грамматики славянских языков вообще.

Наиболее интересны работы по синтаксису.

Одной из лучших является работа Л. Н. Смирнова «Страдательные конструкции в словацком и чешском языках». Тщательно исследовав огромный материал (язык чешских и словацких писателей, современную прессу и данные диалектологии), автор дал подробное описание страдательных конструкций в словацком и чешском языках, отмечая как черты, общие для всех славянских языков, так и особенности исследуемых языков. Л. Н. Смирнов рассматривает описываемые конструкции как с точки зрения морфологической, так и семантико-синтаксические связи глагола и причастия с другими словами в предложении. Это дало возможность убедительно показать, что «средством выражения залогового значения выступает не столько форма глагола или причастия, сколько особые семантико-синтаксические связи глагола или причастия с другими словами в предложении», доказать, что возвратная форма глагола и страдательное причастие являются лишь стержнем, основой страдательной конструкции.

Не меньший интерес представляет работа Л. И. Васильевой «Безличные конструкции в современном словацком языке». Изучив обширный материал современного словацкого языка и словацких диалектов, используя и собственные записи словацких говоров Закарпатья, автор дает интересную классификацию безличных предложений, в основу которой лег грамматический принцип (способ выражения сказуемого и его синтаксические связи). Отметив основные тенденции в развитии безличных предложений словацкого языка, Л. И. Васильева детально исследовала наиболее продуктивный тип безличных предложений в словацком языке (безлично-возвратные предложения). Всестороннее исследование безличных предложений (синтаксические связи сказуемого, морфологическая структура и особенности словообразования глаголов, употребляющихся в роли сказуемого безличных предложений, лексико-семантическое наполнение различных структурных типов безличных предложений и т. д.) дало возможность показать, что безличность создается всей структурой предложения в самом широком смысле, показать, что специфическая продуктивность того или иного класса безличных предложений в словацком языке тесно связана со спецификой грамматического строя словацкого языка и объясняется ею.

Несколько работ посвящено исследованию функций падежей в славянских языках, а именно: работа А. М. Кузнецовой «Родительный падеж неопределенного объекта в русском, украинском и польском языках», Т. И. Сычевой «Родительный времени в словацком литературном языке», Н. Б. Троицкой «Функция предложного падежа в словацком и чешском языках», И. И. Ивановой «Творительный предикативный в современном словацком языке», С. Г. Иванова «История творительного места и времени в сербском языке». Авторы этих работ, исследуя материал отдельных сла-

вянских языков, широко привлекали данные русского и старославянского языков, подробно изучили различные функции и значения падежей и синонимичных им конструкций. Во всех работах подчеркивается как общее в славянских языках, так и частное, специфическое исследуемых языков.

Хорошую дипломную работу написала А. М. Кузнецова. На материале польского, русского, украинского литературных языков, русской, польской и украинской диалектологии, некоторых старославянских, древнерусских и древнепольских памятников автор сделал подробный анализ значений родительного падежа для выяснения способов выражения прямого объекта. Отметив связь значений винительного и родительного падежей в славянских языках, А. М. Кузнецова анализировала случаи вытеснения родительного падежа винительным, пределы и сущность чередований родительного с винительным падежом при одних и тех же глаголах, рассмотрела лексические группы глаголов, управлявших ранее родительным падежом, показала, что в исследуемых языках идет активный процесс вытеснения родительного падежа винительным. Наиболее активно этот процесс идет в русском языке, в польском — менее активно, а в ряде случаев, наоборот, управление родительным сменило прежнее управление винительным. Автор критически рассмотрел существующие в литературе взгляды на родительный прямой объекта и в основном согласился с теорией Томсона. Несмотря на некоторые критические замечания в адрес Томсона, А. М. Кузнецова новыми фактами и положениями подтвердила правильность его теории, сделала шаг вперед в разрешении существующего в науке спора относительно родительного прямого объекта.

Интересной дипломной работой этого года является работа Т. С. Тихомировой «Процесс адвербиализации творительного падежа». На материале современного польского языка и польских диалектов, самостоятельно исследованных памятников письменности, привлекая для сравнения данные русского языка, автор исследует частный случай перехода слов из одной категории в другую. Ценность работы увеличивается с тем обстоятельством, что вопросы адвербиализации падежных форм до сих пор не подвергались специальному исследованию. Т. С. Тихомирова сделала интересный анализ процесса адвербиализации в конкретных случаях, показала сложность его как процесса взаимодействия трех основных факторов: синтаксического, морфологического и семантического, исследовала основные причины, тенденции и следствия процесса, его связь со структурными изменениями в словосочетании. Автор убедительно показала, что «ряд функций творительного падежа в польском языке, а именно: времени, места, причины, способ и образа действия, сравнения — эволюционизируют в сторону приближения к наречиям вплоть до полного перехода в категорию наречий», а иногда и дальше — в категорию вводных слов и предлогов. «Обстоятельственные функции творительного падежа разрушаются как грамматическая категория», уступая свое место предложным конструкциям, формы же переходят в разряд наречий. «способность к переходу в которые заложена в самом значении творительного падежа этих функций». Отметив различные ступени адвербиализации и наличие переходных форм, автор заключает, что процесс адвербиализации еще не закончен.

Изучению грамматической роли чередования гласных фонем посвятила свою работу «Чередования в корневых глагольных морфемах» М. И. Федорова. Автор прослеживает возникновение чередований гласных в глагольных морфемах польского языка и их дальнейшую судьбу: приобретение ими грамматической роли и ее утрату или усиление продуктивности тех или иных чередований. М. И. Федорова прекрасно разбирается в вопросах фонологии, морфологии и синтаксиса глагола. Центральная часть исследования посвящена характеристике значения чередования гласных или глагольного видообразования. Здесь убедительно показано, что для выражения противопоставления по длительности чередование сохраняется главным образом в глаголах движения и остается одним из важнейших средств при образовании видовых пар, отмечено усиление продуктивности чередования $e \backslash o$, $o \backslash a$ в процессе глагольного видообразования; иногда эти чередования появляются там, где они не были обусловлены фонетически; показано также, что чередование терпит свою продуктивность при образовании беспредложных основ. Исследуя вопрос о чередовании гласных, дипломантка раскрыла сложность переплетения и взаимодействия фонетических и морфологических процессов.

Особой тщательностью отличается работа Г. В. Спичиной «История глаголов с суффиксом -owa- в польском языке». Собрав около пяти тысяч примеров на глаголы с этим суффиксом из памятников древней польской письменности, литературы с XVI по XX в., из всевозможных диалектологических описаний, автор задался целью «рассмотреть состояние группы глаголов с суффиксом -owa- в различные периоды развития польского языка и определить основные тенденции развития этого глагольного класса». Описанию глаголов с суффиксом -owa- предпослан обзор способов глагольного словообразования, особое внимание уделено суффиксальному словообразованию, рассмотрены все суффиксы глагольного словообразования в польском

языке. Автор показал, что класс глаголов с суффиксом *-owa-* является одним из древнейших в польском языке, а суффикс *-owa-* — одним из продуктивнейших суффиксов отыменного глагольного словообразования. Большинство глаголов этого типа образовано от заимствованных основ (основ интернациональной лексики). Непродуктивным суффикс *-owa-* оказался лишь в области внутриглагольного словообразования, откуда он с XV—XVI вв. вытесняется, хотя в говорах Малой Польши и Силезии он и здесь остается продуктивным.

Г. В. Матвеева в дипломной работе «Влияние русского языка на словарный состав словацкого языка» рассматривает основные способы передачи словацким языком понятий, возникших под влиянием русского языка, анализирует словацкие неологизмы, прослеживает изменения значений слов, происшедшие под влиянием русского языка.

З. Ешич и З. Ф. Соколову интересовал вопрос возникновения литературного языка славянских народов. З. Ешич написала работу «Борьба Вука Караджича за внедрение сербского народного языка в литературу», а З. Ф. Соколова — работу «Фонетическая и морфологическая система штуровщины», где описала фонетику и морфологию словацкого литературного языка, который был введен в литературу в середине прошлого века Л. Штуром и его последователями. В этих работах уделено большое внимание изучению исторических предпосылок возникновения сербского и словацкого литературных языков.

Один из важнейших восточных говоров штокавского диалекта, дающий много интересного и поучительного для истории сербского языка и балканистики, рассмотрен Н. Д. Виноградовой, написавшей работу «Особенности косовско-метохского говора по материалам словаря Элезовича». Необходимо отметить, что словарь Элезовича и тексты косовско-метохского говора до сих пор не привлекали внимания диалектологов. Автор дает описание морфологической системы говора и останавливается на особенностях словарного состава говора.

С. С. Ульянова посвятила свою работу исследованию языка сербского поэта XIX в. Йована Йовановича Змая. Нужно сказать, что изучение языка сербских писателей еще не начато. В работе «Народно-поэтическая лексика и фразеология в творчестве Йована Йовановича Змая» автор вскрыл приемы использования Змаем привычных народно-песенных сравнений, эпитетов, стилистических конструкций и т. п., показал связь языка поэта со всей системой его идейных, поэтических и художественных взглядов.

* *
*

Дипломные работы 1954 г. — несомненное свидетельство достижений научно-учебно-воспитательной работы на кафедре. Некоторые дипломные работы по своему уровню и объему приближаются к требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, большинство из них безусловно является определенным вкладом в науку. Небольшая библиотечка дипломных работ, хранящаяся в шкафу славянского кабинета МГУ, теперь представляет ценное собрание работ по различным вопросам славянского языкознания. Специалисты-исследователи отдельных вопросов славянского языкознания не смогут пройти мимо некоторых дипломных работ. Ввиду этого назрела необходимость издания сборника научных студенческих работ.

Необходимо указать на некоторые недостатки в планировании кафедрой научной работы студентов. Так, например, слабо направляется интерес студентов в сторону исследования языка отдельных памятников славянской письменности. В московских библиотеках хранятся богатейшие собрания южнославянских рукописей, интереснейшие рукописи давно ждут своего исследования.

В. К. Журавлев.

Н. Х. Иванова

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПРЕДИКАТИВНЫЙ ПАДЕЖ В ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ¹

В наследии русских и зарубежных лингвистов имеется ряд работ по синтаксису славянских падежей. Здесь в первую очередь следует упомянуть выдающийся труд крупнейшего русского лингвиста XIX в. А. А. Потемби «Из записок по русской грамматике». Однако нужно признать, что данный вопрос изучен далеко не достаточно. Очень еще мало исследований посвящено изучению функций и значений отдельных падежей. Между тем такого рода исследования необходимы, так как они являются известными обобщениями фактов языка и готовят переход к изучению синтаксической системы славянских языков в целом. В данной работе ставится задача — описать одну из функций творительного падежа в польском языке — творительный предикативный — и показать, каковы его взаимоотношения с выступающим до сих пор в этой же функции вторым именительным падежом.

Нами был изучен ряд памятников древнего польского языка, говоры и современный литературный язык. Для сравнения было произведено описание употребления интересующей нас конструкции в других славянских языках.

Работа состоит из введения, пяти глав и заключения.

Во введении освещены задачи работы, кратко упомянуты существующие исследования творительного предикативного падежа, дана характеристика материала и определена структура работы.

При исследовании за основу было взято положение И. В. Сталина о том, что язык развивается по своим внутренним законам. Развитие употребления творительного падежа в предикативной функции представляется нам одним из моментов этого закономерного развития языка.

Первая глава посвящена истории изучения творительного предикативного падежа в польском языке.

Наличие творительного предикативного падежа в славянских языках было отмечено давно. О взглядах различных ученых на его употребление писалось уже неоднократно². Поэтому в первой главе анализируются лишь работы, посвященные творительному предикативному падежу в польском языке, которые до сих пор не получили освещения в русской лингвистической литературе. Кроме них, мы остановились на положении Авг. Шлейхера и Фр. Миклошича относительно последовательности употребления конструкций со вторым именительным и творительным предикативным падежом в славянских языках³. Эти лингвисты, вопреки данным истории языка, считали, что творительный предикативный падеж был исконно присущ славянским языкам и лишь впоследствии под влиянием «европейского синтаксиса» начал заменяться вторым именительным. Хотя ошибочность этой точки зрения была отмечена еще А. А. Потемби⁴, неверные формулировки по поводу «вытеснения творительного предикативного падежа именительным» встречаются в ряде более поздних исследова-

¹ Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

² Ср. Н. С. Василенко. Конструкция с творительным падежом в современном русском литературном языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1947. И. Я. Сахаров. Функция творительного падежа в современном русском литературном языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1947.

³ A. Schleichner. Litauische Grammatik. Прага, 1856, стр. 270. Fr. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. т. IV. Syntax, Вена, 1883, стр. 727—737.

⁴ А. А. Потемби. Из записок по русской грамматике. I—II. Харьков, 1888, стр. 493—495.

ний. Поэтому мы считали уместным дать в первой главе критику упомянутых утверждений Шлейхера и Миклошича.

Особое внимание уделено также книге А. А. Потебни «Из записок по русской грамматике». Анализируя функции падежей в русском языке и широко привлекая при этом материал других славянских языков, А. А. Потебня отдельно рассматривает творительный предикативный падеж в польском языке. Целый ряд теоретических положений Потебни в отношении творительного падежа в предикативной функции сохраняет свою ценность до настоящего времени, однако его анализ польского материала страдает некоторыми недостатками. Уделив много внимания полемике с Ант. Малэцким по поводу исследования им творительного предикативного падежа в польском языке¹, Потебня иногда принимает на веру его утверждения (например, о невозможности употребления предикативных прилагательных в творительном падеже). Недостатком является также то, что Потебня большей частью иллюстрирует свои положения примерами из рифмованных текстов (песен, стихов).

Непосредственно творительному предикативному падежу в польском языке посвящен один из разделов опубликованной в 1905 г. статьи Яна Лось «Функции творительного падежа в польском языке»². Лось ставил своей задачей дать классификацию функций творительного падежа и выяснить взаимоотношения отдельных функций. При описании творительного предикативного падежа автор стремился «на ряде примеров показать, насколько памятники (главным образом XIV и XV вв.) сохраняли еще различие между употреблением в сказуемом именительного и творительного, а затем попытаться найти связь между творительным предикативным» и другими функциями этого падежа³. Однако в основном Ян Лось решает в своем исследовании вторую из этих задач, относительно взаимоотношения предикативных падежей он пишет очень бегло.

Автор второй рассматриваемой нами работы, Зеон Клеменсевич, исследовал падежные формы предикативного имени при личных формах глаголов *być* и *bywać*⁴. З. Клеменсевич собрал огромный материал, не ограничиваясь, как Я. Лось, только древним периодом развития польского языка. Но ценность работы Клеменсевича значительно снизилось то, что он игнорировал доступный ему диалектологический материал и ограничил исследование конструкциями с *być* и *bywać*, оставив в стороне сказуемые с другими глаголами в качестве связок. Клеменсевич неправильно группирует предикативные имена (все местоимения включает в группу прилагательного, хотя сам признает, что местоимения, не изменяющиеся по родам, обнаруживают в роли именной части сказуемого те же свойства, что и существительные)⁵ и не принимает во внимание семантики предикативных имен⁶.

Однако работа Клеменсевича дала важные результаты, так как была определена периодизация развития творительного предикативного падежа. Клеменсевич отметил ряд интересных фактов в употреблении этой конструкции. В своей работе мы использовали некоторые его наблюдения. Материал для исследования был выбран нами соответственно установленной Клеменсевичем периодизации: мы ограничились древнейшими памятниками польского языка (до середины XVI в.) и современным литературным языком (с конца XIX в.).

Прежде чем приступить к анализу употребления творительного падежа в предикативной функции в памятниках древнего польского языка, мы дали во второй главе обзор употребления этой конструкции по славянским языкам, основываясь на результатах наблюдений ряда ученых.

Следует отметить, что непосредственно употреблению творительного падежа в отдельных славянских языках посвящено всего несколько работ: статья О. В. Патоковой «К истории развития творительного предикативного в русском литературном языке»⁷, значительная часть монографии Т. П. Ломтева — «Исследования в области белорусского синтаксиса»⁸ и небольшая заметка Марии Новаковой «Je voják či je vojákem?»⁹. Здесь же можно назвать статью К. Штрекеля «Причина исчезновения творительного предикативного в словенском и сербо-лужицком языках», рассматривающего факт утраты этими языками беспредложного творительного падежа

¹ A. Małeck i. Gramatyka historyczno-porównawcza języka polskiego, т. II. Львов, 1879, стр. 423—427.

² J. Łoś. Funkcje narzędnika w języku polskim. (Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział filologiczny, т. XXV (40). (Краков, 1905).

³ Там же, стр. 139.

⁴ Z. K l e m e n s i e w i c z. Orzecznik przy formach osobowych słowa być. (Prace filologiczne, XI. Варшава, 1927.)

⁵ Там же, стр. 147.

⁶ Там же, стр. 144, 149.

⁷ См. Slavia VIII (I). Прага, 1929.

⁸ Т. П. Ломтев. Исследования в области белорусского синтаксиса. Мияск, 1941.

⁹ См. Naše řec. N 32. Прага, 1949.

как свидетельство исчезновения в них творительного предикативного¹. Остальные работы, которые были использованы при написании обзора, — это в основном грамматика славянских языков.

Обзор употребления творительного предикативного по славянским языкам показал, что этот падеж известен во всех славянских языках, сохранивших систему склонения, хотя и не всегда равномерно по говорам (так, отмечаются различия в употреблении творительного предикативного по говорам сербского, словенского, украинского языков).

В ранних памятниках славянской письменности предикативные имена, как правило, имеют форму второго именительного падежа. Творительный предикативный падеж встречается редко. Раньше всего он отмечается у существительных, обозначающих лицо по его должности, сану, и при связке, выраженной глаголами становления. Творительный предикативный падеж чаще отмечается при формах прошедшего и будущего времени, условного и повелительного наклонения связки *być*, а также при связке, в состав которой входит инфинитив этого глагола.

В настоящее время творительный предикативный падеж в славянских языках употребляется гораздо шире, чем это имело место в древних памятниках. Такое расширение употребления происходит за счет связок, при которых ранее эта конструкция не употреблялась (в частности, связки *być* в настоящем времени), а также ввиду все чаще наблюдающегося употребления творительного падежа предикативных прилагательных. В ряде современных славянских языков (большей частью в западнославянских) встречаются бессвязочные конструкции, имеющие специфическое значение.

Творительный предикативный падеж шире всего распространен в западнославянских языках (особенно в польском), затем в восточнославянских (более всего в белорусском). В южнославянских языках (в сербском и словенском), особенно в некоторых их говорах, он развит слабее.

Третья глава диссертации посвящена анализу употребления творительного предикативного падежа в древнем польском языке.

Нами был привлечен обширный материал — основные памятники письменности с XIV века до середины XVI века. Большая часть текстов — памятники религиозного характера: псалтыри: *Psalterz Floriański* (конец XIV — начало XV в.), *Psalterz Puławski* (вторая половина XV в.); библия — *Biblia królowej Zofii* (завершена в 1455 г.); проповеди: *Kazania Świętokrzyskie* (сделанная в середине XIV в. копия с оригинала 2-й половины XIII в.), *Kazania Gnieźnieńskie* (конец XIV — начало XV в.), *Kazania o Maryi pannie czystej magistra Jana z Szamotuł, Paterkiem zwanego (1504—1518 гг.)*; молитвы — *Modlitwy Wacława (XV в.)*; жития святых: *żywot Błażeja* (нач. XV в.), *Żywot św. Eufraksji (1524 г.)*, *Żywot Eustachiusza męczennika (1529 г.)* и ряд других. Особое внимание мы уделяем материалу, извлеченному из записей показаний свидетелей на судах («рот присяг»), опубликованных И. А. Бодуэном де-Куртенэ, Вл. Нерингом, Р. Губе и В. Ташицким, как наиболее верно отражающему особенности разговорного польского языка того времени. Были использованы также письма и другие «светские» тексты, опубликованные в сборниках старопольских текстов Адама и Мирослава Крынских, Стефана Вртель-Верчинского и Витольда Ташицкого.

Анализ материала памятников показывает, что творительный предикативный падеж в древнем польском языке, как и в других славянских языках, ранее всего начинает употребляться у существительных, преимущественно у называющих лицо по занятиям. Таким образом, вопреки утверждению Клеменсевица, что семантика существительных не играет роли при выборе предикативного падежа, в действительности их характеризует семантическое единство. Чаще других в форме творительного предикативного падежа выступают следующие существительные: *cesarz, drapieżca, złodziej, lichewnik* (*Kazania Gnieźnieńskie*), *gospodarz, kuchmistrz* (*Roty przysiąg*), *wódz, przychodzień, włodarz, król, oracz, gość, kanclerz, książękapłan, stróż, strzelec, cześnik, świadek* (*Biblia królowej Zofii*), *wójt, przysiążnik, służa* (*Ortyle Magdeburские*), *sędzia* (*Psalterz Floriański, Psalterz Puławski*).

В старопольских памятниках и существительные указанного выше значения встречаются в форме второго именительного падежа, — иначе и не могло быть в период, когда творительный предикативный лишь начал распространяться. Знаменательно, что в форме творительного предикативного падежа, обозначающего по определению грамматистов непостоянный, нехарактерный, временный признак субъекта, впервые начинают выступать как раз слова, называющие человека по профессии, должности, т. е. именно по временному качеству. В сочетании с глаголами и глагольными формами

¹ K. Štrekelj. Die Ursache des Schwundes prädikativen Instrumentals im Slovenischen und Serbischen (*Archiv für slavische Philologie*, N 25, Берлин, 1903).

которые выступают в связке при творительном предикативном падеже (глаголы становления, будущее и прошедшее время глагольной связки *być*, условное и повелительное наклонение этой связки) и обозначают становление, появление признака, эти существительные и создали данной конструкции ее значение — временного, нехарактерного, непостоянного признака субъекта.

В четвертой главе диссертации описан творительный предикативный падеж в говорах польского языка. Вопросы синтаксиса говоров в польской лингвистической литературе почти не затронуты. Об употреблении творительного падежа в предикативной функции упоминает, и то очень бегло, лишь Адам Томашевский в монографии о говоре Лопенна¹. Таким образом, для выяснения, каково же употребление этой конструкции в диалектах польского языка, пришлось обратиться непосредственно к записям текстов, опубликованным в лингвистических и этнографических журналах («Wisła», «Lud» и др.), в сборнике польских диалектных текстов Казимира Нитша и в монографических описаниях говоров.

Следует сказать, что количество записей по отдельным говорам очень неравномерно. Вследствие этого не было возможности выявить различия в употреблении творительного предикативного падежа по говорам, что позволило бы полнее осветить проблему распространения его как в древнем польском, так и в современном литературном языке. В языке ряда писателей различных эпох употребление творительного предикативного падежа весьма отличается от общепринятого — причина этого несомненно кроется в том, что писатели эти являются носителями определенных говоров, где творительный предикативный употребляется иначе, чем в литературном языке. Показать влияние говора на язык писателя на конкретных примерах не удалось ввиду отсутствия достаточного количества диалектных текстов. По этой же причине невозможно определение территориальных границ интересующей нас конструкции, которое имело бы значение не только для польского, но и для пограничных с ним языков.

В говорах предикативные имена выступают в обеих падежных формах — и в творительном, и в именительном. Резко отличается в говорах падежная форма предикативных существительных от предикативных прилагательных (причастий, числительных, местоимений, изменяющихся по родам): в подавляющем большинстве случаев, как и в памятниках древнего польского языка, здесь наблюдается творительный предикативный падеж существительных. В говорах, как и в памятниках, творительный падеж предикативных существительных наблюдается при связке, выраженной глаголами становления (*stać się, zostać, ostać*) и при связке *być* в форме будущего времени, повелительного наклонения, инфинитива, т. е. когда связка *być* обозначает переход из одного состояния в другое. Относительно связки *być* в настоящем и прошедшем времени следует сказать, что здесь выбор формы в говорах определяется семантикой существительного. Так, существительное, называющее человека по его занятию (т. е. выражающее временный, непродолжительный признак субъекта), за очень небольшими исключениями имеет форму творительного падежа. То же относится к существительным, называющим человека по его возрасту (*chłopak, chodak, knopa*). Существительные же, обозначающие родственные отношения или какой-то признак, характеризующий субъект, как правило, встречаются в форме 2-го именительного падежа. Следует отметить, что ввиду отсутствия записей диалогов нельзя судить о наличии в говорах конструкций типа: *szczeniak jesteś*.

Есть случаи, когда выбор падежа определяется не семантикой предикативного существительного, а контекстом, из которого следует, что данный признак — явление временное. Это достигается употреблением наречий времени, придаточных предложений времени и т. п. — в большинстве примеров такого рода предикативное существительное имеет форму творительного падежа. В других случаях выбор падежа обусловлен фактом отсутствия связки — в говорах здесь, как правило, употребляется второй именительный падеж. При связке-флексии в огромном большинстве случаев также отмечается второй именительный. В некоторых примерах, где творительный предикативный употреблен при отсутствии связки и при связке-флексии, имеется особый оттенок значения, сходный с тем, который свойственен бессвязочным конструкциям в литературном языке.

Второй именительный последовательно употребляется в говорах при глаголах называния: *zwać się, nazywać się, wołać się, pisać się*.

Прилагательные, местоимения, изменяющиеся по родам, причастия в составе сказуемого сохраняют в говорах при любой связке форму второго именительного падежа. Творительный предикативный наблюдается очень редко (при связке, в состав которой входит инфинитив глагола *być*, и при связке, выраженной глаголами становления).

¹ A. T o m a s z e w s k i. Dialekt Łopienna i okolicy w północnej Wielkopolsce. (Polska Akademia Umiejętności. Prace Komisji Językowej N 16. Кракów, 1930).

Итак, польские говоры дают интересный и богатый материал по соотношению второго именительного и творительного предикативного падежа. Употребление этих падежей в говорах ближе к употреблению их в древнем польском языке, чем в современном литературном языке. Отсутствие текстов, записанных в самое последнее время, малое количество записей прямой речи (диалогов, свидетельских показаний в суде), а также большое однообразие тематики (сказки, легенды и т. д.) значительно ограничили возможности исследования.

Пятая глава диссертации посвящена творительному предикативному падежу в современном польском литературном языке. Для наблюдения здесь был использован язык произведений писателей-классиков конца XIX и начала XX в. — Генриха Сенкевича, Болеслава Пруса, Элизы Ожешко, Стефана Жеромского, — и лучших мастеров слова современной польской литературы — Марии Домбровской, Ярослава Ивашкевича, Софии Налковской, Леона Кручковского, Ежи Анджеевского и ряда других. Мы старались подбирать произведения, язык которых свободен от иноязычного влияния и следов стилизации. Наблюдения велись также над языком прессы (газеты «Trybuna ludu», «Nowa kultura», журналы «Twórczość», «Przekrój», «Film» и др.).

Материал современного польского литературного языка показывает, что употребление творительного предикативного и второго именительного падежей во многих случаях разграничено.

Внутри главы выделяются два раздела соответственно двум группам частей речи, выступающим в качестве предикативного имени: первый раздел посвящен предикативному существительному (здесь же рассматриваются местоимения, не изменяющиеся по родам: личные и *kto, co, wszystko*); второй раздел — предикативному прилагательному (а также причастиям, порядковым числительным и местоименным, изменяющимся по родам). Внутри каждого раздела материал расположен по подгруппам, в зависимости от связи.

В группе существительного преобладающей формой предикативного члена является творительный падеж. В ряде случаев употребление этой падежной формы будет обязательным. Так, творительный предикативный падеж выступает при связке *być*, когда она имеет форму будущего времени, повелительного и условного наклонения. То же явление наблюдается, если в состав связки входит инфинитив глагола *być*. При связке *być* в прошедшем и настоящем времени встречается как творительный предикативный, так и второй именительный падеж, но эти падежные формы выступают в определенных условиях. Творительный предикативный падеж при этих формах связки выступает в случаях, когда подлежащее выражено инфинитивом, отглагольным существительным или тем же существительным, что и сказуемое. Творительный падеж обязателен также тогда, когда именной частью сказуемого является абстрактное существительное (чаще всего *fakt, prawda, rzecz*), а подлежащее выражено придаточным предложением, присоединяющимся к главному при помощи союзов *że, iż*. Как правило, в форме творительного падежа выступают предикативные имена, выраженные личными местоимениями, а также местоимениями *kto, co, nic, wszystko*. Однако местоимение *kto*, выступая в вопросительных предложениях, неизменно имеет форму второго именительного падежа.

В предложениях, которые заключают в себе сообщения имени собственного и других персоналий субъекта и являются либо ответом на упоминавшиеся выше вопросительные, либо формулой представления при знакомстве, наблюдается, как правило, второй именительный падеж. Эта падежная форма сохраняется предикативным членом в предложениях такого рода и в тех случаях, когда они выступают в качестве придаточных.

Широко представлен второй именительный существительных в эмоционально насыщенных предложениях, содержащих оценку качеств субъекта. Наличие здесь второго именительного можно объяснить стремлением придать этой оценке субъекта характер постоянного признака (свойственный конструкции со вторым именительным) или стремлением подчеркнуть эту оценку путем употребления нетипичной синтаксической формы. Второй именительный обычно выступает в сказуемых, в состав которых входят слова *człowiek* (человек), *kobieta* (женщина) с определениями: в этих случаях основную семантическую нагрузку несет на себе прилагательное, для которого более типичной до сих пор является форма второго именительного падежа. Большую группу случаев второго именительного составляют предикативные существительные в предложениях, где имеется указательное местоимение *to*, выступающее либо в роли подлежащего, либо как усилительная частица, являющаяся частью сказуемого.

Наконец, второй именительный падеж существительных отмечается в литературном языке, как и в говорах, в предложениях, где связка представлена в виде флексии или вообще отсутствует. Однако имеется ряд примеров бессвязочных конструкций, где употребляется творительный предикативный падеж существительных. Кроме фразеологических оборотов типа *mechanizm mechanizmem, a ja muszę iść na Kongres*, — здесь

выделяется группа существительных, имеющих определенное значение: чаще всего — названия профессии, существительные *dowód*, *przyszyna* и некоторые другие.

Такое употребление известно многим славянским языкам, в том числе и русскому (хотя оно не всегда является литературным). Однако следует указать на наличие в польском литературном языке употребления творительного предикативного падежа в бессвязочных конструкциях, имеющих специфический оттенок значения, подчеркивающий необычность, неожиданность сообщаемого. Этот оттенок как раз и создается необычным употреблением в бессвязочной конструкции творительного предикативного падежа. Часты такие бессвязочные конструкции с творительным предикативным падежом в заголовках: *Czytelnik współredaktorem. Autor scenariuszy ekspedientem sklepowym. Górecki autorem «Smierci zbrodniarza»*. Такие заголовки указывают на необычность, неожиданность сообщаемого, преподносят его как некое открытие. Употребленные в лозунгах, такие конструкции придают сообщаемому оттенок призыва: *Odbudowa Warszawy — dziełem pokoju*. В связной речи такие конструкции употребляются для выражения крайнего изумления и недоумения говорящего по поводу наличия у субъекта признака, выраженного существительным в творительном падеже:

Ten drobny, czarny Annamita — żołnierzem... Rzymianin korsarzem... Ekshłodziejaszek przodownikiem pracy...

Вероятно, в живой речи такие конструкции сопровождаются особой повышенной интонацией.

Бессвязочные конструкции с творительным предикативным падежом существительных в лозунгах и заголовках несколько раз были отмечены нами также в чешском и словацком языках. Возможно, в этих языках они имеются и в связной речи в том же значении, что и в польском языке. Но в лингвистической литературе нет никаких указаний по этому поводу.

При связке, выраженной глаголами становления, мшиного превращения и т. п., неизменно употребляется творительный предикативный падеж. При глаголе *nazywać się* выступает второй именительный падеж, если существительное является именем собственным — нарицательные существительные обычно и здесь имеют форму творительного предикативного падежа.

Выступая в составе сказуемого, прилагательные (так же, как изменяющиеся по родам местоимения, числительные и причастия) до сих пор нередко встречаются в форме второго именительного падежа. Однако в современном литературном языке здесь наблюдается и творительный предикативный. Он охватывает даже случаи, когда в составе сказуемого выступают краткие прилагательные. Между тем польские ученые говорят о невозможности употребления творительного предикативного падежа в прилагательных. В качестве примера, где единственно возможной является форма второго именительного падежа, Ант. Малэцкий в своей «Сравнительно-исторической грамматике польского языка» приводит именно формы кратких прилагательных *winien*, *powinien*¹.

При связке *być*, как правило, форму творительного предикативного падежа имеют порядковые числительные, близкое к ним по значению прилагательное *ostatni*, а также количественное числительное *jeden* — один (из многих). Это единственная группа случаев, где довольно последовательно выступает творительный предикативный падеж. Вообще же при связке *być* (во всех ее формах) чаще наблюдается второй именительный падеж прилагательных, и определить условия, где употребляется творительный, пока что не представляется возможным. В бессвязочных конструкциях прилагательные выступают только в форме второго именительного падежа. Тот же падеж преобладает при связке, выраженной глаголами становления. Творительный предикативный падеж наблюдается в конструкциях с глаголами мшиного превращения (*wydawać się* и др.) и с глаголом *czuć się*.

Таким образом, для прилагательных, хотя они и выступают все чаще в форме творительного падежа, до сих пор более обычной остается форма второго именительного. В заключении подводятся итоги работы.

Явление замены второго именительного падежа творительным характерно для многих славянских языков. Явление это возникло, вероятно, в историческую эпоху существования славянских языков, так как в древнейших славянских памятниках предикативные имена употребляются преимущественно во втором именительном падеже (прилагательные, причастия и т. п. — только во втором именительном). Впоследствии творительный предикативный падеж распространялся — сначала у предикативных существительных (и местоимений, не изменяющихся по родам), затем начал захватывать и предикативные прилагательные (причастия, числительные и т. п.). В некоторых славянских языках эта конструкция стала весьма употребительной.

¹ А. Ма́тески. *Gramatyka historyczno-porównawcza języka polskiego*, стр. 424—425. Ср. также А. Кра́сново́льский. *Składnia systematyczna języka polskiego*. Варшава. 1897, стр. 39.

К их числу, в частности, относится польский язык. Поэтому исследование творительного предикативного падежа в польском языке представляет особый интерес.

В древнем польском языке чаще всего употреблялся творительный предикативный падеж существительных, обозначающих профессию, должность, сан, и вообще слов, называющих человека по его занятию. Творительный предикативный падеж существительных часто встречается при связке, выраженной знаменательными глаголами (в основном глаголами становления), а также при некоторых формах связки *być* — при будущем и прошедшем времени, повелительном, условном и неопределенном наклонении. Семантика всех этих глагольных форм, как и существительных, которые начали выступать в форме творительного предикативного падежа раньше других, способствует установлению значения временного, непостоянного, неприсвоенного признака, как типичного для творительного предикативного падежа. Творительный предикативный падеж прилагательных встречается в старопольских памятниках сравнительно редко.

В говорах польского языка в основном имеют место те же принципы употребления творительного предикативного падежа, что и в старопольских памятниках. Вообще же материал говоров мог быть гораздо более показательным, если бы он был собран и опубликован в большем объеме. К сожалению, состояние польской диалектологии в настоящее время не является в этом отношении удовлетворительным.

В современном польском языке творительный предикативный распространен гораздо шире, чем в древнем польском языке и говорах. Вместе с тем границы его употребления уже труднее определить с такой точностью, как для древнего польского языка и говоров, особенно при связке *być* в настоящем и прошедшем времени. Творительный предикативный падеж существительных выступает почти без исключения при знаменательных глаголах в качестве связки, а также при связке *być* в будущем времени, повелительном, условном и неопределенном наклонении. Второй именительный существительных сохраняется в определенных условиях (в эмоционально насыщенной речи, в формуле представления при знакомстве и т. п.), однако почти всюду проникает творительный предикативный. Творительный падеж предикативных прилагательных постепенно распространяется все шире, причем начинает употребляться даже от прилагательных, известных только в краткой форме. Особенно широко распространен творительный предикативный падеж прилагательных при связке *być* в неопределенном наклонении и при знаменательных глаголах в качестве связки.

В польском литературном языке творительный предикативный падеж существительных выступает и в бессвязочных конструкциях, имея при этом особое значение. Конструкция такого рода часто употребляется в качестве лозунгов, заголовков и т. п.

Таким образом, мы видим, что в современном польском языке творительный предикативный является живой и развивающейся категорией. В настоящее время он почти полностью вытеснил второй именительный падеж существительных. В предикативных прилагательных, причастиях, порядковых числительных пока что преобладает второй именительный падеж, однако и сюда все шире проникает творительный предикативный, захватывая даже краткие прилагательные.

Процесс этот идет медленно и постепенно, ибо грамматический строй, как известно, изменяется очень медленно. Процесс замены второго именительного творительным предикативным в польском, как и в других славянских языках, продолжается и в настоящее время.

А. М. Булыгина-Шейнкерман
ЯЗЫК «СЕТИ ВЕРЫ» ПЕТРА ХЕЛЬЧИЦКОГО

(Из истории чешского языка XV века)¹

Исследование истории славянских языков принадлежит к числу наиболее важных проблем советской лингвистической науки.

В трудах И. В. Сталина по языкознанию со всей отчетливостью определены пути, которыми должно идти исследование истории конкретного языка. И. В. Сталин относит язык к числу общественных явлений, действующих за все время существования общества. «Он рождается и развивается с рождением и развитием общества. Он умирает вместе со смертью общества. Вне общества нет языка»². Отсюда вытекает одно из основных методологических положений, которое гласит: «... язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»³.

Одной из актуальных задач, стоящих перед специалистами по славянским языкам, является изучение истории чешского языка, в частности исследование языка отдельных памятников письменности. В данной области в чешском языкознании обнаруживается заметный пробел. После Гебауэра к изучению языка отдельных памятников письменности никто не обращался. Но и Гебауэр, занимавшийся историей родного языка, не оставил монографических работ, посвященных характеристике языка отдельных памятников.

Настоящая диссертация посвящена исследованию чешского литературного языка XV в.

XV веку в истории чешского литературного языка принадлежит особое место. В связи с социально-политическими и экономическими сдвигами, которыми отмечен этот период в истории Чехии, происходило усложнение функции письменного языка. Чешский письменный язык догусовского периода, созданный на базе общенародного языка, в то же время находился под сильным латинским влиянием. Деятели реформации — Гус, Хельчицкий, Рокицана и др. — обращались с проповедью реформационных идей непосредственно к народным массам. В своих сочинениях Гус и Рокицана переходили с латинского — учено-литературного языка средневековой Европы — на язык чешский, родной и близкий народным массам. Чешский язык того времени являлся могучим и чрезвычайно острым орудием идейно-политической борьбы и широко использовался в целях пропаганды. В язык письменности получила широкий доступ живая народная речь. Более быстро, чем обычно, шло в это время обновление норм письменного языка. Таким образом, в XV—XVI вв. чешский литературный язык оказался в особо благоприятных условиях развития. Так продолжалось до Белогорской битвы.

Битва при Белой Горе (1620) явилась переломным моментом в истории чешского народа. С этого времени начинаются гонения на чешскую культуру, на чешский язык. В истории чешской культуры, в том числе и в истории чешского языка, наступает длительный период упадка.

Национальное движение конца XVIII в. начинается с борьбы за свой чешский язык. И. В. Сталин отмечает, что национальное движение в Богемии приняло специфически «языковой» характер⁴.

¹ Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, изд. «Правда», 1950, стр. 18.

³ Там же, стр. 18.

⁴ И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 307.

В ходе развернувшейся в XVIII в. борьбы за возрождение чешского литературного языка обостряется интерес к языку XV—XVI в. Это был язык лучших для Чехии времен, образцовый чешский язык.

Для исследователя язык этого периода представляет исключительный интерес. Изучение чешского языка XV—XVI вв. чрезвычайно важно для понимания конкретных путей, которыми шло формирование чешского национального языка. Между тем памятники этого периода остаются до сих пор мало изученными.

Предметом исследования в настоящей диссертации является язык Петра Хельчицкого — выдающегося чешского мыслителя и писателя XV в. (1390—1460). Хельчицкий является автором многочисленных произведений религиозно-философского и богословского характера: трактатов, посланий, реплик, в которых он изложил свое учение. Стремление Хельчицкого сделать свое учение как можно более популярным предопределило существенные особенности языка писателя: простоту изложения, отсутствие архаических черт, близость к разговорному народному языку, яркую образность. Своими особенностями язык Хельчицкого выгодно отличался от языка других писателей — его современников.

Исследование языка П. Хельчицкого проводилось нами на материале одного из самых выдающихся и крупнейших его произведений — «Сети веры». В этом труде Хельчицкий дал наиболее полное изложение своего учения. Здесь же он развернул резкую критику католической церкви, а также различных сторон современного ему общественного строя с позиций своего учения. Все это позволяет определить «Сеть веры» как произведение, в котором своеобразно сочетались элементы религиозно-философского и публицистического трактата.

Со стороны языка «Сеть веры» представляет один из лучших образцов чешской прозы XV в., весьма близкой к народному языку. Высокие достоинства языка П. Хельчицкого неоднократно отмечались исследователями его творчества. Исключительно высоко оценивал язык «Сети веры» великий русский писатель Л. Толстой, живо интересовавшийся наследием Хельчицкого: «Кроме того, что она интересна, как ни посмотреть на нее, — пишет Толстой, — книга эта есть одно из замечательнейших произведений мысли и по глубине содержания, и по удивительной силе и красоте народного языка, и по древности». Во вступительной статье к изданию труда Хельчицкого в 1907 году Толстой повторил свою высокую оценку языка «Сети веры». Высказав предположение о том, что автором ее «был земледелец, мужик», Толстой говорит, что заключает об этом, между прочим, «по сильному, простому, ясному языку книги».

Задачей диссертации являлось исследование фонетики и морфологии языка «Сети веры» Хельчицкого.

Изучая язык П. Хельчицкого, автор рассматривал его не как изолированное явление, а стремился обнаружить те нити, которые связывают язык Хельчицкого с языком предшествующего и последующего этапов развития чешского языка (Штитный — XIV в., Гус — XIV—XV в., Коменский — XVII в.), с устной народной речью, современной Хельчицкому, а также с чешским литературным языком наших дней.

Такой подход к анализу языка «Сети веры» Хельчицкого позволил установить:

- 1) какие явления языка Хельчицкого, опирающегося на устную народную речь, получили дальнейшее развитие в истории чешского литературного языка;
- 2) какие языковые явления, характерные для языка Хельчицкого и почерпнутые им из живой народной речи, не закрепились в дальнейшей жизни литературного чешского языка;
- 3) какие явления устного народного языка не получили отражения в языке Хельчицкого;
- 4) с какими явлениями традиционной письменной речи Хельчицкий порывает и какие явления развивает.

Общие результаты настоящего исследования должны, по замыслу автора, представлять развернутую, научно аргументированную характеристику языка «Сети веры» П. Хельчицкого, деятельность которого составила значительную и важную главу в истории чешского литературного языка.

Вместе с тем проведенное исследование фонетики и морфологии языка «Сети веры» позволило: во-первых, установить некоторые черты и особенности, характеризующие фонетическую систему и грамматический строй чешского литературного языка XV в.; во-вторых, определить место, которое занимает в общем процессе исторического развития чешского литературного языка Петр Хельчицкий — один из наиболее выдающихся носителей языка своей эпохи.

* * *

Диссертация состоит из трех разделов: «Введения» и двух основных частей. Часть первая — «Фонетика», часть вторая — «Морфология».

ВВЕДЕНИЕ

Во «Введении» рассматриваются основные положения учения И. В. Сталина о языке, составляющие методологическую основу настоящей диссертации.

Затем освещается жизнь и деятельность П. Хельчицкого, его роль и место в гуситском движении, дается краткая характеристика основ его учения. При этом автор стремится осветить сильные и слабые стороны учения Хельчицкого, показать присущие ему резкие противоречия: с одной стороны, острое обличение социальной несправедливости и оплота феодализма — католической церкви, с другой — принципиальное отрицание борьбы и проповедь непротивления.

Часть первая

ФОНЕТИКА

Изучение фонетической системы языка «Сети веры» П. Хельчицкого производилось в сравнении с фонетическими данными языка Т. Штитного, Я. Гуса, А. Коменского, народного языка, а также в сопоставлении с фонетической системой современного чешского литературного языка.

Общий вывод, к которому привело исследование, состоит в том, что фонетическая система языка Хельчицкого широко отразила фонетические нормы среднечешского диалекта, легшего в основу литературного чешского языка.

Фонетические особенности языка Хельчицкого, отразившие устную народную речь, могут быть сведены к двум основным группам.

I. Фонетические явления, получившие дальнейшее развитие в литературном языке

Как показал анализ, в языке Хельчицкого эта группа фонетических явлений заметно преобладает.

1. Хельчицкий произносил *i*. Во многих говорах XV в. был еще дифтонг *ie*. В языке Штитного также был дифтонг *ie*. Переход *ie* > *i*, имевший место, как известно из истории языка, еще в XIV в., не нашел отражения в языке Штитного. Звук *i* из *ie*, характеризующий фонетическую систему Хельчицкого, впоследствии вошел в употребление в литературном языке.

2. Хельчицкому было свойственно произношение *ü* на месте дифтонга *uo*, который был во многих других говорах того времени. Для фонетической системы современного чешского литературного языка также характерно *ü* в долгие из дифтонга *uo*.

3. В языке Хельчицкого звуки *ū*, *u* совпали со звуками *i*, *i*.

По говорам различалось произношение *y* и (союз) *i*. Гус также придерживался различного произношения этих звуков. Современный литературный язык характеризуется звуками *i*, *i* на месте этимологических *ū*, *u* (но в отличие от этимологических *i*, *i* предшествующие зубные перед ними твердые).

4. Язык Хельчицкого отражает начавшееся нарушение старочешских норм перегласовки, строго соблюдавшихся Штитным (Хельчицкий: *obdržel*, *držali*, Штитный *šlyšal* — *šlyšeli*). Для фонетической системы современного литературного чешского языка также характерны нарушенные перегласованные формы, но в отличие от фонетической системы Хельчицкого унифицированные в одном варианте (совр. — *vzal* — *vzav* — *vzali*; *držel* — *drželi*; Хельчицкий — *držali* — *obdržel*).

5. В языке Хельчицкого нашла отражение только намечавшаяся в XV веке перегласовка *aj* > *ej* в закрытом слове после твердых согласных (*nejhoršie*). В современном литературном языке в этом фонетическом положении употребляется только дифтонг *ej*.

6. Для языка Хельчицкого характерно *l* среднее. По говорам в то время еще удерживалось *l* твердое, которое также сохранялось в произношении Гуса. Только *l* среднее мы находим в современном литературном языке.

7. Хельчицкий в своем языке отразил только возникшее произношение *i* вместо *ě* после *l* (*lře* вм. *lěre*). В современном языке произношение *i* вместо *ě* после *l* окончательно утвердилось.

Передача Хельчицким указанных фонетических черт на письме имеет следующие особенности. В случаях, когда Хельчицкий отражает фонетическое явление, достигшее полного развития (напр. *ie* > *i*), то наряду с традиционным знаком (*ie*) он в равной мере употребляет и новый знак (*i*), отражающий новое произношение. Часто одна и та же форма встречается два раза в одном предложении с различным написанием: *abyštie jej vedli na jeho panství a skrze jeho panství to jest spojení vespolek údův v duchovní tělo kristovo a toho těla spojení s jich hlavů* и целый ряд подобных случаев.

Если же фонетическое явление, отраженное Хельчицким, еще только намечается, то он в основном не нарушает графические и орфографические традиции. В таких случаях наблюдаются лишь единичные примеры написания, отражающие новое фонетическое явление, или же ошибки в написании, которые всегда очень важны для характеристики нового фонетического явления. Например, в написании сочетания **uo** Хельчицкий почти ничем не отличается от своих предшественников Штитного и Гуса. Однако у него имеются отдельные случаи написания сочетания **uo** на месте **u**, никогда не бывшего дифтонгом **uo** (*muodrost*, вм. *mudrost*). Кроме того, у него встречается написание **ū** (служащее для обозначения **ū** недифтонгического происхождения) там, где должно быть написано или сочетание **uo**, отражающее дифтонг, или **ū**, передающее долгий **u** дифтонгического происхождения (например, написано *slovūm* — дат. мн. вм. *slovuom* или *slovūm*). Эти факты говорят о том, что в языке Хельчицкого вместо дифтонга **uo** был долгий звук **ū**.

Хельчицкий совершенно последовательно употребляет знаки **ý**, **у** для этимологических **ū**, **u**. Но в то же время у него встречаются написания: *vzievano*, *posielá*, *nazievá se*, т. е. этимологический **ū** он передает сочетанием **ie**, которое обычно используется им для передачи звука **i**. Следовательно, звук **u** в его произношении совпал с **i**.

Произношение **i** вместо **e** после **l** (типичное для среднечешского диалекта) подтверждается следующими данными: *l'ěbila se* вм. *lībila se*; Хельчицкий написал знак **ě** там, где звука **e** никогда не было. С другой стороны: *dly* вм. *dlē*; в этом примере знак **ū** (обычно передающий этимологическое **ū**, которое, как мы видели, совпало в языке Хельчицкого с **i**) употреблен там, где должен быть знак **ě**, передающий звук **e**. Следовательно, здесь звука **e** в его произношении не было. Знак **ě** Хельчицкий иногда писал на место любого **i** (в том числе и не происходящего из **ě** — см. *l'ěbila se*).

Отмеченные выше в языке Хельчицкого фонетические черты, принадлежали к категории тех явлений в языке, которые имели за собой будущее, отражали живые и прогрессивные тенденции в развитии языка. Как показало исследование, все указанные выше фонетические явления среднечешского диалекта, с большей или меньшей полнотой отраженные в языке Хельчицкого, получили свое дальнейшее развитие в жизни литературного языка.

II. Фонетические явления, не удержавшиеся в литературном языке позднейшего времени

Звук **v** в языке Хельчицкого в некоторых положениях произносился как **u**. В таком произношении Хельчицкий опирался на устную народную речь древнечешского периода (в современном чешском языке это характерно для северо-восточных говоров). Билабиальное **v** впоследствии не удержалось в литературном языке. Звуковой состав современного чешского литературного языка характеризуется звуком **v**, соотносящимся с **f**.

Хельчицкий сохранял в произношении группы **dl**, **tl** перед согласным. Это было характерно для народного языка, а также для языка письменности XVI—XVII вв. В современном литературном языке группы **dl**, **tl** перед согласными упростились: *smrtelně*, *spasitelně* и т. д.

В отдельных случаях в языке Хельчицкого получил отражение протетический согласный **v**, характерный для среднечешских говоров: *k voku*. В современном литературном языке протетические согласные неупотребительны.

Таким образом, мы видим, что некоторые фонетические особенности устной народной речи, в частности среднечешского диалекта, свойственные языку Хельчицкого, не закрепились в дальнейшей жизни литературного языка.

Отдельные фонетические явления устной народной речи не нашли отражения в языке Хельчицкого. Так, Хельчицкому не было свойственно употребление **au** в начальных слогах. Вообще же начальное **au** было распространено в говорах, а в эпоху упадка чешского языка проникло и в язык письменности (Коменский).

Не отраженными в языке «Сети веры» можно считать и такие явления, как переход **e** > **i**(**ý**) типа: *dobrýho* и дифтонгизация **i** > **aj** > **ej** (*pejcha*), поскольку каждое из этих явлений представлено в языке «Сети веры» единственным примером (*vývody vajpis*).

Весьма показательно, что все фонетические явления среднечешских говоров, не представленные в языке Хельчицкого, не сохранились и в современном чешском литературном языке, несмотря на то, что в течение двух столетий, в период упадка чешского литературного языка (XVII—XVIII вв.), они были в нем широко отражены и исчезли из него в эпоху подъема и возрождения чешского литературного языка.

Анализ фонетической системы языка П. Хельчицкого показал, что в его языке отразились не только те фонетические явления устной народной речи, которые достигли полного развития, но и еще только наметившиеся. В большей своей части они закреплялись и получали развитие в дальнейшей жизни литературного языка.

Часть вторая

МОРФОЛОГИЯ

Опираясь на сталинское учение о грамматическом строе языка, автор стремился уловить постепенные, медленные, подчас едва различимые на исторически ограниченном отрезке времени изменения в грамматическом строе языка, носителем которого был П. Хельчицкий. Характеризуя каждую из рассматриваемых морфологических категорий, автор стремился выяснить новые и старые, живые и отмирающие элементы в языке Хельчицкого.

Изучение грамматических категорий сопровождалось также рассмотрением важных и интересных с точки зрения поставленных автором задач синтаксических функций некоторых грамматических категорий.

Вторая часть состоит из шести глав. Каждая глава посвящена отдельной части речи, ее формам.

В главе первой — «Существительные» на анализе конкретного материала показано, как шло перераспределение типов склонений.

Все многообразие типов склонений по основам в славянских языках, как известно, перераспределялось по родам. Данные языка Хельчицкого показали, что этот процесс в чешском языке был сложным. С одной стороны, происходило объединение отдельных типов склонений в одном типе. С другой стороны, происходило выделение особых, ранее не существовавших типов склонений. Так, в женском роде вместо пяти древних типов склонений (а-основы, ja-основы, ѣ-основы, i-основы, основы на согласный) в языке Хельчицкого можно выделить следующие типы: *viera* — твердая разновидность склонения, *duše* — мягкая разновидность и *obec* — склонение, стоящее особняком. Остальные типы склонений растворились в этих трех, сохраняя некоторые свои особенности. Но в то же время происходило постепенное выделение из i-основ особого типа склонения *píseň, daň*, по своим окончаниям тяготеющего к типу *duše*. В языке Хельчицкого это выделение еще только намечается: в твор. множ. *košmi*, но *daněmi*.

В дальнейшем этот процесс захватил и другие падежи. В современном литературном языке окончания этого типа склонения во множ. числе совпали с окончаниями типа *duše*; в единственном же числе особые окончания сохраняют только им. — вин. — зват. падежи.

Следовательно, эволюция склонения существительных типа *píseň, daň* такова. Отделяясь на определенном этапе от i-основ, они некоторое время составляли особый тип склонения, промежуточный между типами *obec* и *duše*, однако непрерывно сближающийся с типом *duše*. В современном чешском литературном языке существительные типа *píseň, daň*, по существу, составляют уже один тип склонения, общий с существительными типа *duše* или, точнее (с учетом окончаний им. — вин. — зват.), его подтип.

В склонениях существительных среднего рода наблюдается выделение из jo-основ особого типа склонения *znamení*, образовавшегося в результате действия фонетических законов чешского языка. Склонение на согласный звук распределилось между двумя типами: *právo* и *moře*. Склонение существительных с суффиксами *-stu, -cto* колеблется между типами *právo* и *moře* (*knězstvo — knězství*).

Склонение женского и среднего рода в языке Хельчицкого претерпевало меньше изменений, нежели склонение существительных мужского рода. Главные изменения в системе склонения женского и среднего рода отмечены выше. Они идут по линии перераспределения типов склонения уже внутри самого рода — женского или среднего.

В мужском роде во многих типах склонений отмечается большая неустойчивость падежных окончаний, нежели в женском и среднем роде. Это объясняется различными причинами. Во-первых, общий процесс перегруппировки типов склонения в соответствии с грамматическим родом существительных в XV в. был еще далеко не закончен и касался он, главным образом, существительных мужского рода. Во-вторых, не завершилась еще перегруппировка внутри основ, склоняющихся по типу существительных мужского рода. Наконец, в-третьих, не закончилось, а в отдельных случаях, по существу, только развернулось оформление категорий одушевленности и неодушевленности, категории личности, что также имело следствием перераспределение окончаний мужского рода.

Изученный нами материал убеждает, что в соответствии с родом существительные а-основ, типа *soudce* в языке Хельчицкого начинают переходить в склонение мужского рода. Анализ конкретных образцов показал, что этот переход осуществлялся неравномерно. Существительные типа *soudce* начинают сливаться с существительными мужского рода типа *oráč* раньше, чем *sluha* с существительными типа *chláp*. Это, очевидно, объясняется тем, что существительные типа *soudce* уже ранее имели окончания, совпадавшие в некоторых падежах с окончаниями типа *oráč* (род. — дат. — ед.; вин. — твор. — множ.). Таким образом, почва для сближения была уже подготовлена. Что касается типа *sluha*, то в языке Хельчицкого он еще сохраняет старые окончания.

Внутри основ, изменяющихся по типу существительных мужского рода, в XV в. наблюдается сильное влияние *u*-основ на другие основы мужского рода. При помощи сопоставлений с языком предшествующего периода (Штитный) и привлечения данных истории языка устанавливается, что бессистемное употребление для любого существительного мужского рода параллельных окончаний *u*-основ и *o*-основ к XV в. начинает уступать место относительно дифференцированному употреблению их. Это объясняется тем, что при выделении категории личности и одушевленности окончания *u*- и *o*-основ постепенно получили совершенно иную функцию: показывать не тип склонения, а одушевленность или неодушевленность, личность или неличность внутри одного типа склонения. Так, способы выражения одушевленности и неодушевленности в языке Хельчицкого характеризуются следующими особенностями. Отмечена дифференциация одушевленности и неодушевленности в род. — дат. — местн. падежах ед. числа: род. ед. одушевленные — окончание только *a*, неодушевленные — окончание *u* и *a*; дат., местн. ед.: одушевленные — окончание *ovi* и *u*, неодушевленные — только *u*.

Во множ. числе дифференциация ограничена только им. пад., причем различие одушевленных и неодушевленных существительных не получило еще четкого оформления. Выделилась лишь группа личных существительных, обозначающих национальную принадлежность, социальное положение, род занятий, имеющая всегда окончание *é* (из основ на согласный), и группа личных существительных с суффиксами *-ník*, *-ák*, имеющая всегда окончание *i* (из *o*-основ). Остальные же существительные, как одушевленные, так и неодушевленные, имеют окончания *-ové*; *synové*, *stromové* и т. д.

Эти изменения, происходившие в системе склонений существительных в чешском языке XV в. и отраженные в языке Хельчицкого, получили развитие в литературном языке последующих веков. Так, позже начинают сближаться в соответствии с родом существительные типа *chlap* и *sluha*. В современном литературном языке окончания существительных типа *chlap* и *sluha* во мн. числе совпали.

Наряду с этим наблюдаются и такие явления, которые не получили дальнейшего распространения. Например, в языке Хельчицкого употреблено окончание *-ich* после *n*, *t*, *d* в местн. множ. В древнечешском было возможно два окончания; *ich*, *ech*. Дальнейшего распространения эта особенность не получила (у Коменского после *n*, *t*, *d* последовательно употреблено *ech*, сохранившееся и в современном литературном чешском языке). Наличие указанных форм в языке Хельчицкого не свидетельствует, однако, о том, что ему было свойственно употребление архаизмов. Для Хельчицкого это были живые формы, о чем говорит широкое использование окончания *ich* после *n*, *t*, *d* в живой народной речи XV—XVI вв.

Синтаксические замечания в данной главе касаются использования существительного в именительном и творительном падежах в роли сказуемого, а также соотношений в употреблении родительного и винительного падежей при определенных глаголах. Именно по этим синтаксическим вопросам у Хельчицкого нами обнаружен наиболее интересный материал, показывающий, как в языке Хельчицкого отразились элементы нового и старого в использовании форм, какими путями происходило вытеснение элементов старого из языка.

В языке Хельчицкого нет строгой дифференциации в употреблении именительного и творительного предикативного. Так, при указании на постоянное свойство нередко употреблен творительный падеж: *Protož on ja Bohem. zná srdce všech lidí.* — 397. Этот общий процесс вытеснения древнейшего именительного предикативного творительным предикативным в основном получил свое развитие в дальнейшем. Однако нельзя сказать, что в современном языке творительный предикативный более употребителен, нежели именительный предикативный. Взаимоотношения между этими двумя падежами весьма сложные. Во многих случаях употребление творительного предикативного или именительного предикативного обусловлено стилем речи, находится в зависимости от жанра произведения, индивидуального стиля писателя, эмоциональной окрашенности речи и т. п.

В употреблении родительного (в частности, родительного партитивного) и винительного падежа при некоторых глаголах нами отмечается следующая особенность: многие глаголы, требующие в современном литературном языке винительного падежа, в языке Хельчицкого употреблялись с родительным: *uměnil přikazání a břemen těžkých*, 123.

Это явление было характерно для древнечешского языка. С течением времени происходило постепенное вытеснение родительного падежа винительным при этих глаголах. Анализ материала показал, что в языке Хельчицкого старое употребление родительного падежа исчезло не сразу с появлением новых особенностей в управлении глаголов. Некоторое время сосуществовали параллельно старое управление — родительным падежом и новое — винительным у одних и тех же глаголов: род. — *Pohled' tuňý kohos kúpil a čeho kúpil* — 137; вин. — *apo tol Antikristuo kúpil je u pařeže* — 351. Также при глаголах: *lepšiti*, *ostřihati*, *treskati*.

В главе второй — «Прилагательные» рассмотрены формы прилагательных и особенности их употребления.

В языке Хельчицкого употребительны, главным образом, местоименные прилагательные. Именные формы не являются продуктивной категорией, на что указывает синтаксическое использование их. Обычно в языке Хельчицкого именные прилагательные сохранялись в форме им.-вин. падежа. В предложении они выступают в качестве именной части составного сказуемого. Наши наблюдения показали, что в языке Хельчицкого именные прилагательные используются в этой функции только в установившихся, повторяющихся оборотах (особенно в обороте *učasten býti, živ býti* + глагол). Обычный же способ выражения именной части сказуемого в других случаях — это местоименные прилагательные в именительном падеже.

Сравнительная степень именной формы мужского рода (в других родах употребляется сравнительная степень местоименной формы) в предложении выступает в функции обстоятельственных слов. Как известно, сравнительная степень именных форм в литературном языке XV в. была еще распространена и употреблялась, как правило, в качестве именной части сказуемого. В народном же языке XV в. эти формы в подобной функции уже исчезли из употребления.

Исследуя прилагательные, мы обратили внимание на следующий интересный факт, выделяющий Хельчицкого из числа других древнечешских авторов. В языке Хельчицкого почти никогда нет разрыва между определением и определяемым. Отрыв определения от определяемого (результат латинского влияния) был характерен для древнечешского языка, а также для языка периода упадка (Коменский; *Když jsem tak nesěšelné letajících smrti stěhl množství spatřil*).

Эта особенность в постановке определения в дальнейшем не сохранилась. В современном литературном языке определение, как правило, не отделяется от определяемого. Подобная постановка определения и определяемого типична для грамматического строя славянских языков. В данном случае Хельчицкий опирался на народную речь, освобождал чешский письменный язык от оборотов, чуждых ему как славянскому языку.

В главе третьей — «Местоимение» показано, что большинство местоимений различных категорий в языке Хельчицкого являются уже установившимися. Впоследствии они в литературном языке не претерпевали значительных изменений — ни в форме, ни в синтаксическом использовании. Произошли лишь некоторые незначительные изменения в употреблении отдельных форм: в личных местоимениях исчезли энклитики с предлогом в дательном падеже; в притяжательных — окончательно установились различные формы для одушевленных и неодушевленных существительных; произошло сокращение долгот в некоторых формах притяжательных местоимений.

Хельчицкому не свойственно употребление архаических форм указательных местоимений *sep, kú*, как известно из истории языка весьма распространенных в XIV—XV вв.

Хельчицкий почти не употреблял притяжательных местоимений, образованных под влиянием латинского языка от личных (*Pozdvihl sem oči mých*), заменяя их местоимениями, образованными от возвратных (*Pozdvihl sem oči svých*), что характерно для славянских языков.

Таким образом, и здесь Хельчицкий, отказываясь от старых книжных традиций, опирался на живую народную речь своего времени.

В небольшой по объему главе четвертой — «Числительные» устанавливается, что формы числительных, отмеченные в языке Хельчицкого, претерпевали дальнейшие изменения, главным образом фонетические. Происходила ассимиляция: *třicet — třicet*, сокращение конечного гласного: *sedmdesáte — sedmdesát*. Лишь в одном случае изменился способ образования числительных: вместо древних порядковых числительных: *dvamezicetma* и др. стала принятой форма *vadcatý druhý* или *jedenadvacatý*.

В главе пятой — «Глагол» в результате проведенного нами исследования показано, что в языке Хельчицкого личные формы и большая часть именных в основном установились как со стороны морфологической, так и синтаксической.

В именных формах глагола к неустановившимся следует отнести краткие формы причастий настоящего времени. Так, для категории среднего рода используется форма мужского рода и форма женского рода. Это объясняется тем, что в связи с выделением категории личности форма мужского рода начинает обособляться. Для причастий среднего рода стали использовать форму женского рода. В предложении краткие причастия выступают, главным образом, в функции обстоятельственных слов в группе сказуемого. Потеря функции атрибута привела к тому, что причастия потеряли склонение. Оставшаяся первоначальная форма именительного падежа тоже стала терять согласование с существительным. Это приводило к совпадению форм. Так, в древнечешском языке для действительных причастий настоящего времени женского рода ед. числа и для всех причастий множественного числа употреблялась одна форма — *milující*

(Штитный). Подобная форма сохранялась и у авторов XVII в. (Коменский). Хельчицкий здесь пытался провести нормализацию. Он соблюдал строгое различие в форме: женск. ед. — *milujići*, мужск., женск., средн. множ. числа *milujiće*. Впоследствии столь же четкое разграничение соблюдается в современном литературном чешском языке, несколько иначе оформляясь: женск. ед *milujič*; мужск., женск., сред. множ. — *milujiče*.

В заключительной части главы рассмотрены некоторые синтаксические особенности в употреблении глагольных форм: способ выражения пассивности и особенность употребления перфекта. Рассмотрение этих вопросов важно в том отношении, что оно показывает, как отражал Хельчицкий различные явления письменной речи, какие явления письменной речи он развивал.

Все изменения, отмеченные нами, как в глагольных, так и в именных формах можно разделить на две группы: морфологические, т. е. изменения, касающиеся отдельных форм, и синтаксические, т. е. связанные с оформлением категории, с общим строем предложения (ощущение связи в перфекте, изменение управления при глаголе, перераспределение окончаний кратких причастий в связи с оформлением категории личности).

В главе шестой — «Наречия» исследован вопрос о степени оформленности наречий, представленных в языке Хельчицкого. Установлено, что наряду с наречиями, являющимися уже сложившимися, имеются наречия, которые отражают различные стадии оформленности этой части речи. Все многообразие наречий в языке Хельчицкого в зависимости от степени их оформленности можно свести к трем основным группам.

1. Наречия, образованные от существительных, местоимений, числительных. В языке «Сети веры» они являются уже сложившимися. Они сохранились без изменения и в современном литературном языке: *vuobec* (*vůbec*), *někdy*, *zevniř* и т. д.

2. Наречия, образованные от прилагательных. В группе этих наречий наблюдается вытеснение суффикса *o* суффиксом *e* (*ě*). Во времена Хельчицкого этот процесс был еще далеко не закончен. Сопоставление с современным языком показывает, что в последующие эпохи происходило дальнейшее вытеснение наречий с суффиксом *o* наречиями с суффиксом *e*. Так, из указанных у Хельчицкого форм на *o* некоторые в современном языке употребляются только с *e* (*e*): *draze*, *úžitečně*, *čistě*.

Однако и в современном языке этот процесс также не закончен. Большинство наречий имеют суффикс *e*, (*e*), но наряду с этим есть наречия, возможные только с суффиксом *o*: *daleko*, *dávno*, *přimo* и некоторые другие. Затем ряд наречий существует в двух вариантах, имеющих скорее стилистическое различие, нежели смысловое: *široko* — *široce*, *daleko* — *dalece*, *dlouho* — *dlouze*, *lehko* — *lehce*, *snadno* — *snadně*.

Имеются также наречия с параллельными формами. Их наличие объясняется смысловым различием: *těžko* — тяжело, тошно; *těžce* — тяжело, с трудом; *hluboko* — глубоко (о конкретных понятиях); *hluboce* — глубоко (об отвлеченных понятиях).

3. Наречия, образованные от сравнительной степени кратких прилагательных, можно считать еще только складывающейся категорией. Язык Хельчицкого отражает этап, когда наречия данного типа еще не сформировались. Для образования этих наречий используются две формы кратких прилагательных сравнительной степени: краткая форма мужского рода и краткая форма среднего рода. В языке Хельчицкого она выступает как новая категория лишь по смыслу, в предложении, сохраняя свою старую форму: *aby lhalí oděněji*. В современном языке произошло окончательное оформление этого типа наречий: *jasněji*, *raději* и др.

Анализ обширного языкового материала показал, что Хельчицкий достаточно полно и многосторонне отразил живые языковые отношения своего времени.

В языке письменности Хельчицкий воплотил с наибольшей полнотой нормы общенародного языка своего времени. Сопоставления показали, что народная речь является основой языка Хельчицкого. Опираясь на народную речь, Хельчицкий берет из нее общее, типичное, обрабатывает и совершенствует.

СОДЕРЖАНИЕ

М. И. М а т у с е в и ч. Экспериментально-фонетические исследования согласных болгарского языка	3
Е. В. Ч е ш к о. Словосочетания с предлогом <i>e</i> в болгарском литературном языке	17
Ю. С. М а с л о в. О своеобразии морфологической системы глагольного вида в современном болгарском языке	28
О. Н. Т р у б а ч е в. К этимологии слова <i>собака</i>	48

ХРОНИКА

Доклад акад. В. И. Георгиева на тему «Болгарское языкознание на новом пути»	56
Второе совещание по вопросам болгарской грамматики	62
Дипломные работы по славянскому языкознанию в МГУ (1954 г.)	69

РЕФЕРАТЫ

Н. Х. И в а н о в а. Творительный предикативный падеж в польском языке	72
А. М. Б у л ы г и н а - Ш е й н к е р м а н. Язык «Сети веры» Петра Хельчицкого	79

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Р. М. Дейтлин*
Технический редактор *Т. В. Полякова*

РИСО 61-48В

Сдано в набор 30/XI 54 г. Подп. в печать 29/IV 1955 г.

Форм. бум. 70 × 108^{1/16}. Печ. л. 5,5. Уч.-изд. л. 7,4.

Тираж 1800. Т-02482. Тип. заказ 1324

Издат. № 835

Цена 4 р. 40 к.

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-64, Подсосенский пер., д. 21
1-я типография Изд-ва АН СССР
Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12

Цена 4 р. 40 к.

525515
RU